

Департамент образования и науки города Москвы
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»

На правах рукописи

Лакаев Павел Викторович

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ
ОСНОВАНИЯ ВЫБОРА СТРАТЕГИЙ
ПОВЕДЕНИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ**

5.7.7 – социальная и политическая философия

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Жукоцкая Александра Васильевна

Москва – 2025

Оглавление

Введение.....	3
ГЛАВА 1. Феномен экстремальных обстоятельств: сущностные характеристики.....	23
1.1. Характеристика экстремальности в онтологическом и экзистенциальном контекстах.....	23
1.2. Риск и неопределенность как онтологические основания экстремальности.....	48
1.3. Пограничные ситуации как экзистенциальные основания выбора поведенческих установок в экстремальных обстоятельствах.....	80
ГЛАВА 2. Выбор поведенческих стратегий в экстремальных обстоятельствах.....	105
2.1. Социальные и экзистенциальные факторы, влияющие на выбор субъектом поведенческих стратегий в экстремальных обстоятельствах.....	105
2.2. Характеристика основных поведенческих стратегий в условиях экстремальных обстоятельств.....	135
Заключение.....	155
Список использованной литературы.....	160
Приложение 1.....	173
Приложение 2.....	176

Введение

Актуальность диссертационного исследования

Экстремальные обстоятельства сопровождали человека на протяжении всей его истории: землетрясения, наводнения, войны, голод, революции, эпидемии и другие бедствия. Например, в истории известны как минимум два подробных описания пандемии (эпидемии) чумы. Первая и самая «зловещая» в истории Западной Европы – «черная смерть» середины XIV в., которая унесла жизни трети населения Европы. В самом начале «Декамерона»¹ Боккаччо оставил описание ее ужасов: «опухоли», «черные и синие пятна», «заразительность», и «великий страх». Второе описание (Дэниель Дефо) касается эпидемии чумы, произошедшей в Лондоне во второй половине XVII века, она унесла жизни примерно 100 000 человек (20% населения города погибли): «Весь Лондон был в слезах»².

Сейчас мы говорим об экстремальных обстоятельствах, которые проявлялись как видимые факторы внешней опасности. Путешествие Одиссея домой – это метафора человеческой борьбы с «видимыми» экстремальными обстоятельствами, как с самой судьбой: Полифем, сирены, Сцилла, Харибда, Кирка, «гнев Посейдона»³. Экстремальные обстоятельства испытывали внутренние, моральные границы человека, делали его сильнее, мудрее, «взрослее». В настоящее время мир все еще преодолевает и переживает последствия, связанные с двумя мировыми войнами, Чернобылем, Фукусимой, событиями 11 сентября 2001 года, кризисом 2008 года, Арабской весной, COVID-19 и информационными, сетевыми и геополитическими войнами. Этот событийный ряд можно продолжить. Несмотря на всю сложность и опасность этих обстоятельств, человечество всегда находило способы справиться с ними. Раньше экстремальные обстоятельства были относительно редкими и яркими эпизодами в истории человечества, были «явными» и «физическими». Теперь же они обретают масштабный характер и не всегда явный, проникая в психику, в

¹ Боккаччо Д. Декамерон. М.: Художественная литература, 1970. С. 36-38.

² Дефо Д. Дневник чумного года. М.: Наука; Ладомир, 1997. С. 31-32.

³ Гомер. Одиссея. М.: Наука, 2000. 486 с.

экзистенциальное измерение самого человека: угрозы ядерной войны и терроризма, киберпреступления, тревога, одиночество, цифровая изоляция, информационная перегрузка, экзистенциальный кризис. Количество факторов, указывающих на экстремальность обстоятельств, постоянно увеличивается⁴. Характер экстремальных обстоятельств изменился: они стали более расплывчатыми, не всегда выраженными. Несмотря на технологический прогресс, улучшение качества жизни, расширение доступа к информации и ресурсам, современный человек сталкивается с новыми страхами, связанными с потерей смысла⁵. Современные экстремальные обстоятельства формируют новый тип человека, который мы условно обозначаем как «Номо Extremus». Это тип человека, который постоянно адаптируется к сложным жизненным условиям, нестабильности, кризисам, испытывая хроническую тревогу и депрессию. Номо Extremus ищет острых ощущений, «нуждается» в экстремальных обстоятельствах, чтобы почувствовать себя «живым», для него комфорт – это нестабильность. Мы бы сказали, что у Номо Extremus формируется «зависимость» от экстремальных обстоятельств.

Итак, актуальность диссертационного исследования обусловлена множеством факторов, каждый из которых тесно связан с тематикой социально-философского аспекта экстремальности.

Во-первых, в философском знании феномен и понятие экстремальных обстоятельств остается слабо разработанным. Системы «общество», «человек – общество», «человек – общество – техника – технологии» являются открытыми, постоянно усложняющимися, что затрудняет анализ феномена экстремальных ситуаций в силу неопределенности будущего таких сложных систем.

Во-вторых, экстремальные обстоятельства детерминируют «пограничные ситуации» (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр), когда человек оказывается перед лицом смерти, страдания, потери близких, потери смысла жизни. Они ставят перед

⁴ См.: Is the number of natural disasters increasing? // Our World in Data [Электронный ресурс]. URL: <https://ourworldindata.org/disaster-database-limitations#article-citation> (дата обращения: 10.03.2024); В России выросло число природных катаклизмов // Газета.Ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/04/03/22694359.shtml> (дата обращения: 10.03.2024).

⁵ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 327.

человеком экзистенциальные вопросы и поднимают проблему ответственности за свою жизнь и жизнь других людей. Такие ситуации требуют от человека принятия решений и выработки стратегий поведения, которые могут определить его дальнейшую судьбу и судьбу окружающих.

В-третьих, появляются новые «явные» и «скрытые» формы экстремальных обстоятельств, обозначаемые как «общество риска» (У. Бек), «общество усталости» (Б.-Ч. Хан). Современные технологии, индустриализация, экологические проблемы, перегруженность информацией, постоянный стресс, нехватка времени, эмоциональное истощение создают новые угрозы и риски для человека.

В-четвертых, пандемия COVID-19 стала для человечества одним из ярких примеров экстремальных обстоятельств, одной из главных причин увеличения уровня тревожности в обществе ⁶. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в мире насчитывается больше 280 миллионов человек, страдающих депрессией ⁷. Каждый год около 700 тысяч человек заканчивают жизнь самоубийством ⁸. Люди столкнулись с неопределенностью будущего, страхом перед болезнью и смертью, а также с необходимостью адаптироваться к новым условиям жизни, что вынуждает человека искать новые стратегии поведения.

В-пятых, анализ понятий «экстремальность», «экстремальная ситуация», «пограничная ситуация», а также обоснование выбора поведенческих установок в экстремальных обстоятельствах является междисциплинарной проблемой. Экстремальные обстоятельства затрагивают обычных людей, группы и сообщества, анонимные массы, которые вынуждены преодолевать внешние и внутренние угрозы, чтобы сохранить целостность бытия. В этой парадигме экстремальные обстоятельства стали нормой, они проникают в ткань

⁶ Тревоги и опасения россиян // ФОМ [Электронный ресурс] URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14975> (дата обращения: 10.04. 2024).

⁷ Депрессивное расстройство (депрессия) // Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс] URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression>; 10.04. 2024).

⁸ Самоубийство // Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс] URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (дата обращения: 10.04. 2024).

повседневной жизни. В этой связи изучение феномена экстремальных обстоятельств, выбора стратегий поведения человека в экстремальных условиях становится предметом для многих областей социального и гуманитарного знания: философии, психологии, социологии, культурологии и других наук. Такой междисциплинарный подход обусловлен сложностью самой проблемы и составляет методологическую специфику ее исследования.

Степень разработанности темы

Настоящее диссертационное исследование относится к сфере социальной философии, но для полноценного анализа требуется междисциплинарный подход. Социальная философия является отправной точкой данного исследования, но при этом важно учитывать аспекты психологии, антропологии, социологии и других наук. Социально-гуманитарные науки изучают не только самого человека, но и человека в соотношении с его социальным и природным окружением. Феномен экстремальных обстоятельств интересует человечество сотни лет и имеет глубокие корни в истории и культуре. Сегодня экстремальные обстоятельства чаще всего ассоциируются со страданием, которое может быть вызвано, как негативными ситуациями (насилие, бедствия, войны), так и переизбытком «позитивного» (чрезмерное количество коммуникации, общество изобилия, удовольствия, вызывающих стресс и чувство пустоты). В основе этих явлений лежит идея истощения (физического и ментального).

Психология заложила основу системного анализа экстремальности как явления, с которым сталкивается человек, когда попадает в необычные, непредвиденные, травмирующие ситуации, поскольку она изучает механизмы принятия решений и влияние различных факторов на поведение человека. Одними из первых, кто начал исследовать эту проблему, были Зигмунд Фрейд⁹ и его последователи. Они утверждали, что поведение человека определяется его бессознательными мотивами и инстинктами, включая стремление к самосохранению. Эти идеи были развиты в работах Альфреда Адлера¹⁰ и Карла

⁹ Фрейд З. Толкование сновидений. Мн.: ООО «Попурри», 2003. 576 с.

¹⁰ Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М., «Когито-Центр», 2002. 220 с.

Юнга¹¹. Другие известные исследователи в этой области (включая писателей) – Виктор Франкл¹², Примо Леви¹³, Жан Амери¹⁴, Тадеуш Боровский¹⁵, Рэймон Федерман¹⁶, Эли Визель¹⁷ и Бруно Беттельхейм¹⁸ – провели часть своей жизни в концентрационном лагере. Их психологически ориентированные работы основаны на анализе того, как люди адаптируются к жизни в критических условиях, теряют человечность, либо стараются ее сохранить. В диссертации важна идея «воли к смыслу» Виктора Франкла, которая приобретает для человека в негативных экстремальных обстоятельствах практически религиозное значение. Этот смысл становится для него опорой. Люди, которые находят смысл, сохраняют свою человечность, продолжают бороться за свою жизнь и свои идеалы. Современная психология экстремального активно развивается в последние десятилетия в работах: М. Ш. Магомед-Эминова¹⁹ и Н. В. Чудиной-Шмидт²⁰, Л. А. Китаева-Смыка²¹, и других. В их работах определяются основные характеристики «экстремальности», расширяется понимание экстремального как предельного состояния, в котором человек сталкивается с выбором.

Социальная антропология изучает феномен экстремального с точки зрения культурных особенностей и социальных норм. Существует три основных подхода, которые помогают понять поведение людей в экстремальных ситуациях. Первый подход – структурализм²² (К. Леви-Стросс): человеческие общества организованы вокруг базовых структур (родство, брак, обмен), они формируют социальную жизнь и определяют взаимодействия между людьми. Второй подход

¹¹ Юнг К. Г. Человек и его символы. М.: «Серебряные нити», 2016. 352 с.

¹² Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М.: Альпина нон-фикшн, 2009. 239 с.

¹³ Леви П. Человек ли это? М.: Текст, 2001. 205 с.

¹⁴ Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. М.: Новое издательство, 2015. 200 с.

¹⁵ Боровский Т. Прощание с Марией. Рассказы [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/borovskiy_tadeush/proshchaniye_s_mariey.html#0 (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁶ Федерман Р. Тсс... История одного детства. СПб.: Jaromir Hladik press. 224 с.

¹⁷ Визель Э. Ночь. Рассвет. День. М.: Книжники, 2021. 432 с.

¹⁸ Беттельхейм Б. Просвещенное сердце [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/bettelgeym_bruno/prosveshchennoe_serdtsse.html#0 (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁹ Магомед-Эминов М. Ш. Трансформация личности в экстремальной ситуации // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. С. 171–174.

²⁰ Чудина-Шмидт Н. В. Особенности поведения субъекта экстрима в условиях кризисной, чрезвычайной и экстремальной ситуаций // Евразийский юридический журнал. 2024. № 8(195). С. 544–546.

²¹ Китаев-Смык Л. А. Сознание в плену // Энергия: экономика, техника, экология. 2015. № 12. С. 70–77.

²² Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 576 с.

– интерпретативный ²³ (К. Гирц): культура может быть понята через интерпретацию и семиотику, анализ знаков, символов и значений. Третий подход – теория риска ²⁴ (М. Дуглас): представления о правильном и неправильном определяют социальное поведение и социальную динамику; нарушение установленных правил приводит к конфликту. Антропология дает нам инструменты для анализа поведения человека в группе. Из современных российских ученых-антропологов значительный вклад в исследование феномена экстремального внесли: Р. Н. Масалимов²⁵, Е. С. Сеньявская²⁶, К. Л. Банников²⁷, и другие. Эти исследователи выбрали собственный опыт и себя в качестве точки отсчета для своих исследований, стремясь экзистенциально «вжиться» в экстремальное. Для нас важно изучать экстремальное не только «снаружи». Мы хотим понять, что происходит внутри этого явления, что движет людьми, когда они принимают или не принимают то или иное решение. К антропологическому подходу близок социологический подход.

Социология рассматривает феномен экстремальности как социальное явление, которое затрагивает общество и отдельные группы в целом и может влиять на общественные процессы (экономическое неравенство, политическая нестабильность, культурные конфликты, протесты, насилие, и т. д.). Одни социологи видят в этом явлении просто факт, который существует сам по себе, другие же считают его следствием аномии, то есть разрушения привычной структуры общества. В зависимости от того, как социолог относится к обществу, возникает его взгляд на экстремальное. Функционалисты (Г. Спенсер²⁸, Э. Дюркгейм²⁹, Р. Мертон³⁰) рассматривают экстремальность как отклонение от социальных норм, которое может нарушить стабильность общества. С

²³ Гирц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.

²⁴ Дуглас М. Чистота и опасность. М.: «Канон-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 288 с.

²⁵ Масалимов Р. Н. Экстремальная антропология как инновационный подход к изучению социальных проблем // Креативная экономика и социальные инновации. 2013. Т. 3, № 2(5). С. 112–122.

²⁶ Сеньявская Е. С. Военная антропология в новых исторических условиях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 46–54.

²⁷ Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. М.: РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2002. 399 с.

²⁸ Спенсер Г. Основания социологии. М.: URSS, 2016. 440 с.

²⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.

³⁰ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

увеличением численности населения, формирования количества социальных связей, система начинает усложняться. Чем сложнее система, тем больше расхождений между различными группами. Теория конфликта рассматривает экстремальность как отражение структурных противоречий в обществе, которые приводят к социальным волнениям. Среди различных подходов к изучению экстремальности следует упомянуть символических интеракционистов (Д. Г. Мид³¹ и И. Гофман³²), которые считают экстремальность субъективным опытом, основанным на интерпретации социальных символов и взаимодействий. Они изучают то, как люди придают смысл экстремальным действиям и событиям.

Питирим Сорокин³³ рассматривал экстремальность как нечто целое. Он считал, что разные типы бедствий (голод, войны, революции, эпидемии) взаимосвязаны и часто являются частью более крупного социального кризиса. Согласно теории структурного функционализма (Т. Парсонс³⁴, Р. Мертон³⁵), общество представляет собой сложную систему, которая должна поддерживать равновесие для своего функционирования. Бедствия воспринимаются как нарушения этого равновесия, которые могут привести к социальной дезорганизации. Среди современных российских социологов, внесших вклад в изучение феномена экстремальности, необходимо отметить труды Э. А. Баграмова³⁶, А.А. Дрегалю³⁷, Д. М. Рогозина³⁸ и др.

В философии проблема экстремального имманентно присутствовала с античных времен. Платон³⁹, Гераклит⁴⁰ исследовали понятия предела и

³¹ Мид Д. Г. Избранное. М.: РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии 2009. 290 с.

³² Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.

³³ Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб.: Мирь, 2012. 336 с.

³⁴ Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002. 832 с.

³⁵ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

³⁶ Баграмов Э. А. Национальное сознание, национализм и экстремизм. М.: Российский университет дружбы народов, 2015. С. 91–96.

³⁷ Дрегалю А. А. От идеи социального порядка к саморазвитию социальных систем // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 82–91.

³⁸ Рогозин Д. М. (Со)Переживание близости смерти // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6(136). С. 193–215.

³⁹ Платон. Собр. соч в 4-х т., т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.

⁴⁰ Гераклит. Фрагменты греческих философов VI—V вв. до н. э. / сост. и пер. Лебедев А. В. // Фрагменты ранних греческих философов. Часть I: от эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 176–257.

бесконечности, создав концептуальную основу для развития теории экстремумов, в основе которой лежит идея умеренности («меры»). Экстремальные события рассматривались как нарушение космического порядка, вызванное либо чрезмерностью (гибрис), либо нехваткой благоразумия (софросюне). Стоики (Эпиктет⁴¹, Сенека⁴², Марк Аврелий⁴³) считали, что мудрый человек должен быть невозмутимым перед лицом экстремальности (крайностей), рассматривая их как испытания характера и возможность достичь невозмутимости (атараксии). Они учили, что добродетель заключается в следовании природе и разуму и что внешние факторы, такие как боль, бедность или смерть, не могут лишить человека внутренней свободы и счастья. Аристотель утверждал, что конечной целью человеческой жизни является эвдемония (счастье или благополучие), которое достигается через добродетельную жизнь⁴⁴.

Восточная философия Китая также внесла значительный вклад в понимание экстремальности. Лао-цзы в «Дао Дэ Цзин»⁴⁵ пишет о необходимости баланса между противоположностями (инь и ян). Согласно восточной философии, инь и ян представляют собой две взаимодополняющие и взаимопроникающие силы, которые образуют всю реальность. Идея экстремальности возникает, когда одна из этих сил преобладает над другой, нарушая баланс и приводя к негативным последствиям. Буддийское учение о «срединном пути» стремится найти баланс между крайностями самоотречения и самопотакания. Экстремальность рассматривается как проявление чрезмерного, привязанности или отвращения. В индийской философии концепция «шуньята» или пустоты говорит о том, что все явления непостоянны, изменчивы и лишены абсолютного существования. Это значит, что экстремальные состояния тоже временные и не вечные⁴⁶.

В средние века христианские богословы исследовали экстремальность в контексте теологии и морали. Августин Блаженный⁴⁷ рассматривал крайности как

⁴¹ Эпиктет. Энхиридион (Краткое руководство к нравственной жизни). СПб.: «Владимир Даль», 2012. 399 с.

⁴² Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М.: «Наука», 1977. 384 с.

⁴³ Аврелий М. Размышления. Ленинград: «Наука», 1985. 246 с.

⁴⁴ Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 222 с.

⁴⁵ Лао-цзы. Книга о пути жизни (Дао-Дэ цзин). М.: Издательство АСТ, 2020. 288 с.

⁴⁶ Судзуки Д. Т. Очерки о дзэн-буддизме. Часть первая. СПб.: Наука, 2002. 472 с.

⁴⁷ Августин. О граде Божием. М.: АСТ, 2023. 1248 с.

борьбу между добром и злом, конечным результатом которой станет Божье царство. Фома Аквинский⁴⁸ утверждал, что экстремальность возникает из-за разрыва между разумом и волей. В Новое время механистическая философия интерпретировала экстремальность как количественную проблему, связанную с пределами материи и движения. Рене Декарт⁴⁹ считал, что экстремальность можно объяснить законами природы, управляющими физическим миром. Г. Лейбниц в своей философии связывает экстремальность с учением о монадах и малых величинах, а также с понятием «предела». И. С. Нарский⁵⁰ отмечает, что эти пределы у Лейбница существуют объективно как модальности непрерывности исследуемого явления. Истинность понятий, например экстремума, обладает метафизической необходимостью. Принцип максимума и минимума Лейбница утверждает, что минимальное количество сущности порождает максимальное количество существования. Таким образом, природа стремится использовать минимум средств для достижения максимальных результатов. Иммануил Кант⁵¹ исследовал экстремальность в контексте долга, этики и категорического императива. Он утверждал, что свободная воля является основой морального выбора. Специфика свободной воли заключается в ее автономии, то есть в способности субъекта принимать решения самостоятельно.

Экзистенциалисты продолжают буддистскую и стоическую традицию. Они изучают экстремальные обстоятельства в жизни отдельного человека. Когда человек действует, он проявляет свою истинную сущность. Экзистенциалисты считают, что смысл жизни не дан заранее. Он создается в процессе жизни. Несмотря на внимание многих наук к человеку, экзистенциализм уникален в исследовании человеческой природы⁵². Он фокусируется на переживаниях и личном опыте в экстремальных обстоятельствах, он ценен тем, что помогает понять, что каждое событие в жизни имеет значение. Основные для нас понятия

⁴⁸ Аквинский Ф. Сумма теологии. Т.I: Первая часть. Вопросы 1–64. М.: Либроком, 2013. 832 с.

⁴⁹ Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 654 с.

⁵⁰ Нарский И. С. Готфрид Лейбниц. М.: Мысль, 1972. С. 86.

⁵¹ Кант И. Критика практического разума. М.: Эксмо, 2015. 224 с.

⁵² Ясперс К. Разум и экзистенция М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.

экзистенциальной философии: «заброшенность» (М. Хайдеггер⁵³) – отсутствие предопределённой цели или смысла; «страх» (С. Кьеркегор⁵⁴) – базовое состояние тревоги; «тревога» (С. Кьеркегор⁵⁵) – состояние, предшествующее выбору; «пограничные ситуации» (К. Ясперс⁵⁶) – критические моменты, подвергающие сомнению сформировавшиеся убеждения; «тошнота» (Ж.-П. Сартр⁵⁷) – отчуждение и беспокойство от абсурдности мира; «абсурд» (А. Камю⁵⁸) – противоречие между стремлением к смыслу и бессмысленностью мира.

Русская религиозная философия и литература внесли значительный вклад в попытки создать целостное понимание жизни и смерти. Благо заключается в целостности, в единстве, а зло, страдание, несчастья – в раздробленности, в образе Антихриста. Истинная сила заключается в любви и духовной связи между людьми. Взгляды Н. Ф. Федорова⁵⁹, В. С. Соловьёва⁶⁰, Н. О. Лосского⁶¹, С. Н. Булгакова⁶², Л. П. Карсавина⁶³, Ф. М. Достоевского⁶⁴, Д. С. Мережковского⁶⁵ остаются актуальными и в наши дни. Группа источников, раскрывающих современное прочтение экстремальности в научном сообществе, включает в себя работы таких авторов, как С. И. Ворошилин, Е. В. Иванов, М. А. Кремень, А. П. Герасимчик, М. Ш. Магомед-Эминов, Н. В. Чудина-Шмидт, В. И. Чупров, Ю.А. Зубок.

Анализ феномена экстремальности составляет предмет исследования таких современных философов, как Ульрих Бек – «общество риска»⁶⁶ (увеличение рисков из-за технологического прогресса и глобализации), Жан Бодрийяр – «экстремальность»⁶⁷ в медиа и культуре (гиперреальность, симулякры⁶⁸), Поль

⁵³ Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.

⁵⁴ Кьеркегор С. Понятие страха. М.: Академический проект, 2014. 224 с.

⁵⁵ Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Академический проект, 2011. 154 с.

⁵⁶ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+, Реабилитация, 2012. 448 с.

⁵⁷ Сартр Ж.-П. Тошнота: Роман; Стена. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 399 с.

⁵⁸ Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула. М.: АСТ, 2014. 381 с.

⁵⁹ Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.

⁶⁰ Соловьёв В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 822 с.

⁶¹ Лосский Н. О. Избранное. М.: Правда, 1991. 624 с.

⁶² Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.

⁶³ Карсавин Л. П. Сочинения. М.: «Раритет», 1993. 496 с.

⁶⁴ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: АСТ, 2024. 992 с.

⁶⁵ Мережковский Д. С. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. М.: Правда, 1990. 592 с.

⁶⁶ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

⁶⁷ Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. М.: «РИПОЛ Классик», 2019. 347 с.

⁶⁸ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.

Вирильо – «дромология»⁶⁹ (скорость и движение в современном обществе), Бен-Чхоль Хан – «общество усталости»⁷⁰ (самоэксплуатация, хроническая усталость), Жан-Клод Ларше – критика новых медиа⁷¹ (иллюзия близости, усиление отчуждения).

Помимо упомянутых работ, исследование опиралось на обширную библиографию, включая диссертации по теме «экстремальность»⁷². В последние годы наблюдается снижение количества исследований в этой области. По данным платформы «disserCat» за последние пять лет защищенных диссертаций (по всем специальностям, а не только гуманитарного профиля), в которых упоминается феномен и понятие «экстремальности» 58 (менее 10%), в том числе ни одной по социальной философии. Пик исследовательского интереса к проявлению экстремальных феноменов (пришелся на рубеж 90-х и начала 2000-х годов, когда было защищено 203 диссертации, из них 7 по социальной философии⁷³.

Объект диссертационного исследования – экстремальные обстоятельства как социальный феномен.

Предмет – стратегии поведения человека в экстремальных обстоятельствах и основания, влияющие на их выбор.

Цель диссертационного исследования: на основе социально-философского анализа феномена экстремальности выявить, проанализировать и классифицировать основные стратегии поведения человека в экстремальных обстоятельствах и основания их выбора.

Задачи исследования:

1. Раскрыть сущность феномена экстремальности в онто-экзистенциальном контексте.

⁶⁹ Вирильо П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. 140 с.

⁷⁰ Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: Издательство АСТ, 2023. 160 с.

⁷¹ Ларше Ж.-К. Обратная сторона новых медиа. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2023. 304 с.

⁷² Гефеле О.Ф. Личность в ситуации риска: социально-философский анализ: дис. кандидат философских наук: 09.00.11 – Социальная философия. Москва. 2004. 151 с.; Волкова Н. Г. Экстремальность в обществе риска: дис. кандидат философских наук: 09.00.11 – Социальная философия. Самара. 2011. 167 с.; Крайнова И. А. Социальные риски: множественность описания: дис. кандидат философских наук: 09.00.11 - Социальная философия. М. 2020. 128 с.

⁷³ Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/> (дата обращения: 10.04.2024)

2. Выявить онтологические основания и ключевые этапы трансформации феномена экстремальности, связанные с риском и неопределённостью
3. Проанализировать пограничные ситуации как экзистенциальные основания выбора поведенческих установок в экстремальных обстоятельствах.
4. Определить социальные и экзистенциальные факторы, влияющие на выбор человеком поведенческих стратегий в экстремальных обстоятельствах.
5. Классифицировать основные поведенческие стратегии в условиях экстремальных обстоятельств.

Методологическая основа исследования

Изучение человека в экстремальных обстоятельствах сопряжено со значительными методологическими трудностями, обусловленными субъективностью переживаемого опыта и сложностью универсального метода интерпретации, с которым сталкивается исследователь проблемы. Понимание экстремального и экстремальности является глубоко личным и субъективным. Опыт каждого человека уникален, что затрудняет обобщение и сравнение результатов исследований. Экстремальные обстоятельства часто происходят вне контролируемых сред, что ограничивает возможности наблюдения, сбора данных и их интерпретации. Чтобы преодолеть эти трудности предлагается синтетическая методологическая основа, которая объединяет экзистенциализм, структурный функционализм, феноменологию и исторический анализ. Экзистенциализм рассматривает человека как существо, постоянно ищущее смысл в своей жизни. Для экзистенциалистов человек не является заранее определенным существом, а скорее формирует себя через свой выбор и свои действия. В рамках этого подхода мы стремимся понять, как люди рефлексиируют и воспринимают свое существование, находясь в экстремальных обстоятельствах (Серен Кьеркегор, Жан-Поль Сартр, Альбер Камю, Габриэль Марсель и Карл Ясперс). Структурный функционализм рассматривает общество как систему взаимосвязанных частей, каждая из которых выполняет определенную функцию для поддержания общего

равновесия и порядка, это – и социальные нормы, и социальные роли, и социальная солидарность. Феноменологический подход направлен на исследование внутреннего опыта переживания феномена, наиболее ярко проявляющегося в личных свидетельствах участников событий – воспоминаниях, письмах, дневниковых записях, художественных произведениях. Герменевтический метод использован для интерпретации данных, полученных в ходе исследования. Герменевтика и контент-анализ используются нами для анализа текстовых материалов, таких как дневники, письма или романы, с целью выявления доминирующих нарративов и идеологий, формирующих понимание человеком экстремальных обстоятельств. Сравнительно-исторический анализ позволяет нам изучить исторические источники и документы, исторический контекст и развитие экстремальных обстоятельств, с одной стороны, а с другой – сравнить и противопоставить различные подходы в отношении к экстремальным обстоятельствам в различные эпохи.

Гипотеза. Экстремальные обстоятельства, традиционно воспринимаемые как негативные, редкие, «видимые» события (катаклизмы природного характера, войны, эпидемии), перестали восприниматься как изолированные явления, нарушающие повседневную жизнь. Современные технологии и глобализация привели к тому, что страх и тревога, связанные с этими обстоятельствами, перестали быть отдаленной угрозой, а стали постоянными аспектами человеческого существования. Экстремальные обстоятельства в наше время не ограничиваются определенными временными рамками или физическими местами, они проникают в сознание и повседневный опыт каждого человека (депрессия, тревога, выгорание, чувство изоляции). Стратегии поведения в рамках современных экстремальных обстоятельств являются теперь не только стратегиями выживания, но и стратегиями преодоления страха. В рамках современных экстремальных обстоятельств человек не только борется за физическое выживание, но и пытается сохранить свою идентичность, совершая выбор.

Научная новизна исследования

1) Предложена синтетическая методология, основанная на экзистенциальных и феноменологических основаниях, методе структурного функционализма, интерпретационном подходе, позволяющая выйти за рамки односторонности при анализе феноменов экстремальности и экстремальных обстоятельств. Предложенный методологический синтез, в отличие от существующих традиционных подходов, которые фокусируются либо на объективных факторах экстремальности, либо на субъективном переживании, позволяет выявить социально обусловленные механизмы конструирования экзистенциального выбора в экстремальных обстоятельствах. С помощью этой методологии раскрыта диалектика социального и экзистенциального. Показано, что выбор стратегии поведения в экстремальной ситуации определяется не только индивидуальными ценностями и предпочтениями, но и социальными нормами и дискурсами, легитимирующими определенные формы действия и подавляющими другие. Таким образом, предложенная методология позволяет выявить не только явное, но и скрытое взаимодействие социального и экзистенциального.

2) Выявлено, что экстремальность представляет собой многомерный феномен, включающий в себя онтологические, экзистенциальные и социальные аспекты. Впервые представлена структурно-уровневая модель экстремальности, основанная на трёх аспектах: онтологическом, экзистенциальном и социальном. Онтологически экстремальность связана с риском и неопределенностью, экзистенциально – с пограничными ситуациями и их переживанием, а социально – с попытками трансформации социального порядка. Риск и неопределенность являются фундаментальными характеристиками человеческого существования, которые актуализируются в экстремальных обстоятельствах. В современном мире риск становится виртуальным (гипотетическим, невидимым), имеет «вирусный» характер, а неопределенность – неотъемлемым качеством социального и индивидуального бытия. Это приводит к усложнению внешних и внутренних факторов, влияющих на выбор стратегий поведения.

3) Показано диалектическое взаимодействие и взаимозависимость между феноменами неопределенности, экстремальности и формированием «катастрофического сознания». Основными характеристиками катастрофического сознания являются: пессимизм, фобии, иррациональные страхи, социальная изоляция и дефицит надежды. Эти характеристики, во-первых, сами по себе являются следствием экстремальных обстоятельств, и во-вторых, усиливают восприятие неопределенности. Одним из наиболее интересных и тревожных аспектов катастрофического сознания является «самосбывающееся» или «самоисполняющееся» пророчество (Р. Мертон). В условиях перманентных неопределенности и экстремальности ожидания худшего могут приводить к действиям, которые подтверждают эти страхи.

4) Проанализированы изменения основных качественных и временных характеристик пограничных ситуаций. Если раньше пограничные ситуации были локализованы, имели временные рамки и служили экзистенциальными основаниями выбора поведенческих установок в экстремальных обстоятельствах, то теперь современные пограничные ситуации под влиянием фактора неопределенности превратились в пограничные состояния, характеризующиеся хроническими переживаниями, стрессами, тревожностью, ставшие частью идентичности человека.

5) Разработана классификация основных поведенческих стратегий в экстремальных обстоятельствах (приспособление, самопожертвование, бунт, вера и саморазрушение), в которые имманентно встроены экзистенциальные и социальные основания их выбора, и определены социальные и экзистенциальные факторы, влияющие на их выбор. Основными социальными факторами являются социальные нормы, ценности и институты, а основными экзистенциальными факторами - самовосприятие, автономность, поиски смысла жизни и отношение к смерти, диалог между социальными ожиданиями и внутренними стремлениями. Выбор поведенческих стратегий не является простым откликом на внешние условия, он отражает глубокую связь между личной свободой и социальной ответственностью.

б) Введено понятие «Номо Extremus» для обозначения нового типа человека, который умеет адаптироваться к перманентным кризисам и экстремальным ситуациям. Номо Extremus в состоянии покоя испытывает экзистенциальные проблемы: страх, тревогу и одиночество. В обычной жизни он теряет свою глубинную идентичность, потому что под давлением внешних обстоятельств и внутреннего контроля становится неуверенным в себе, меняясь в ответ на нестабильность окружающей среды. Ему нужно находиться в напряжённых условиях, чтобы чувствовать себя стабильно и «живым». Можно сказать, что Номо Extremus будто бы «зависим» от экстремальных обстоятельств: в спокойной обстановке он испытывает беспокойство, а в условиях острого стресса – покой и уверенность.

Положения, выносимые на защиту.

1. Экстремальные обстоятельства, экстремальные ситуации представляют собой сложные феномены социальной реальности, связанные с выходом за пределы привычных норм и границ, вырывающие человека из повседневности, инициируя процесс деонтологизации мира. Деонтологизацию можно рассматривать как феноменологический кризис, открывающий новые горизонты для осмысления социальной реальности. Понятие «экстремальности» неоднозначно, его смысл и значение обусловлены культурно-историческим контекстом. Понятие «экстремальные ситуации» уже по объёму, чем понятие «экстремальные обстоятельства», оно указывает на конкретность и уникальность ситуации. Понятие «экстремальное поле» вводится нами с целью объединения общих признаков экстремальных ситуаций и факторов опасности. В этом поле человек сталкивается с выбором поведенческих стратегий, позволяющих ему реализовать свою волю, свободу.

2. Характерной чертой современного общества является усиление рисков и неопределённости, что указывает на переход экстремальности из сферы редких событий в область повседневности. Традиционное понимание риска как измеримой и контролируемой опасности уступает место новому взгляду, где риски порождаются сложным взаимодействием новейших технологий и

экономических процессов, перестают быть локализованными, становятся глобальными, не поддающимися управлению, а неопределенность проникает во все сферы человеческой жизни. В этих обстоятельствах риски и неопределенность становятся не просто внешними угрозами, но и внутренними условиями существования современного человека, влияющими в дальнейшем на выбор стратегий поведения. Структурно-уровневая модель экстремальности представлена в трёх аспектах: онтологическом, экзистенциальном и социальном, и указывает на связь экстремальности с риском и неопределенностью, с пограничными ситуациями и их переживанием, и с попытками трансформации социального порядка. В современном мире риск и неопределенность становятся неотъемлемыми качествами социального и индивидуального бытия.

3. Формирование «катастрофического сознания» (пессимизм, фобии, иррациональные страхи, социальная изоляция и дефицит надежды) становится логическим следствием взаимозависимости между феноменами неопределенности и экстремальности. Одним из аспектов «катастрофического» сознания является «самосбывающееся» или «самоисполняющееся» пророчество (Р. Мертон). Человек воспринимает мир как опасное место, которое заполнено вирусами, конфликтами, неизбежными угрозами и катастрофами. Восприятие действительности у такого человека искажается, формируются иррациональные реакции. Постоянное ожидание худшего, основанное на негативном опыте и коллективных эмоциях, формирует у человека устойчивое чувство тревоги и безысходности. «Контроль над неопределенностью» представляется важным условием «победы» над этим всеобъемлющим страхом, отсюда желание установить жесткие правила и нормы, которые, как кажется, способны защитить от нарастающих угроз. Однако такое стремление, как показывает практика, создает лишь иллюзию безопасности и приводит к усилению катастрофического сознания.

4. В контексте фундаментальной неопределенности пограничные ситуации могут выступать как экзистенциальные кризисы, в которых обыденные структуры и нормы теряют свою действенность, вынуждая человека вновь осмыслить и

переопределить свою жизнь, значимые ценности и принципы. В этих обстоятельствах человек совершает ментальный и социальный выбор стратегий поведения. Человек сталкивается с диалектикой свободы и ответственности. Социальные факторы определяют внешние границы возможного, экзистенциальные факторы направляют внутренний компас, делая каждое решение актом глубоко личного самоопределения. В условиях экстремальности выбор становится не просто решением, но актом утверждения собственной автономности и идентичности порой в противовес социальным ожиданиям и нормам.

5. Значимыми стратегиями поведения в экстремальных обстоятельствах являются: стратегия приспособления, бунта, самопожертвования, веры и саморазрушения. Стратегия приспособления означает изменения организма или системы в ответ на изменения среды, подразумевает адаптацию, гибкость, самоотчуждение, истощение. Стратегия бунта обуславливает необходимость выбора между собственной судьбой и анонимностью масс, предполагает солидарность «человека бунтующего» с теми, кто разделяет его ценности. Стратегия самопожертвования отражает диалектику индивидуального и коллективного и является высшей формой альтруизма и мужества. Стратегия веры помогает людям находить смысл в жизни и действовать в соответствии с внутренней истиной, несмотря на экстремальные обстоятельства. Стратегия саморазрушения – это способ жизни, основанный на подчинении страху. Она характеризуется постоянным внутренним напряжением и тревогой.

6. Homo Extremus – это продукт перманентных экстремальных обстоятельств и усилившегося катастрофического сознания, характерные черты которого заключаются в неспособности к самопожертвованию и вере в лучшее. Этот тип человека пропитан духом нигилизма, его интерес к жизни пробуждается только в условиях риска, когда он оказывается на «границе» между жизнью и смертью. В отсутствии экстремальных обстоятельств Homo Extremus теряет себя, впадает в состояние апатии и безразличия, становясь заложником своей же внутренней пустоты и усугубляющегося экзистенциального кризиса. Homo

Extremus ищет острых ощущений и ситуаций, которые вызывают адреналин и могут пробудить в нем чувство жизни. В обычной реальности он остается в состоянии глубокой стагнации, переходящей в апатию.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она расширяет представления о феномене экстремальности, демонстрируя его многослойность и связь с человеческим опытом. Диссертация вносит вклад в социальную философию, углубляя понимание взаимодействия между экстремальными обстоятельствами и поведением человека. Исследование открывает новые горизонты для анализа социальных и экзистенциальных факторов, влияющих на выбор стратегий поведения в условиях неопределенности и риска.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов в различных сферах. Выявленные стратегии поведения могут быть полезны в психологии, социологии, антропологии и других гуманитарных науках для разработки программ поддержки и адаптации людей, столкнувшихся с экстремальными обстоятельствами. Например, результаты исследования могут быть использованы для создания тренингов по управлению стрессом, программ по повышению «стойкости» в кризисных ситуациях, а также для разработки образовательных программ, направленных на формирование навыков критического мышления и принятия решений в условиях неопределенности.

Достоверность исследования обусловлена критическим анализом научной литературы, монографий, статей, интерпретацией смыслов, извлекаемых из неклассических источников: онлайн-материалов, от новостей до видеоблогов, писем, воспоминаний, художественных произведений. Достоверность исследования обусловлена корректным использованием методов структурно-функционального анализа, экзистенциального проникновения в предмет исследования, феноменологической редукции, интерпретационного анализа, сравнительно-исторического анализа и др.

Апробация исследования.

Основные положения и результаты исследования отражены в 10 научных публикациях, три из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК РФ. Полученные выводы диссертационного исследования были представлены на Всероссийских и Международных конференциях «Образ будущего» (Орел, февраль, 2022), «Россия и мир: транснациональные коммуникации и взаимопроникновение культур» (Москва, апрель, 2022 года), Большая конференция МГПУ (Москва, июнь, 2023); «Гусевские чтения. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики» (Москва, март, 2023–2025), в рамках мероприятий, направленных на популяризацию науки «Научная битва МГПУ 2023» (Москва, октябрь, 2023). Апробация результатов исследования также осуществлялась в рамках преподавания гуманитарных дисциплин «Философия», «Общая социология», «Конвергентные технологии и трансформация современного общества», социокультурной практики «Одиночество и толпа: как найти себя в Москве?», элективного модуля «Философия, мультфильмы и кино», факультативного курса «Навыки эмоциональной саморегуляции. Стратегии эффективного поведения в учебном процессе».

Структура и объем работы. Исследование состоит из введения, двух глав, пяти параграфов, заключения, списка литературы и двух приложений. Общий объем работы составляет 171 страницу, из них 12 страниц – библиографический список, включающий в себя 163 наименования.

ГЛАВА 1. Феномен экстремальных обстоятельств: сущностные характеристики

1.1. Характеристика экстремальности в онтологическом и экзистенциальном контекстах

Экстремальные обстоятельства – это сложный феномен, характеризующий один из аспектов бытия социальной реальности, встречающийся в истории и культуре всех народов. Утверждать, кто первым стал исследовать экстремальные обстоятельства – с определенной уверенностью нельзя. По мнению Питирима Сорокина, «бедствия» – это обычный эпизод в нормальном течении жизни общества: «Историческая судьба любого общества складывается так, что периоды его сравнительного благополучия и периоды бедствий постоянно сменяют друг друга»⁷⁴. Сорокин говорил о бедствиях как о связке четырех «монстров» – войны, голода, эпидемий и революций, которые могут быть изучены, проанализированы и, в конечном счете, преодолены. В сегодняшнем же мире мы сталкиваемся с системными проблемами, которые не имеют очевидных решений и обрели экзистенциальный характер – это постоянное состояние тревожности, неуверенности, когда привычные границы между нормой и аномалией стираются. Если Сорокин рассматривал бедствия как последовательные эпизоды жизни социума, то современные экстремальные обстоятельства становятся состоянием бытия, которое проникает в психику человека.

Понятия «экстремальность», «экстрим», «экстремум» объединены вокруг латинского корня *extremus* – «край». Слово «экстремум» (от лат. *extremum*) – означает «крайнее, предельное», например, *in extrēmo libro* – в заключение книги⁷⁵. Если придерживаться этимологии этого слова, то «экстремальный» лучше всего соответствует значению «находиться на краю, в конце», «на границе», то есть краевому эффекту, сопровождающегося перегрузкой или расстройством системы. Граница в таком значении, с одной

⁷⁴ Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб.: Мирь, 2012. С. 17.

⁷⁵ Чудина-Шмидт Н. В. Определение феномена "экстремальность" разными дискурсивными системами // Философия права. 2022. № 2(101). С. 76.

стороны, это черта, которая отделяет одно пространство от другого, а с другой стороны, концептуальная ось, на которой пересекаются различные сферы бытия. Она может быть понимаема как линия, где заканчивается одно и начинается другое, но она также несет в себе философский смысл – это место, где происходит столкновение, где выявляются глубинные противоречия и возможности. Граница может быть стихией, территорией, социальной конструкцией или даже психологическим состоянием. Она формирует, задает рамки, отделяет и определяет. Выход за пределы границы – это всегда акт действия, совокупность последствий выбора, движение в неизведанное. Изменяются не только обстоятельства, но и сам индивидуальный и коллективный субъект. Мы можем говорить о существовании чего-то только в том случае, если у него есть определенные границы. Исходя из связи между понятиями «край», «предел» и «граница», можно отметить, что само слово «экстремальность» подразумевает выход на рубеж осознания максимальных значений – как в отношении физического существования, так и в контексте социальных взаимодействий⁷⁶. Карл Ясперс выделяет две основные категории границ: отрицательные и положительные⁷⁷. Отрицательная граница представляет собой иррациональность непредсказуемого, область, где царит хаос и неопределенность. Положительная граница, наоборот, открывает перед человеком пространство свободы. Парадоксально, но именно на границе этих двух состояний, хаоса и свободы, и формируется феномен экстремальности, как уникальный опыт, в котором человек сталкивается с самой сутью своего существования.

М. Ш. Магомед-Эминов считает, что слово «экстремальность» пришло в психологию из медицины, из исследований Г. Селье, ориентированных на изучение физиологических реакций человека на стрессовые ситуации и связанные с ними отклонения в поведении и сложные эмоциональные

⁷⁶ 156) Чудина-Шмидт Н. В. Сущностные характеристики концепта «экстрим» // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 9. С. 141.

⁷⁷ Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. С. 172–173.

состояния⁷⁸. Материалом для исследований обычно становились войны и в целом «особые» условия жизни. Основное внимание уделялось изменениям в организме. Подобное понимание экстремальности, по мнению М. Ш. Магомед-Эминова, не отражает метафизическую сущность человека, а ограничивается «застывшими» свойствами человеческой природы⁷⁹. Экстремальность определяется ученым как «предельное» качество ситуации, которая характеризуется вторжением «небытия» в бытие отдельного человека⁸⁰. Человек открывает для себя то, что раньше ему было чуждо. Личностный смысл в этом контексте не является чем-то статичным. Он формируется в диалоге с «экстремальным»⁸¹. Экстремальность имеет «транзитный» характер. Она служит переходом от обычной жизни к необычным, критическим ситуациям. Согласно Н. В. Чудиной-Шмидт, экстремальность представляет собой «крайнее, граничное состояние открытой, самоорганизующейся системы», указывающее на ее выход на критические показатели и инициирующее механизм трансформации⁸². Ее основным признаком является опасность, представляющая прямую угрозу здоровью и жизни человека. Объединяющим аспектом в их рассмотрении экстремальности становятся признаки «непредсказуемости» и «неожиданности». Экстремальность нарушает привычный порядок вещей, подвергая человека воздействию неизвестного и неконтролируемого.

Мы соглашаемся с Магомедом-Эминовым и Чудиной-Шмидт в том, что экстремальность действительно выступает как причина для изменений, как своего рода «тест на прочность». Экстремальность в таком случае представляет собой разрушение старого порядка и создание нового смысла, обретение нового опыта. И также мы хотим отметить, что экстремальность неразрывно связана с экзистенциальным страхом - осознанием конечности,

⁷⁸ Магомед-Эминов М. Ш. Определение экстремальной ситуации // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6. № 1. С. 15.

⁷⁹ Магомед-Эминов М. Ш. Онтологическая концептуализация феномена экстремальности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2014. № 3. С. 84.

⁸⁰ Там же. С. 85.

⁸¹ Там же. С. 86.

⁸² Чудина-Шмидт, Н. В. Определение феномена «экстремальность» разными дискурсивными системами // Философия права. 2022. № 2(101). С. 80.

хрупкости, уязвимости. Экзистенциальный страх проявляется, по Ясперсу, в своей тотальности, в растерянности⁸³. Это страх перед ничто. Но экзистенциальный страх не ограничивается индивидуальным опытом; он может проявляться и на коллективном уровне. Когда общество оказывается в условиях, которые можно охарактеризовать как экстремальные, этот страх начинает распространяться, захватывая множество людей. Мы видим, как страх перед будущим, перед разрушением привычной социальной структуры, перед неизбежным исчезновением всего, что нам дорого, перерастает в социальный феномен.

Феномен экстремальности способен не только подорвать устоявшиеся представления о порядке, но и трансформировать то, что раньше считалось ненормальным, в обыденное. В рамках нашей диссертации для понимания феномена экстремальности и экстремальных обстоятельств нам потребуются три идеи Агамбена, изложенные в книгах «Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель»⁸⁴ (1998) и «Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь»⁸⁵ (1995). Первая из этих идей – концепция «исключения»⁸⁶. Когда мы изучаем экстремальные обстоятельства, мы часто находим, что то, что раньше казалось ненормальным, в экстремальных условиях (принуждение, изоляция, насилие, стресс, ложь и т. д.) становится частью повседневной жизни. Агамбен утверждает, что в моменты экстремальности, «исключение» перестает быть исключением. Здесь мы сталкиваемся с парадоксом: то, что раньше считалось выходящим за пределы социальной нормы, вдруг становится привычным и интегрируется в обыденность. Человечество, по его мнению, способно адаптироваться к любым условиям – даже к самым ужасным. Страдания, насилие и другие формы деструктивности в экстремальных обстоятельствах становятся элементами

⁸³ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. С. 229.

⁸⁴ Агамбен Д. Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Издательство «Европа», 2012. 192 с.

⁸⁵ Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011. 256 с.

⁸⁶ Агамбен Д. А Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Издательство «Европа», 2012. С. 51.

повседневности, а общество, находясь словно в трансе, продолжает существовать, как будто ничего не произошло⁸⁷. Вторая идея, на которую указывает Агамбен, напрямую связана с первой идеей – это пересечение «чрезвычайного положения» и «нормы»⁸⁸. Суть этой идеи заключается в том, что уже «чрезвычайное положение» определяет «норму». Правовые и этические нормы начинают распадаться, и на их место приходят новые правила, которые становятся более жесткими и изолируют человека от привычной ранее жизни. Гражданские права и свободы могут быть временно ограничены, и общество начинает принимать это как необходимую меру. Чрезвычайное положение становится инструментом, формирующим новую реальность, в которой нормы подчиняются требованиям безопасности. Агамбен также пишет о том, что «чрезвычайное положение» создает пространство для появления «Homo Sacer» – человека, который исключен из правовой системы и из-за этого подвергается насилию и унижению⁸⁹. Человек становится объектом, а не субъектом права; его жизнь оказывается в руках тех, кто управляет этим «чрезвычайным положением». Наконец, третья идея Агамбена – это концепция «абсолютной имманентности», в которой «всё присутствует везде», обозначающая, что ощущение страха, страдания, угрозы становятся всеобъемлющими и общими в экстремальных обстоятельствах⁹⁰.

Современные экстремальные обстоятельства угрожают не только нашему индивидуальному существованию, но и существованию всего человечества. Мы находимся в обстоятельствах, когда человек снова сталкивается с проблемными ситуациями: изменения климата Земли, экологические опасности, экономические и социальные кризисы. Изменения в политической сфере, экономике, технологиях сделали наш мир более соединенным, но также более уязвимым. Мы столкнулись с

⁸⁷ Агамбен Д. А Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Издательство «Европа», 2012. С. 51.

⁸⁸ Там же. С. 50.

⁸⁹ Агамбен Д.А. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011. С. 93-94.

⁹⁰ Агамбен Д. А Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Издательство «Европа», 2012. С. 52.

экзистенциальными угрозами, которые требуют от человека коллективного усилия и сплоченности. Экстремальное – это нечто, в своей сущности направленное против «меня», поэтому моя спонтанная реакция – быть против того, что мне угрожает. Все живое стремится к сохранению себя, своей жизни, своей целостности. Экстремальное проявляет себя для человека как «враг», противник всего, что нужно «мне» для моего существования. Мы не можем предугадать, когда экстремальное событие нас застигнет. Оно всегда происходит внезапно. Магомед-Эминов обращает внимание на то, что экстремальные, критические ситуации, отличающиеся своей необычностью, имеют непосредственную связь с двумя важными аспектами: с одной стороны, они связаны с угрозой исчезновения, а с другой – с глубинным стремлением к существованию⁹¹. Особенно, когда он пишет о том, что «стремление к выживанию, сохранению существования и желание продолжительности» являются ключевыми признаками экстремальности⁹². Кроме того, Магомед-Эминов выделяет дихотомию «бытие-небытие» как важный элемент, присущий экстремальным обстоятельствам⁹³. Есть внешние факторы и обстоятельства – это некая данность, «объектность» (землетрясения, наводнения, эпидемии, войны), в которую погружен человек. И есть субъектное состояние человека во время переживания этих экстремальных обстоятельств, его ощущение экстремальных обстоятельств, испытание воли, стойкости, духовности, мужества, человечности. Внешние обстоятельства и субъектное состояние, на наш взгляд, можно рассматривать как онтологические структуры экстремальных обстоятельств. В экстремальных обстоятельствах одновременно проявляются две важные потребности: желание сохранить свою жизнь, когда возникает угроза смерти; стремление развиваться и расти, несмотря на эти угрозы⁹⁴. Экстремальные

⁹¹ Магомед-Эминов М. Ш. Определение экстремальной ситуации // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6. № 1. С. 20.

⁹² Там же. С. 16.

⁹³ Там же. С. 16.

⁹⁴ Магомед-Эминов М. Ш. Определение экстремальной ситуации // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6. № 1. С. 19.

обстоятельства – это обстоятельства близкого контакта смерти и жизни, насилия и мужества, деструкции и созидания.

Экстремальность – это не просто онтологический феномен, это категориальное и концептуальное поле, которое изучается и рассматривается юриспруденцией, медициной, психологией, естественными науками и т.д. Каждая из этих сфер познания имеет свой собственный взгляд на экстремальные обстоятельства. Например, юриспруденция исследует правовые последствия действий людей в экстремальных обстоятельствах, медицина – физическую и психическую реакцию организма на стресс, а психология – изменения в восприятии реальности. Также отметим, что понятие «чрезвычайные ситуации» закрепились и на уровне законодательства. Если философское восприятие катастроф, бедствий, экстремальных ситуаций и обстоятельств заключается в попытке понять и «схватить» смысл и значение экстремальности для человека и общества, а также их влияние на поведение человека и общественные отношения, то в юриспруденции внимание уделяется четким определениям, классификациям и практическим действиям, необходимым для реагирования на такие события со стороны государственных структур. По определению Н. В. Твердохлебова, чрезвычайная ситуация – это события с серьезными негативными последствиями, которые требуют от человека особых усилий для их предотвращения⁹⁵. Но чем же экстремальные ситуации отличаются от чрезвычайных? Согласно Федеральному Закону «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», чрезвычайная ситуация – это обстановка, возникшая из-за аварии или стихийного бедствия, которая может привести к жертвам и ущербу⁹⁶. Чрезвычайные ситуации всегда имеют конкретные причины и требуют активных действий по их устранению. В словаре МЧС «чрезвычайная

⁹⁵ Твердохлебов Н. В. Некоторые подходы к уточнению понятия «чрезвычайная ситуация» и к совершенствованию классификации чрезвычайных ситуаций // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2016. Т. 6, № 1(10). С. 67.

⁹⁶ Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. N 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (с изменениями и дополнениями). Статья 1 // Гарант.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/10107960/> (дата обращения: 10.04.2024).

ситуация» рассматривается в контексте «экстремальной ситуации»⁹⁷. Экстремальные ситуации – это кризисные состояния, угрожающие жизни и окружающей среде, которые могут возникать из-за природных, техногенных или социальных катастроф. Они делятся на три группы: объективные (например, природные катастрофы), случайные (ошибки или неосторожность) и субъективные (действия злоумышленников). Экстремальные ситуации являются подкатегорией чрезвычайных ситуаций. В социальном контексте чрезвычайная ситуация указывает на то, что нарушается нормальное функционирование общества. В экстремальной ситуации человек или группа людей испытывают сильное психологическое или физическое напряжение, связанное с угрозой жизни. С формальной точки зрения, объем понятия «экстремальные ситуации» уже, чем «чрезвычайные ситуации», но реально все-таки содержание этих понятий во многом зависит от определенного контекста.

Несмотря на богатство исследований, экзистенциальные аспекты человеческого существования в экстремальных обстоятельствах остаются в тени. Как отмечает Карл Ясперс, человек доступен себе двояким образом: как объект исследования и как экзистенция свободы, которая недоступна никакому научному анализу⁹⁸. В первом случае мы видим человека как некий предмет, подлежащий изучению – набор реакций, биологических процессов и психологических механизмов. Во втором – мы сталкиваемся с его глубинной сущностью, с тем, что его делает человеком, с его свободой и способностью к самопознанию. Человек, по Ясперсу, всегда больше, чем сумма его частей – он обладает тем, что можно назвать духом, внутренним миром, который не поддается количественной оценке. Категориальное поле экстремальности связано с тем, как человек существует за пределами своего привычного жизненного мира, в пространстве, где обычные правила и нормы перестают действовать, и человек сталкивается с вызовом, который ставит под сомнение

⁹⁷ Термины МЧС России // МЧС России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mchs.gov.ru/dop/terms> (дата обращения: 10.04.2024).

⁹⁸ Ясперс К. Введение в философию. Мн.: Пропилеи, 2000. С. 64.

его представление о жизни и смерти, о нормальном и ненормальном⁹⁹. Нет четких правил, по которым можно было бы действовать, как и нет готовых инструкций. И тем не менее, даже в самых исключительных, неясных и, казалось бы, лишенных всякого смысла обстоятельствах, человек может достичь той особой уверенности, которая позволит ему испытывать благодарность и спокойствие, проявляя доверие к бытийной основе. Когда человек сталкивается с угрозой – будь то война, катастрофа или личная трагедия, в нем, по нашему мнению, пробуждаются силы, о которых он даже и не подозревал.

Экстремальные обстоятельства, на наш взгляд, можно также поделить на позитивные и негативные. С точки зрения Бен-Чхоль Хана, позитивные экстремальные обстоятельства можно было бы представить как феномены, возникающие в рамках общества производительности, где индивидуальные достижения становятся частью общего культа эффективности, счастья, успеха, а человек живет по принципу «я могу», «я способен на все»¹⁰⁰. Именно в обществе производительности возникает переизбыток позитивности - гиперкоммуникация, чрезмерная активность, изобилие ресурсов. Чрезмерность позитивности и постоянная гонка за достижениями могут привести, по Хану, к выгоранию и истощению. Негативные экстремальные обстоятельства, напротив, характеризуются деструктивными и разрушительными процессами - агрессией, войнами, пытками или другими формами физического и психологического насилия. Они исходят от другого¹⁰¹. Если негативные экстремальные обстоятельства проявляются как угнетение, подавление, лишение свободы выбора и возможности действовать, то позитивные экстремальные обстоятельства представляют собой своего рода иллюзию свободы, замаскированную под бесконечное множество возможностей и обязательств; это как форма мягкого насилия, где давление

⁹⁹ Магомед-Эминов, М. Ш. Определение экстремальной ситуации // Российский психологический журнал. – 2009. Т. 6, № 1. С. 14.

¹⁰⁰ Хан Б.Ч. Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна. М.: Издательство АСТ, 2024. С. 44–45.

¹⁰¹ Хан Б.Ч. Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна. М.: Издательство АСТ, 2024. С. 41–42.

осуществляется не через прямую угрозу, а через создание среды, постоянно требующей от человека максимальной продуктивности.

Удивительно, но несмотря на то, что экстремальное постоянно оказывается в центре внимания мифов, литературы, кино и даже музыки, мы до сих пор не имеем ни одной системной работы, посвященной истории экстремального как такового. В рамках нашей диссертации мы рассматриваем экстремальность как универсальный принцип, объединяющий все крайности человеческого опыта. Экстремальное пронизывает историю человечества, начиная с первобытных обществ, где страх перед природными катаклизмами формировал мифы и ритуалы, и заканчивая современными метафизическими размышлениями о природе человеческого бытия перед лицом угрозы ядерной катастрофы. Экстремальность, которая раньше воспринималась через призму религиозного опыта, трансформировалась в новые формы. В древности человек искал ответы в божественном. В современном технологическом мире сам человек стал как объектом, так и источником угроз. В прошлом мир представлялся человеку как «непреходящий», как нечто стабильное и предсказуемое, погруженное в традиции и обычаи – «между исчезнувшим золотым веком и предназначенным божеством концом»¹⁰². Мир не требовал от человека особых усилий для поиска смысла – жизнь была предопределена, а ее ритмы и циклы определялись незыблемыми законами. Человек жил в гармонии со своей реальностью, не стремясь к изменению условий своего существования. Он был частью непреходящего порядка, где бытие воспринималось через призму трансцендентности. Обычный мир был миром стабильности и традиций. Экстремальный мир был миром хаоса и опасности. С течением времени, продолжает Ясперс, этот мир был расколдован, «разбожествлен»: исчезли священные символы и образы, уступив место рациональности и

¹⁰² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 288.

технологическому прогрессу, который, вместо того чтобы приносить облегчение, стал источником новых тревог и угроз¹⁰³.

Понять изменения в феномене экстремальности и восприятии экстремального, можно, обратившись к свидетельствам о бедствиях и катастрофах, которые отражены в ранних памятниках письменности и мифологических текстах.

На первом этапе экстремальное было неотделимо от мифологического сознания, в котором катастрофы и бедствия, мы хотим это подчеркнуть, воспринимались как знамения, предвещающие гнев богов. Фараоны как посредники между небесами и землей, были представителями божественного начала на земле, их власть считалась священной¹⁰⁴. Любое бедствие воспринималось как прямое следствие их правления и способности или неспособности поддерживать порядок.

В древнеегипетских текстах, таких как «Речения Ипувера» и «Пророчества Неферти», экстремальное представлено как результат божественного вмешательства. В «Речениях Ипувера» (начало XVIII века до н. э.), пророк Ипувер предсказывает надвигающиеся бедствия, которые нарушат общественный порядок, приведут к обнищанию и насилию¹⁰⁵. Голод, засилье чужеземцев, забвение религиозных ритуалов – все это воспринимается как наказание за нарушения космического порядка. Человек видит себя в мире, управляемом высшими силами, и экстремальные события интерпретируются как знамения, предвещающие гнев богов. В «Пророчествах Неферти» мудрец Неферти описывает сцены хаоса и разрушения, которые наступят в Египте после смерти фараона Снефру¹⁰⁶. Он предсказывает разделение Египта, нападения врагов, голод, болезни и насилие. В конце пророчества Неферти обещает, что из южной части Египта появится спаситель, который восстановит порядок и единство в стране. Этот

¹⁰³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 298.

¹⁰⁴ Брестед Д., Тураев Б. Б История Древнего Египта. Мн.: Харвест, 2003. С. 37.

¹⁰⁵ Речение Ипувера // Древний Египет [Электронный ресурс]. URL: http://ru-egypt.com/sources/rechenie_ipuvera (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁰⁶ Пророчество Неферти // Biblical studies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.biblicalstudy.ru/Lib/Epigraph/2.html> (дата обращения: 10.05.2024).

спаситель будет фараоном из XII династии, символизируя идею божественного или царского вмешательства в качестве средства спасения от бедствий.

В «Книге Мёртвых» экстремальное тесно связано с сакральным и мифологическим сознанием. Центральной фигурой «Книги Мёртвых» является Осирис – бог, который стал символом загробной жизни. Миф об Осирисе, убитом братом Сетом, разрубленном на части и воскрешенном, отражает идею о разделении мира на две противоположные сферы – «царство мёртвых» и «царство живых». Граница, отделяющая эти два царства, символизирует переход из одного состояния в другое, который возможен только на уровне абстрактного мышления. Идея загробной жизни и мумифицирования тел мёртвых была попыткой человека отказаться от полного уничтожения смерти и стать независимым от нее, как подчеркивает Филипп Арьес¹⁰⁷. В библейских текстах, таких, как Книга Бытия, экстремальность связывается с грехом и его последствиями. Грехопадение Адама и Евы, нарушивших Божий запрет есть плоды с дерева познания добра и зла, привело к появлению смерти в мире как наказание. Это событие открывает гносеологическую дилемму: в какой мере познание является благом или проклятием для человека? Экстремальность здесь раскрывает двойственную природу человеческого познания, где путь к высшим истинам неоднозначен. Онтологически смерть – зло, но это зло вторичное, а главное зло – грех, приведший к падению человека и утрате им изначального бессмертия.

В «Книге Екклесиаста или Проповедника» экстремальность человеческого существования представлена в философских размышлениях о суетности земного¹⁰⁸. Екклесиаст размышляет о цикличности явлений в мире, где смена поколений, движение солнца, течение рек ничего, по существу, не меняют. Жизнь человека непредсказуема, и ничто не может гарантировать успех. Бедствие может настигнуть человека неожиданно, и поэтому человеку

¹⁰⁷ Бадж Э. А. У. Египетская «Книга мертвых». М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 224 с.

¹⁰⁸ Екклесиаст. Песнь песней Соломона. Притчи Соломона. М.: РИПОЛ Классик, 2020. С. 23-78.

следует довольствоваться тем, что даровано ему Богом. Эта книга также затрагивает важную мысль, которая находит отголоски в конфуцианской и античной философии – связь между экстремальным и идеей меры, золотой середины. Экстремальное состояние, будь то в форме чрезмерной радости или чрезмерного горя, всегда указывает на утрату меры, на выход за пределы гармонии. В то время, как мера олицетворяет порядок, стабильность и баланс, экстремальное – это чрезмерное: слишком большая преданность земным удовольствиям и чрезмерное стремление к удовлетворению своих плотских желаний ведут к пустоте и бессмысленности, а чрезмерное стремление к духовности приводит к отречению от материального мира.

Если на первом этапе экстремальное было связано с мифологическим мировоззрением, то на втором этапе экстремальное становится неотделимым от понятия «меры». Экстремальное «откалывается» от только божественного и переходит в плоскость этической категории. Экстремальное становится частью внутреннего мира и воспринимается как индикатор человеческой ответственности и морального выбора. В античной философии знание о мере позволяло разуму восстановить гармонию, а также избегать крайностей, что было фундаментальным принципом для достижения баланса и соразмерности.

Для Платона мера перестала быть лишь инструментом количественного измерения и стала основой для оценки качеств человеческой деятельности. Платон в диалоге «Политик» различает два вида измерения: первое связано с количественными аспектами – длиной, глубиной, шириной, высотой; второе – с качественными, где мера определяется как баланс между крайностями¹⁰⁹. В диалоге «Филеб», Платон связывает концепцию «меры» с высшим Благом, вводя понятия «беспредельное» и «предел». Это смешение двух аспектов формирует меру в различных искусствах, от музыки до архитектуры, где мера становится выражением красоты, соразмерности и истины¹¹⁰. Платон воспринимает Благо как единство этих трех концептов. Все, о чем говорится

¹⁰⁹ Платон Собр. Соч в 4-х т., т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 36–37

¹¹⁰ Платон Собр. Соч в 4-х т., т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 13.

как о вечно сущем, состоит из единства и множества и включает в себе сросшиеся воедино предел и беспредельность. У Аристотеля категория меры приобретает универсальное значение, особенно в его исследовании добродетелей. Мера рассматривается им как середина между двумя крайностями, например, между трусостью (недостатком мужественности) и безрассудством (избытком мужественности), между скупостью (недостатком щедрости) и расточительностью (избытком щедрости). Это понятие меры тесно связано с его концепцией качества, где качество определяется как различие в сущности вещей¹¹¹. Добродетель, по Аристотелю, представляет собой качество, которое позволяет существам действовать правильно и благородно, в то время как порок — это качество, которое ведет к неправильным и «дурным» действиям. Гераклит помещает меру в онтологическую плоскость, видя ее как неотъемлемую часть устройства мира: «Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся, мерно угасающий»¹¹². Вечное присутствие меры в космосе подчеркивает ее фундаментальную роль в поддержании баланса и порядка. Протагор добавляет еще один слой сложности, утверждая, что человек является мерой всех вещей. Это подчеркивает связь между субъективным восприятием и объективным миром, где мерой истины служит индивидуальный опыт каждого человека. Это философское положение Протагора отражает идею относительности истины, её зависимости от индивидуального восприятия. Стоики воспринимали категорию меры как средство, позволяющее человеку действовать разумно, не поддаваясь страстям и эмоциям. Они разработали ряд поведенческих стратегий, направленных на преодоление страха и экстремальных обстоятельств, осознавая, что жизнь полна неопределенности и страданий. Основной принцип стоической практики заключался в том, чтобы принимать то, что

¹¹¹ Аристотель *Метафизика*. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 192–193.

¹¹² Гераклит. *Фрагменты греческих философов VI—V вв. до н. э.* / сост. и пер. Лебедев А. В. // *Фрагменты ранних греческих философов. Часть I: от эпических теокосмогоний до возникновения атомистики*. М.: Наука, 1989. С. 217.

невозможно изменить, и сосредоточиться на том, что находится в пределах нашего контроля. Сенека резюмирует это, говоря: «...мы боимся не смерти, а боимся наших мыслей о смерти»¹¹³.

В Средние века мера описывала гармонию и порядок, установленные Творцом, а также выступала в качестве стандарта для моральных норм, для оценки нравственных поступков человека, а экстремальное указывало на крайности. Человек, отступивший от божественного порядка, находился как бы на «границе разрушения». С началом Нового времени пути меры и экстремального еще больше разошлись. Третий этап развития феномена экстремальности характеризуется переходом от мифологического и этического понимания экстремальности к более научному и рациональному, связанному с усилением роли человека как активного агента изменений. С XVI в., как пишет Карл Ясперс, начался процесс «разбожествления мира», и «...были созданы предпосылки, благодаря которым стала действительностью мысль, что с помощью человеческого разума можно не принимать существование человека таким, как оно сложилось, а планомерно изменять его, превратив в такое, каким оно действительно должно быть»¹¹⁴. Ранее опасность и угрозы для человечества приходили извне, от природных катаклизмов или возможных враждебных действий от кого-то другого. С появлением возможности человека воздействовать на окружающий мир, сама концепция экстремальности изменилась. Христианская концепция надмирового Бога-творца, изгнавшая языческих богов и демонов, создала основу для рационализации и механизации мира через естественные науки. Мир стал восприниматься как нечто поддающееся исключительно рациональному объяснению, что в итоге привело к устранению божественного из человеческой жизни.

Новые технологии и научные методы позволили человеку контролировать и преобразовывать окружающий мир. Ясперс пишет о том,

¹¹³ Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии (Библиотека античной литературы). М.: Художественная литература, 1986. С. 80.

¹¹⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 290–291.

что теперь «...все взаимосвязано. Техническое господство над пространством, временем и материей растет беспредельно»¹¹⁵. Прогресс, достигший своего пика к XVIII в., оформился в дух эпохи Просвещения, пронизанный идеями рационализма, индивидуализма и гуманизма, вдохновлял людей на новые достижения¹¹⁶. Человек ощутил себя тем, кто способен изменять законы, ранее казавшиеся непреложными. Главной ценностью становился сам человек как разумное существо. С ускорением технического прогресса жизнь человека приобретала новые социальные ритмы, а границы экстремального стали размываться. Появление паровых машин, механических производств и новых способов транспортировки сделало возможным пересечение пространств, которые ранее казались недостижимыми. Города стремительно росли, а сельская жизнь постепенно уступала место урбанизации. Это новое, быстро меняющееся окружение, требовало от человека активного участия в процессе преобразования реальности. Техника как новая форма существования укоренилась в онтологической плоскости и в экзистенциальном измерении человека. Отказавшись от божественного, человек оказался один на один с холодной безразличной машиной, которая не знает ни сострадания, ни любви. Жан-Жак Руссо, пишет Ясперс, выступил против идеи о том, что прогресс в науках и искусствах улучшает нравы¹¹⁷. В своем сочинении 1749 года, написанном в ответ на конкурсный вопрос о влиянии возрождения наук и искусств на нравственность, Руссо писал, что эти достижения на самом деле испортили нравы. По его мнению, углубленное увлечение науками и искусствами отвлекает людей от их истинной сущности. Руссо считал, что в прошлом люди находили свою безопасность в простоте взаимопонимания, что избавляло их от многих пороков. Однако, с развитием более сложных и изощренных форм искусства и вкуса, нравы стали характеризоваться низким, обманчивым однообразием: «...все умы кажутся отлитыми в одной и той же

¹¹⁵ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 297.

¹¹⁶ Там же. С. 291.

¹¹⁷ Там же. С. 291.

форме»¹¹⁸. Техника привела человека к отчуждению от природы и от самого себя. Человек, живущий в технизированном мире, теряет индивидуальность, превращаясь в деталь машины, и испытывает состояние глубокой неудовлетворенности собой¹¹⁹. Человек, погруженный в мир техники, начинает видеть себя и окружающий мир сквозь призму рациональности и эффективности, а не через призму смысла и ценностей.

Каждый шаг, сделанный в направлении прогресса и изменений, заполняет мир новыми экстремальными обстоятельствами, которые часто оказываются непредсказуемыми и ведут к последствиям, порой катастрофическим. Французская революция является ярким примером таких изменений. Она стала событием, «взорвавшим» устои старого порядка, знаковым моментом в истории, когда многие, вдохновленные идеалами свободы и равенства, начали борьбу против тирании и абсолютизма. И как это часто бывает, идеалы, пылающие в сердцах революционеров, вскоре были подменены насилием и террором. То, что должно было стать триумфом свободы, обернулось одним из самых мрачных периодов в истории Франции. Тысячи людей, включая самих же лидеров революции, погибли во имя идеалов, которые сами же и предали. С тех пор людей охватывает тревога за их существование, за которое они теперь несут ответственность, ведь оно может быть изменено согласно определённому замыслу и организовано «наилучшим образом»¹²⁰. Процесс утраты божественного в мире, ускоренный громадными техническими и практическими успехами в познании, привел к тому, что человек стал воспринимать себя как центр Вселенной, но при этом потерял связь с высшим смыслом. «То, что ни один бог за тысячелетие не сделал для человека, человек теперь делает сам», но в этом стремлении он сталкивается с пустотой, которую сам же создал¹²¹.

¹¹⁸ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2-х т. Т. 2. // Рассуждение о науках и искусствах. М.: Педагогика, 1981. С. 24.

¹¹⁹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 115.

¹²⁰ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 292.

¹²¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 299.

Население Земли в начале XIX в. составляло около 1 миллиарда человек, сегодня оно, по данным ООН, равно 8 миллиардам¹²². Человек теперь может перемещаться по всему миру, общаться с людьми на другом конце Земли, получать доступ к огромному объему информации. Труд превратился в тщательно спланированную, регламентированную и стандартизированную деятельность. Фабрики будущего функционируют на основе сложных алгоритмов и цифровых моделей, позволяющих управлять производством из одной центральной точки, независимо от географического расположения. Производственные системы характеризуются высоким уровнем автоматизации и роботизации, что как бы исключает человеческий фактор и связанные с ним ошибки. Работа на таких фабриках разделена на четкие, последовательные шаги, которые могут быть выполнены с помощью точных инструкций и программного кода, обеспечивая максимальную эффективность и качество производства. Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) описывал последствия рационализации труда, которая приводит к обезличиванию и отчуждению человека. Он говорил, что появляется новый тип «специалиста-чиновника», который относится к своей работе без наслаждения, не соотнося себя с работой¹²³. Для такого типа существенным являются только рационально сформулированные правила. Наемные работники в различных сферах становятся частью «действующего механизма»¹²⁴.

«Универсальный порядок» существования изменился, и человек стал частью более сложной системы. «Массы населения не могут жить без огромного аппарата, в работе которого они участвуют в качестве колесиков, чтобы таким образом обеспечить свое существование»¹²⁵. Сегодня мы обладаем материальными ресурсами и благами больше, чем когда-либо в истории. «Современный человек», - по Бодрийяру - «не имеет права не быть

¹²² Народо́насе́ление // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://inlnk.ru/w4NdYe> (дата обращения: 20.05.2024).

¹²³ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 46.

¹²⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 307.

¹²⁵ Там же. С. 307.

счастливым»¹²⁶. Если он об этом забывает, то ему любезно и настоятельно об этом напомнят. Алгоритмы и зарождающийся искусственный интеллект помогают выявлять потребности и дефициты человека, и оптимизируют работу сложнейших систем.

Классическим источником для изучения социальных катастроф является книга Питирима Сорокина «Человек и общество в условиях бедствий» (1942)¹²⁷. В отличие от древних текстов, где бедствия воспринимаются через призму божественного вмешательства, социологический подход Сорокина стремится рационализировать эти явления. Мы можем сказать, что социология как наука возникла в ответ на колоссальные изменения, происходившие на границе XVIII и XIX веков. Этот период был отмечен бурным развитием промышленности, урбанизацией, ростом социальных конфликтов и изменениями в системе ценностей, что в свою очередь создало необходимость в систематизированном исследовании общества. Человек, по мнению Г. Маркузе, «отождествляется» с функцией¹²⁸. Его ценность определяется его «полезностью». Когда мы рассматриваем человека только как набор функций, его индивидуальность и историческая значимость стираются, и даже возраст перестает иметь значение, разве что только молодость, потому что она выражает энергию, здоровье и работоспособность¹²⁹. Все события происходят стремительно и быстро забываются, не оставляя глубокого следа, потому что у событий нет экзистенциальной последовательности, складывающейся из какой-то «точки» повествования, они просто происходят.

Следствием развития техники и технологий является ощущение пустоты, которая возникает из-за изобилия. Все вокруг нас начинает восприниматься просто как материал и ничего не приносит удовольствия и

¹²⁶ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Издательство АСТ, 2020. С. 106.

¹²⁷ Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СанктПетербург: Мирь, 2012. 336 с.

¹²⁸ Маркузе Г. Одномерный человек. М.: «REFL-book», 1994. С. 120–121.

¹²⁹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 310.

удовлетворения¹³⁰. Тем более, когда все, что нужно, становится доступным практически без усилий. Каждый предмет, каждая услуга, каждая связь превращаются в простой материал, который можно купить. Предметы, изготовленные в громадном количестве, быстро изнашиваются и выбрасываются, как если бы они были ничем, потому что в них нет оттенка лично созданного. Они легко заменимы, но в этой заменимости теряется их истинная ценность. То же самое происходит и с отношениями между людьми. Технологии создают иллюзию близости со множеством людей, но эта близость становится поверхностной. Люди общаются, но быстро забывают друг друга, не замечая глубины и качества этих отношений. Информация, которую человек получает за клик, становится бесконечным потоком, который поглощается без осмысления. В мире, где все связано просто с удовлетворением потребностей, вещи и отношения становятся безразличными. Отсутствие чего-то становится более ощутимым, чем его присутствие. И в этом парадокс современной жизни: в изобилии теряется смысл, а в доступности – ценность.

По мере того, как развиваются техника и технологии, увеличивается ощущение угрозы и опасности. Теперь благодаря технологиям мы можем мгновенно узнавать о событиях в любой точке мира и делиться своими переживаниями. Многие вещи, которые раньше были загадкой или «новостью», становятся общедоступными и привычными. Ясперс пишет о том, что современный человек потерял чувство «далекого»¹³¹. О катастрофе, произошедшей в другой стране, миллионы людей узнают в течение нескольких часов. Если раньше в какой-то точке земли бедствие касалось только той территории, на которой оно происходило, то теперь бедствие затрагивает жизни многих людей, даже с ним не связанных. Все это приводит к тому, что человек, с одной стороны, теряет связь с собой, со своим «сердцем», а с другой стороны, становится постоянно «включенным», но глубоко не проникая в суть событий. Люди чувствуют себя частью чего-то

¹³⁰ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 308.

¹³¹ Там же. С. 308.

глобального, но одновременно изолированными и одинокими. Человек постоянно отвлекается на внешний шум, теряя возможность осмыслить своё место в мире. Не находя смысла и цели в своей жизни, человек погружается в бесконечный поток развлечений и стимулов, в которых есть всегда что-то новое и экстремальное. Это состояние души П. Тиллих назвал «экзистенциальной тревогой»¹³². Человек стремится к экстремальным и острым ощущениям, которые в данном ключе означают попытку пережить сильные эмоции, адреналин - экстремальный спорт, азартная игра, наркотики, секс, насилие. Эти попытки заполнить внутреннюю пустоту и отвлечься от тревоги дают временное удовольствие, которое быстро проходит и оставляет за собой разочарование и чувство вины и стыда. В отличие от предыдущих этапов (мифологического, этического, технологического), на четвертом этапе (экзистенциальном) развития концепции экстремальности мы наблюдаем глубокую трансформацию, где техника и технологии проникают в самую психику человека, формируя новые формы поведения. С развитием техники и технологий, человек получил невероятные возможности контроля над окружающим миром и своей жизнью. Только это привело к параллельному процессу утраты смысла и ценности в жизни. Если изначально технологии создавались с целью помочь человеку, то теперь человек стал зависим от них.

Когда человек теряет смысл жизни, он сталкивается с серьезным экзистенциальным кризисом. Это происходит, когда он превращается в просто функцию огромной системы, а не остается индивидуальностью со своим собственным «я». Этот процесс ведет к тому, что люди утрачивают глубину своего существования, которая раньше формировалась через традиции. Вместо того чтобы наполнять свою жизнь чем-то уникальным, они становятся частью механической системы, где их действия определяются не их желаниями и ценностями, а требованиями системы. Это приводит к тому, что многие начинают жить изолированно, ощущая пустоту и отсутствие настоящего существования. Для таких людей ни в чем не сквозит

¹³² Тиллих П. Избранное. Потрясение оснований. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 55.

присутствие подлинного бытия, как отмечал М. Хайдеггер. «Без исходной открытости Ничто нет никакой самости и никакой свободы»¹³³. Человек перестает быть носителем своих уникальных черт и становится частью однородной массы, управляемой бюрократией. Это создает разрыв между людьми. Когда жизнь становится унифицированной, люди начинают следовать установленным правилам, а не своим собственным ценностям.

Техника и технологии не создают ожидаемый «совершенный» мир. На каждом шагу в мире появляется еще больше новых трудностей. Человек все еще остается беззащитным перед непредвиденными заболеваниями, примером чему является COVID-19 и различные его штаммы. Сама реальность становится искусственно экстремальной. Техника, технологии, бюрократический аппарат и массовое существование не исчерпывают бытие человека. Они наталкиваются на самого человека, который есть, по Ясперсу, и «нечто другое». Теперь, когда мы осознаем это, представление об экстремальном раскрывает, что больше нет ничего долговечного, прочного, однозначного, стабильного, что выводит на первый план ощущение тревоги и неуверенности.

Итак, на этом этапе развития феномена экстремальности мы сталкиваемся с глубинными последствиями, связанными с влиянием техники и технологий на экзистенциальное измерение человеческого бытия. Экстремальность проникает в онтологическую плоскость, становясь неотъемлемой частью повседневной жизни. Человек, живущий в мире, где каждое мгновение может обернуться катастрофой, обретает «уставшую самость», переполненную тревогой и безысходностью.

В современном мире мы сталкиваемся с еще одним типом кризиса – внутренним, который проявляется в потере смысла жизни и чувстве отчуждения. Экзистенциальные проблемы становятся такими же значимыми, как и внешние катастрофы. Внутренний разлад возникает, когда человек не может согласовать свои истинные потребности с внешними ожиданиями.

¹³³ Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 22.

Такой разлад проявляется в состоянии тревоги и депрессии. Жан-Клод Ларше и Бен-Чхоль Хан, вдохновленные идеями Жана Бодрийяра, акцентируют внимание на этом внутреннем кризисе и связывают его с капитализмом в современных формах. Хан вводит понятие «производительного субъекта» или субъекта достижений, который сам себя эксплуатирует, создавая нескончаемый поток продуктивности (контента), чтобы самореализоваться¹³⁴. Это связано с новой реальностью, где современные медиа диктуют свои правила и способствуют непрерывной активности пользователей. Ларше рассуждает о том, что новые медиа и их влияние на бесконечную продуктивность привели к тому, что современный человек стал человеком «подключенным»¹³⁵, он постоянно находится «на связи» и живет словно в «прямом эфире». В погоне за успехом человек забывает о своих истинных желаниях и потребностях, сосредоточиваясь на создании образа, который будет принят и одобрен. Ларше пишет: «...никакие другие технологии, по масштабам своего влияния на все сферы, составляющие основу нашего существования, не оказали столь сильного воздействия на нашу духовную жизнь. И никакие другие изобретения не отнимали так много времени в жизни человека, не требовали такого внимания и вовлеченности, не изменяли в такой мере условия и методы человеческой деятельности, не вторгались так глубоко в личную жизнь»¹³⁶. Состояние тревоги от ожидания катастроф и усилившаяся спешка, характерная для капиталистического общества, образуют интересную и сложную взаимосвязь, основанную на зависимости человека от внешних факторов и технологий. В результате этой зависимости усталость становится естественным состоянием человека, который чувствует себя ментально и физически «перегруженным».

Окружающий нас мир стал более экстремальным. Сегодня изменения происходят так быстро, что многие ощущают, что теряют контроль над своей жизнью. Мы можем выделить три основные сферы экстремальности: макро

¹³⁴ Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: Издательство АСТ, 2023. С. 55.

¹³⁵ Ларше Ж.-К. Обратная сторона новых медиа. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2023. С. 71–72.

¹³⁶ Там же. С. 11–12.

(глобальные события, ядерная угроза, войны и экономические кризисы, которые затрагивают всё человечество и создают общее чувство неопределенности), микро (личные страхи и переживания, связанные с работой, финансовыми трудностями, старением и потерей социальной значимости), и межличностная (изменения в общественных отношениях и ценностях, приводящие к чувству изоляции и одиночества, когда традиционные сообщества распадаются, а новые связи не возникают). Мы выделили именно эти три сферы, потому что они охватывают различные уровни экстремальности, влияющие на человеческую жизнь. Макроуровень касается глобальных угроз, микроуровень отражает личные переживания, а межличностная сфера отражает изменения в социальных связях, которые, в основном, слабеют. В рамках нашей диссертации мы будем рассматривать феномен экстремальности комплексно, что позволит нам создать целостную картину. В отличие от экстремальных ситуаций или событий, которые кратковременны и имеют конкретные причины, экстремальные обстоятельства характеризуются устойчивой неопределенностью и распространенностью во времени и пространстве. Они становятся фоном, на котором разворачивается повседневная жизнь, и могут длиться на протяжении месяцев или даже лет.

Вывод

В ходе анализа феномена экстремальности мы выделили четыре ключевых этапа, описывающих его развитие и трансформацию. На первом этапе (мифологическом) экстремальность воспринималась через призму мифологического сознания, где бедствия и катастрофы интерпретировались как знамения, предвещающие гнев высших сил. На втором этапе (этическом) акцент смещается к этическим категориям, где экстремальность становится индикатором человеческой ответственности и морального выбора. Третий этап (технологический) связан с научным прогрессом, в котором человек начинает восприниматься как активный агент изменений, что ведет к исчезновению традиционных структур и созданию новых форм

экстремальности. На четвертом этапе (экзистенциальном) технологии и техника проникают в психику человека, формируя новые поведенческие паттерны. Мы также выделили три сферы экстремальности: макроуровень, охватывающий глобальные угрозы, микроуровень, связанный с личными переживаниями, и межличностный уровень, отражающий изменения в социальных связях. Эти уровни взаимосвязаны и позволяют создать целостное представление о том, как экстремальные обстоятельства проявляются в жизни человека. Экстремальные обстоятельства рассматриваются нами как длительные, фоновые ситуации, характеризующиеся серьезными угрозами как для физического существования человека, так и для его внутреннего мира. Экстремальные обстоятельства могут быть внешними (война, концлагерь, эпидемии) и внутренними (депрессия, тревога, потеря смысла жизни), позитивными (по Хану) (переизбыток, самоэксплуатация) и негативными (дефицит, принуждение). Основными характеристиками экстремальных обстоятельств являются непредсказуемость, неожиданность и разрушение привычного порядка вещей. Важно отметить, что экстремальные обстоятельства имеют двойственную природу: они могут выступать стимулом для изменений и вести к созиданию, либо - источниками страха и деструкции и вести к разрушению.

1.2. Риск и неопределенность как онтологические основания экстремальности

Именно в эпоху четвертой информационной революции, которую Мануэль Кастельс называет «технологической»¹³⁷, когда скорость передачи и обработки информации достигла невиданных ранее масштабов, мир стал ощущаться как быстро меняющийся и в то же время как полный неопределенности. Традиционные способы обработки информации недостаточны для ее адекватного восприятия и получения подлинного знания. Знание всегда формировало способность «ориентироваться» в мире.

¹³⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 49.

На наш взгляд, оно обладало направляющей силой, моральной целостностью, создавало устойчивые смыслы, служило чем-то наподобие веры. Именно эта способность ориентироваться помогала человеку понимать окружающий мир, осознавать свое место в нем и принимать решения.

Экстремальность возникает как раз из этой ситуации. Она отражает состояние постоянных изменений, неуверенности, неустойчивости, «зыбкости» человеческого существования, когда риск и неопределенность как бы вплетаются в повседневную жизнь и становятся ее частью. Знание в современном мире не всегда дает четкие ответы на беспокоящие людей вопросы. Когда-то знание служило защитой от риска и неопределенности, теперь оно само становится источником создания новых угроз. С одной стороны, источников информации стало много, но не до конца понятно, какие из них являются достоверными. Это изобилие информации порождает ощущение экзистенциальной неопределенности, когда человек не может найти опору, создать для себя некую систему координат. С другой стороны, понимание знания как такого, которое ведет к технологическим открытиям, к созданию новых «опасных» технологий, которые угрожают жизни человека, также порождает ощущение экзистенциального страха, когда все, что дорого, может разрушиться в любой момент. Можно сказать, что риск и неопределенность становятся основными характеристиками человеческого существования, где экстремальность – это общее фоновое состояние давления, которое исходит как извне, так и изнутри.

Слово «риск» происходит от итальянского *risicare*, что означает «решиться», «отважиться». В античной философии риск обозначал скалу, утес или подножие горы¹³⁸. Подходя к ним, человек сталкивается с выбором: плыть дальше или отступить. Риск, согласно социологическому словарю, это, во-первых, возможная опасность, а во-вторых, ситуативная характеристика деятельности, состоящая в неопределенности ее исхода и возможных

¹³⁸ Кырлан Н. С. Теоретические подходы к определению сущности понятия «риск» // Гуманизация образовательного пространства. Саратов: Издательство «Перо», 2016. С. 584.

неблагоприятных последствий в случае неуспеха¹³⁹. Риск и неопределенность можно рассматривать как соотносительные понятия. Неопределенность формирует основу риска, а риск детерминирует состояние неопределенности. Неопределенность выражает себя, на наш взгляд, не только через нехватку, недостаток, отсутствие чего-либо, но и, наоборот, через изобилие, переизбыток, множественность. Можно сказать, что неопределенность – это состояние, когда мы не можем прогнозировать с какой-то долей вероятности то, что произойдет в будущем. Чем выше уровень неопределенности, тем сложнее оценить вероятность и последствия различных действий. В структуре риска лежит сочетание множества элементов – необходимости и случайности¹⁴⁰, определенности и неопределенности¹⁴¹, возможности и действительности¹⁴². Именно сочетание этих элементов делают риск тем, чем он является. Основное значение понятия риск связано с актом выбора, проявлением смелости, решимости, отваги и предполагает позитивный аспект. Современный подход часто придаёт риску иной смысл: он воспринимается не столько как выбор, сколько давлением самой ситуации выбора, в которой оказывается человек против своей воли¹⁴³.

Изначально слово «риск» имело как положительные, так и отрицательные коннотации, предполагая позитивные перспективы, возможности, которые могут возникнуть в будущем. В наше время, за исключением редких случаев, понятие «риск» чаще несет негативный оттенок и почти стало, как пишет Л. Свендсен, синонимом «опасности»¹⁴⁴. Но риск и опасность – это не одно и то же, хотя они часто воспринимаются

¹³⁹ Социологический словарь // GUFO [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/social/%D0%A0%D0%98%D0%A1%D0%9A> (дата обращения: 01.06.2024).

¹⁴⁰ Наумова Т. В. Методологическое значение философских категорий в понимании сущности риска // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 182. С. 52.

¹⁴¹ Наумова Т. В. Методологическое значение философских категорий в понимании сущности риска // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 182. С. 53.

¹⁴² Наумова Т. В. Методологическое значение философских категорий в понимании сущности риска // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 182. С. 54.

¹⁴³ Свендсен Л. Философия страха. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 92.

¹⁴⁴ Свендсен Л. Философия страха. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 92.

как взаимозаменяемые термины. Никлас Луман предлагает рассматривать различие между риском и опасностью через призму ущерба¹⁴⁵. Когда возможный ущерб зависит от выбора человека, это называется риском. Опасность возникает, когда возможный ущерб зависит от внешних факторов (землетрясения, наводнения, падение метеорита), которые находятся вне контроля человека. То есть опасность воспринимается как результат воздействия окружающей среды, а не как следствие выбора (тогда это уже риск).

Онтологический статус риска в современном мире проявляется через фундаментальную незащищенность как отдельных людей, так и общества в целом, что можно воспринимать как системный кризис¹⁴⁶. Риск уже не ассоциируется с понятием «смелости» в привычном понимании. Это не просто действие, а скорее состояние бытия. Именно в этом смысле риск перестает быть личным выбором и превращается в структурный элемент мира. Мы существуем в мире, где неопределенность и риск пронизывают каждую область человеческой активности – от политики до экономики, от экологии до социальных отношений. Вне зависимости от принятых решений всегда остается зона неопределенности. По мнению Наумовой Т. В., риск – это возможность возникновения событий или явлений, которые мы можем предсказать, но которые еще не произошли¹⁴⁷. Экстремальные события уже «прочно» вошли в нашу жизнь и проявляются в различных формах риска – от загрязняющих веществ до угрозы ядерной катастрофы. Только подлинный риск – это не просто гипотетическая угроза, а реальное явление. Он отражает наличие того, что в действительности может оказаться лишь «предположением»¹⁴⁸. Риск можно рассматривать как некий порог, который, если будет достигнут, может обозначать собой экстремальность. Этот порог служит границей между обычным состоянием вещей и ситуацией, когда

¹⁴⁵ Луман Н. Понятие риска // Альманах "THESIS" 1994, выпуск 5. М.: ВШЭ, 1994. С. 150.

¹⁴⁶ Свендсен Л. Философия страха. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 129.

¹⁴⁷ Наумова Т. В. Методологическое значение философских категорий в понимании сущности риска // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 182. С. 54.

¹⁴⁸ Свендсен Л. Философия страха. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 130.

последствия могут оказаться катастрофическими. Например, достигая определённого уровня загрязнения, мы можем столкнуться с необратимыми последствиями для экосистемы – это и есть проявление риска как предела, за которым начинается экстремальность.

Для более глубокого понимания рисков и неопределенности как онтологических основ экстремальности нам понадобятся две концепции – «общества риска» (Ульрих Бек) и «новых медиа» (Жан-Клод Ларше). Мы выбрали именно эти концепции по нескольким причинам. Концепция «общества риска» Ульриха Бека помогает нам осознать, как современные технологии и глобализация создают новые формы угроз. Бек утверждает, что современные риски становятся глобальными и затрагивают всех людей. Он рассматривает социальные аспекты риска. Это важно для понимания экстремальных обстоятельств, с которыми мы сталкиваемся сегодня. Концепция Жана-Клода Ларше о новых медиа показывает уникальную перспективу того, как современные технологии «вторгаются» в частную и интимную жизнь человека и меняют его восприятие мира и самого себя. Если Бек рассматривает причины возникновения «общества риска» и описывает его внешние составляющие, то Ларше фокусируется на последствиях технологического прогресса в рамках повседневного существования человека, который утрачивает свою идентичность и «человечность», на том, как изменилось внутреннее содержание под воздействием новых медиа. Ларше рассматривает экзистенциальные аспекты риска. Объединив эти две концепции, мы также сможем рассмотреть виртуальные и цифровые риски, которые возникли совсем недавно и влияют на человека через экран - практики эскапизма, кибермошенничество, дезинформацию и другие формы цифровой опасности.

Ключевым понятием, объединяющим все современные риски, связанные с технологическим прогрессом, мы хотим это подчеркнуть, является скорость. Согласно Полю Вирильо, именно «...скорость обеспечивает отныне видение, оценку и, следовательно, осмысление

реальности»¹⁴⁹. В эпоху четвертой информационной революции также оформилась неолиберальная идеология, которая исказила идеи стоицизма, экзистенциализма, психоанализа. Они стали репрезентироваться как стремление к личному успеху. Успех стал мерилем ценности. Скорость становится основным критерием, по которому оценивается успех. Компании стремятся оптимизировать процессы, сокращая время на принятие решений и повышая скорость вывода продуктов на рынок. Временные рамки, в которых человек на протяжении последних столетий мыслил и действовал, сжались, а производительность стала новым стандартом. Современный человек живет в мире, к которому он адаптируется, но который не успевает осмыслить. Технологический прогресс развивается стремительно, а способность к критическому осмыслению этих изменений часто отстает. Современный человек способен быстро освоить новые технологии, но не имеет четкого представления о том, как эти технологии функционируют и какие риски несут. Современный человек, по нашему мнению, постоянно колеблется между двумя состояниями: естественным (личным) и технологическим (общим). Естественное состояние человека – это как «дыхание», это внутреннее ощущение собственного существования: переживания, мечты, ценности. В отличие от этого, технологическое состояние человека – это время, определяемое скоростью и мгновенными реакциями, внешним давлением. Оно навязывает человеку искусственный ритм и темп, встраивая его в стандартизированный и заданный изначально кем-то поток. Время становится «неживым», превращаясь в бесконечную череду задач и обязательств. Этот разрыв между личным и общим становится источником глубокой неудовлетворенности в собственном существовании, человек чувствует, что экзистенциально «разряжен», что у него нет ни на что сил.

В прошлом риски, как правило, были связаны с силами природы или «божественными капризами» – природные катастрофы, болезни, войны, которые воспринимались как нечто внешнее и непредсказуемое. Люди

¹⁴⁹ Вирильо П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. С. 136.

зависели от своего окружения, их жизнь была подвержена влиянию стихии, и в этом свете риски носили характер «судьбы», с которой приходилось мириться (Сенека, Эпиктет). В современном мире источники рисков изменились. Теперь они зачастую возникают из-за деятельности самого человека: от экологических катастроф до техногенных аварий. Современные риски становятся частью повседневной жизни, их последствия могут проявляться мгновенно и глобально, что делает их не менее непредсказуемыми, чем природные бедствия¹⁵⁰. Современные риски, по степени своей распространенности напоминают вирусы, как указывает Бен-Чхоль Хан¹⁵¹. Они способны быстро распространяться, мутировать и оказывать влияние на большие группы людей и системы. Они могут «заражать» не только отдельных людей, но и целые общества, экономики и экосистемы. Согласно Бен-Чхоль Хану, эти риски представляют собой нейрональное насилие, они влияют на нервную систему человека и возникают как следствие переизбытка: усталость, депрессия, СДВГ, пограничное состояние, истощение¹⁵².

Общество риска, по Ульриху Беку, это противоречивое общество, которое одновременно генерирует и решает проблемы, совершает научные открытия и вместе с этим создает новые угрозы. Риск является результатом модернизации, которая порождает новые формы неопределенности и неравенства. Общество риска, по Беку, характеризуется тем, что риски становятся все более глобальными¹⁵³. Риски больше не ограничиваются национальными границами, не поддаются традиционным формам регулирования и не могут быть полностью предотвращены. Риски также становятся все более демократизированными, то есть они касаются всех слоев населения, независимо от их социального статуса, дохода или

¹⁵⁰ Жукоцкая А. В. Глобальные вызовы современности и духовный выбор // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. № 2(46). С. 26.

¹⁵¹ Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: Издательство АСТ, 2023. С. 48–49.

¹⁵² Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: Издательство АСТ, 2023. С. 47.

¹⁵³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 14.

местоположения. Современные риски стирают различия между бедными и богатыми, между центром и периферией, между развитыми и развивающимися странами. Основными чертами общества риска, согласно Беку, являются: глобализация рисков, их взаимосвязанность, неравномерное распределение последствий и постоянная необходимость в управлении ими, а также страх. Бек писал, что современные риски возникли «...на самой высокой ступени развития производительных сил»¹⁵⁴. Это результат противопоставления общества природе¹⁵⁵. Раньше природа была чем-то внешним для человека – «непокорённым» миром. С развитием технологий люди начали встраивать природу в свою жизнь, управлять ею, изменять и воспроизводить. Природа теперь зависит от решений человека, последствий этого выбора и технологий. Технологические достижения стали влиять на «здоровье» окружающей среды.

Изначально технологии создавались человеком для облегчения его жизни. Но чем больше появляется технологий, тем больше появляется рисков, неопределенности и хаоса: ядерная энергия¹⁵⁶, генная инженерия¹⁵⁷, информационные и цифровые технологии, которые были созданы для облегчения коммуникации и обмена информацией, но привели к риску киберпреступности, нарушению приватности и манипуляции сознанием, или экзистенциальный страх перед искусственным интеллектом, который может заменить человека на работе из-за автоматизации многих процессов. Бек анализирует реакции человека и общества на новые риски, выделяя три стратегии: отрицание¹⁵⁸, перенос ответственности¹⁵⁹ и рефлексивное онаучивание¹⁶⁰, или преобразование. Первая стратегия – отрицание. Это своего рода защитный механизм, когда человек или общество предпочитает игнорировать потенциальные опасности, убеждая себя в их незначительности

¹⁵⁴ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 25.

¹⁵⁵ Там же. С. 7.

¹⁵⁶ Там же. С. 273.

¹⁵⁷ Там же. С. 273.

¹⁵⁸ Там же. С. 252.

¹⁵⁹ Там же. С. 93.

¹⁶⁰ Там же. С. 240.

или даже невозможности. Мы видим это в утверждениях тех, кто отвергает реальность климатических изменений, как если бы можно было избежать последствий этого. Следующая стратегия – перенос ответственности. Здесь человек и общество выбирают делегировать решение актуальных вопросов другим: экспертам, политикам или даже будущим поколениям. Государства нередко делегируют решения экологических проблем международным организациям, частным компаниям, словно надеясь, что кто-то другой решит трудности человечества. Наиболее интригующей, пожалуй, оказывается рефлексивная стратегия преобразования. Она требует от человека, государственных структур и организаций осознания рисков и признания их существования, а также готовности изменить свои ценности, поведение и институты в соответствии с новыми реалиями. Бек утверждает, что такая стратегия – наиболее продуктивная и демократичная, поскольку она способствует эволюции общества риска, основана на принципах превентивности и прозрачности, задействует всех членов общества и призывает к открытому диалогу¹⁶¹.

Классовое общество, по мысли Бека, характеризовалось тем, что риски были четко связаны с социально-историческими условиями. Риски проявлялись в «материальных» формах – голод и изобилие, нищета и богатство, власть и бессилие, «хижины и дворцы»¹⁶². Общество риска, наоборот, заполнено не только видимыми, но и невидимыми рисками – потенциальными эпидемиями, цифровым давлением и неравенством, социальной инженерией, ядерной угрозой и т. д. Информация о них может быть замалчиваемой или игнорируемой. Классовое, индустриальное и рыночное общества, по Беку, сосуществуют и наслаиваются друг на друга. Проблемы этих обществ не исчезают, а накапливаются. Современные риски затмевают более «старые» проблемы, например, классовые противоречия. По Беку, в классовом обществе бедность была видимой и понятной. Люди могли

¹⁶¹ Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Книгодел", 2021. С. 9.

¹⁶² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 53-54.

видеть, кто богат, а кто беден. В современном обществе риски становятся менее очевидными. Нищета остается, но она может быть менее заметна на фоне других угроз. Внимание общества смещается на глобальные проблемы, которые требуют немедленного решения.

Чем менее очевидным может быть риск, тем сильнее он может нарастать, мутировать и становиться опасным. Вирусный характер современных рисков, на наш взгляд, подразумевает их способность к мутации. Они могут изменяться и адаптироваться в ответ на новые условия и обстоятельства – от биологических вирусов, которые со временем развивают устойчивость к лекарственным препаратам, до экономических, социальных и информационных рисков, которые подстраиваются под изменяющиеся условия рынка и общественного поведения.

Неопределенность здесь коренится в том, что эти мутировавшие риски способны в любой момент вызвать «взрыв» - он может произойти внезапно и из неожиданных источников, что делает «взрывы» трудно предсказуемыми. Современные риски зачастую имеют абстрактный характер, они не имеют конкретных, осязаемых форм и проявляются в виде потенциальной угрозы. Но это не просто фантазии, это реальные риски, которые могут в любой момент стать явными. Страх проистекает из этой невидимости и неопределенности, из этого ощущения настороженности, что в любой момент может произойти все, что угодно. Сегодня мы находимся в ситуации, когда катастрофа (социальная, экологическая, политическая, техногенная) может произойти в любую минуту. В отличие от классового общества, пишет Бек, где общность нужды объединяла людей в борьбе за существование, в обществе риска общностью обладает страх, именно он объединяет¹⁶³. Если в классовом обществе человек мог вопрошать: «Как мне прокормить свою семью?», то в обществе риска вопросы становятся более абстрактными и пронизаны тревогой: «Стоит ли мне планировать семью?». Этот страх не всегда рационален. Часто он основан на иррациональных убеждениях. Люди

¹⁶³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 59-60.

могут бояться вещей, которые на самом деле не представляют реальной угрозы. Человек начинает видеть «врага» везде, даже там, где его нет. Страх становится преувеличенным и непропорциональным.

Формирование катастрофического сознания у людей становится логическим следствием существования в обществе риска¹⁶⁴. Мы можем определить «катастрофическое сознание» как состояние или восприятие действительности, в котором индивид, группа или сообщество начинают видеть мир как место, пронизанное неизбежными угрозами и катастрофами, постоянным ожиданием худшего, негативными коллективными эмоциями. Феномен катастрофического сознания связан с несколькими факторами. Во-первых, это результат информационного перенасыщения негативными новостями¹⁶⁵. Несмотря на то, что в мире каждый день происходят разные события, как радостные, так и плохие, СМИ отдают предпочтения тем, в которых рассказывается о «бедствиях», глобальных кризисах, убийствах и самоубийствах. Во-вторых, катастрофическое сознание подпитывается неопределенностью¹⁶⁶. Когда катастрофа может произойти в любую минуту, люди начинают чувствовать себя уязвимыми. Они понимают, что многие аспекты их жизни зависят от факторов, находящихся вне их контроля – от политических решений до экономических тенденций. Как следствие, усиливается чувство беспомощности, которое сопровождается тревогой, паническими атаками и депрессивным настроением. В-третьих, катастрофическое сознание часто сопровождается иррациональными реакциями и поведением, которые могут усугубить ситуацию¹⁶⁷. Люди начинают принимать решения, основанные на страхе, а не на рациональном анализе: от излишней осторожности, поиска «врагов» и «козлов отпущения», и избегания рисков до панических покупок, когда в магазинах скупаются

¹⁶⁴ Лепешкин С. А. Некоторые подходы к анализу понятия "катастрофическое сознание" // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2019. № 3(31). С. 89.

¹⁶⁵ Труфанова Е. О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2019. № 1(16). С. 10.

¹⁶⁶ Полянский Д. В. Страх как объект социального производства // Проблемы современного образования. 2020. № 1. С. 18.

¹⁶⁷ Жирар Р. Козел отпущения. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. С. 8-9.

запасы продуктов и товаров первой необходимости в ожидании предполагаемой катастрофы.

Основными характеристиками катастрофического сознания, на наш взгляд, являются пессимизм (ожидание худшего), паранойя (ощущение присутствия скрытой угрозы), иррациональные страхи (преувеличение вероятности катастроф), социальная изоляция (ощущение отчуждения и недоверия к другим), дефицит надежды (утрата веры в возможность позитивных изменений). Одним из наиболее интересных и тревожных аспектов катастрофического сознания является «самосбывающееся» или «самоисполняющееся» пророчества. Этот термин описывает ситуацию, когда ожидания и предсказания о будущем, даже если они изначально иррациональны или неверны, начинают оказывать влияние на поведение людей, что в итоге приводит к осуществлению или к иллюзии осуществления этих предсказаний. Роберт Мертон приводит как пример следующую цитату У. И. Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» (теорема Томаса)¹⁶⁸. Например, если общество начинает верить, что экономический кризис неизбежен, то это может привести к массовому изъятию вкладов из банков, что, в свою очередь, может спровоцировать реальный финансовый кризис.

Контроль над неопределенностью, на наш взгляд, становится одной из реакций на этот всеобъемлющий страх - желание установить жесткие правила и нормы, которые, как кажется, способны защитить от нарастающих угроз, но на самом деле это желание приводит лишь к усилению государственного контроля, ограничению свободы и личных прав человека¹⁶⁹. Такой контроль не всегда является эффективным. Стремление все контролировать иногда приводит к еще большему страху и тревоге, к усилению катастрофического сознания. Чрезмерная регламентация создает лишь иллюзию безопасности, а на самом деле усиливает чувство уязвимости. Подобное стремление к иллюзорной стабильности и полному контролю над

¹⁶⁸ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 41.

¹⁶⁹ Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 195.

неопределенностью упирается, согласно Свендсену, «...в основной постулат общества риска, а именно с тем, что жизнь может и должна быть полностью контролируемой»¹⁷⁰. Экстремальность – это вторжение иррационального в повседневную жизнь, которую можно рассматривать как недооцененный риск. Стремление избежать опасности часто порождает новую, более серьезную опасность. Свендсен пишет: «Чем больше предосторожности в жизни человека, тем чаще принимаются меры по предотвращению возможного ущерба и вреда, который, вероятно, никогда и не был бы причинен»¹⁷¹.

Одним из способов контроля неопределенности является создание иллюзии определенности. Человек и общество стремятся к тому, чтобы все было предсказуемо, регулируемо и стандартизовано. Все события и феномены так или иначе отражаются в языке, в современной лексике¹⁷². И в этом смысле языковое клише современной политической, экономической, финансовой лексики «устойчивое развитие» отражает иллюзию стабильности, порядка, регулируемости¹⁷³. Для любой ситуации есть определенные сценарии, которых необходимо придерживаться. Создание иллюзии определенности ведет к замкнутому кругу: чем больше человек пытается контролировать свою жизнь через заранее заданные сценарии и ожидания, тем более уязвимым он становится. Усиливающаяся зависимость от созданных им же ментальных конструкций приводит к тому, что любое отклонение от привычного порядка эмоционально воспринимается как угроза, что только усиливает страх перед неизвестным. Человек начинает бояться не только реальных изменений, но и тех, которые лишь могут произойти. «Социальная паранойя» заставляет его искать подтверждение своих страхов в окружающей действительности, и он начинает видеть мир через призму экстремальности, как место, полное опасности. Человек

¹⁷⁰ Свендсен Л. Философия страха. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 117.

¹⁷¹ Там же. С. 124.

¹⁷² Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 21.

¹⁷³ Жукоцкая А. В. Старые опасения и новые идеологии // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2015. № 2(14). С. 13.

становится зависимым от технологий, которые сами провоцируют ощущение неопределенности и которые помогают ее же и контролировать. Согласно экзистенциальной философии, осознание того, что страх – это «мой» собственный выбор, дает возможность взять под контроль свои эмоции. Если мы понимаем, что боимся, значит, можем выбрать не бояться. Только «я» решаю, чего бояться и как воспринимать мир¹⁷⁴.

Контроль над неопределенностью не более чем иллюзия. Несмотря на свои попытки создать предсказуемый и безопасный мир, на самом деле это часто приводит к тому, что «взрывы» происходят там, где их не ждали. Внимание сосредоточено только на управлении известными рисками, в то время как новые, неожиданные угрозы остаются вне поля зрения. Мы можем выделить два подхода к управлению рисками: «реактивный» и «проактивный»¹⁷⁵. Это уже не столько сфера социальной философии, а скорее, бизнеса, управления и экономики, риск-менеджмента. Реактивный подход подразумевает реагирование на уже произошедшие события, кризисы и катастрофы. Он часто проявляется в том, что меры принимаются только тогда, когда угроза становится явной, чтобы риск не перешел в состояние «неприемлемого»¹⁷⁶. Например, в здравоохранении многие системы до сих пор действуют на основе реактивного подхода, реагируя на вспышки заболеваний, но не уделяя должного внимания профилактике. Ресурсы тратятся на лечение последствий, а не на предотвращение заболеваний. В то же время проактивный подход стремится предвидеть и предотвратить возможные угрозы еще до того, как они станут очевидными¹⁷⁷. Например, в экологии и управлении рисками стихийных бедствий проактивные меры уже активно внедряются. Предсказание климатических изменений и разработка стратегий адаптации к ним являются примерами проактивного подхода,

¹⁷⁴ Свендсен Л. Философия страха. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 80.

¹⁷⁵ Проактивный и реактивный риск-менеджмент ИТ-сервисов облачных сред / А. В. Скатков, Д. Ю. Воронин, В. И. Шевченко, А. А. Ключарев // Информационно-управляющие системы. 2017. № 3(88). С. 25

¹⁷⁶ Там же. С. 28.

¹⁷⁷ Там же. С. 26.

который включает как научные исследования, так и активное вовлечение общества в процессы принятия решений.

Чем больше совершается попыток контролировать и предсказывать, тем больше, на наш взгляд, возникает вероятность того, что что-то неожиданное и катастрофическое произойдет именно в тех областях, которые считаются безопасными. Человечество всегда реагирует только на те катастрофы, которые уже произошли, не имея пока всех возможностей, инструментов реально предвосхитить их. Когда возникает какой-либо кризис, всегда оказывается, что реакция на него была как бы недостаточной, тогда именно эта сфера получает чрезмерное внимание и контроль, в это же время другие риски начинают накапливаться, приобретая потенциальный экстремальный характер. При этом очевидно, что предсказать все риски невозможно. Нам кажется, что мы контролируем ситуацию, но на самом деле мы игнорируем множество других угроз. Современные риски, на наш взгляд, носят циклический характер. Они возникают и исчезают, фокус внимания постоянно смещается с одной области на другую. Итак, абсолютный контроль над неопределенностью, на наш взгляд, невозможен. Как только делается попытка охватить все возможные риски, из виду теряется целостность ситуации.

Казалось бы, задача новых технологий заключается в том, чтобы вытеснить риск, искоренить опасность, сделать жизнь более безопасной. Но современные технологии, к сожалению, не ведут к расширению границ безопасности человека, скорее, наоборот, сами технологии могут стать одним из факторов опасности, риска, экстремальности. Проблема современных технологий заключается не только в их потенциальной угрозе, но и в том, что мы доверяем им больше, чем себе или друг другу. Мы начинаем воспринимать технологии как безусловный авторитет. Мы прибегаем к алгоритмам, искусственному интеллекту и автоматизированным системам, полагаясь на них в принятии решений, которые раньше были привилегией человеческого разума. Чем больше мы полагаемся на технологии, тем менее

автономными становимся. Мы теряем способность самостоятельно анализировать, критически мыслить и принимать решения, полагаясь на то, что «умные» технологии сделают лучший выбор, чем мы. Современные технологии действительно ускоряют процессы, делают нашу жизнь более комфортной и помогают справляться с рутинными задачами. Но в этом стремительном потоке мы рискуем потерять душевность и человечность. Мы можем легко забыть, ради чего выполняем определенные действия, когда все автоматизировано и упрощено. Вместо того чтобы наслаждаться процессом, мы сосредоточиваемся на результате, который часто оказывается лишь цифровым показателем.

Современные риски находятся не только в социальной сфере, но и проникают в экзистенциальное измерение человека. Появляются риски нового порядка, связанные с последствием влияния современных технологий и медиа на сознание и самосознание человека ¹⁷⁸. Современное существование человека носит экстремальный характер. Это вызвано тем, что современный человек теряет ориентацию в своем внутреннем мире и в окружающей реальности из-за переизбытка информации и давления технологий. Современный человек испытывает страх смерти, но он отличается от страха, который испытывали люди раньше. Раньше страх смерти воспринимался как нечто, что может изменить жизненный поток. Это была пограничная ситуация, которая заставляла человека пересмотреть свои ценности и иначе выстроить приоритеты. Теперь страх смерти ощущается по-другому - он стал виртуальным, словно фоновый шум, который невозможно игнорировать. Современный человек живет в состоянии постоянного напряжения, которое отвлекает его от настоящего. Он не может сосредоточиться на своих чувствах и мыслях. Человек становится расфокусированным и теряет связь с собой. Такой виртуальный страх смерти отключает эмоциональную реакцию, чувства парализуются. Люди могут жить в постоянном стрессе, не осознавая его причины. Человек начинает

¹⁷⁸ Жукоцкая А. В. Идеология: фобии и ожидания // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2022. № 3(43). С. 20–21.

воспринимать себя как механизм, который выполняет задачи, но не ощущает радости или восторга от собственной деятельности.

Жан-Клод Ларше вводит концепции *homo connecticus* («человек подключенный») и *homo communicans* («человек общающийся») как способы описания новых форм человеческого поведения и сознания, возникших в результате влияния современных медиа и технологий¹⁷⁹. Под новыми медиа подразумеваются технологии и платформы (передатчики информации), и сам контент, радикально изменившие способы общения и обмена информацией – это интернет, социальные сети, чаты, мобильные технологии, телевидение, видеоплатформы, сайты, блоги и даже игровые медиа¹⁸⁰. С развитием этих технологий началась пятая информационная революция, которая связана с искусственным интеллектом. Технологии становятся «умными» и способны самостоятельно обрабатывать и анализировать данные. Мы выделим две основные характеристики этой революции. Во-первых, автоматизация процессов. Многие задачи, которые ранее выполняли люди, теперь выполняет ИИ. Во-вторых, персонализация контента. ИИ анализирует предпочтения пользователей и предлагает именно то, что им интересно. Главным трендом является кастомизация - создание персонализированных продуктов или услуг на основе информации о пользователе, собранной системами искусственного интеллекта¹⁸¹. Идентичность, социальные связи и даже восприятие времени и пространства, по мнению Ларше, теперь во многом зависят от технологий и обусловлены ими. Человек воспринимает реальность не такой, какая она есть, а такой, какая она представлена и предлагается новыми медиа. Ларше также вводит важное для нас понятие «цифровой колониализм» - процесс, в ходе которого практически все аспекты человеческой жизни и деятельности переводятся в цифровой формат: от книг, музыки и кино, до фитнес-занятий, образовательных курсов

¹⁷⁹ Ларше Ж.-К. Обратная сторона новых медиа. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2023. С. 71–72.

¹⁸⁰ Там же. С. 17–31.

¹⁸¹ Социология медиакоммуникаций: теория и практика. М.: Московский городской педагогический университет, 2023. С. 25.

и любых личных взаимодействий¹⁸². Цифровой колониализм становится всеобъемлющим: он охватывает практически любые виды деятельности и объекты, превращая их в данные, которые могут быть собраны, обработаны и использованы различными способами. В результате такого перехода возникает стремление устранить «цифровой разрыв», то есть разницу в доступе к технологиям и информации. Мы наблюдаем, как все структуры общества – от образовательных учреждений до государственных органов – стремятся обеспечить всем гражданам равные возможности в использовании технологий. Знание и умение пользоваться цифровыми инструментами становится неотъемлемой частью современного существования. Но этот процесс имеет свою «темную», обратную сторону. Ларше считает, что принуждение к использованию технологий может восприниматься как давление, как захват территории, и это нарушает экзистенциальные основы человеческого бытия. Он сравнивает такое принуждение со вторжением, разрушающим личное пространство и автономию человека¹⁸³. Он видит в этом что-то внеземное и чуждое, нечто античеловеческое, что подменяет естественные формы взаимодействия и общения. Ларше указывает на то, что в таком мире человек уже не является хозяином своего мира, а является «рабом» технологий. В то же время, места, где нет доступа к интернету, телевидению или мобильной связи, на наш взгляд, становятся все более редкими и даже вызывают тревогу, они ассоциируются с чем-то пугающим и экстремальным.

По мнению Маршалла Маклюэна, вообще все средства коммуникации и технологии, которые использует человек и интегрирует в свою жизнь, постепенно формируют ту среду обитания, в которой он находится, а следовательно, его восприятие мира и самого себя¹⁸⁴. Например, электрический свет изменяет социальные ритмы жизни, а железная дорога с ее скоростью и доступностью связывает не только физические расстояния, но

¹⁸² Ларше Ж.-К. Обратная сторона новых медиа. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2023. С. 15–17.

¹⁸³ Там же. С. 14–15.

¹⁸⁴ Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. С. 9.

и культуры, идеи и людей, размывая границы между сообществами. Самолет стирает ощущение времени и пространства, создавая глобализированный мир. Медиа становятся внешними расширениями человека¹⁸⁵. Все, что создается людьми и используется ими – от одежды до технологий – служит инструментом для расширения восприятия действительности. По Маклюэну, каждая новая технология или медиа добавляют что-то важное к человеческому опыту, расширяя горизонты в физическом, социальном и культурном плане. По мнению Ларше, идеи Маклюэна о влиянии медиа на человека продолжают развиваться, особенно в контексте новых медиа. Передатчик становится важнее, чем само сообщение. Например, алгоритмы, управляющие потоками новостей и контента, формируют восприятие реальности, создавая «пузырьки» информации, в которых находится человек. Он может не осознавать, что именно эти алгоритмы и платформы управляют его вниманием и определяют, что считать важным или актуальным, и наоборот. Власть новых медиа над человеком, по мнению Ларше, часто остается незамеченной и не замечаемой¹⁸⁶.

Современные медиа превратили мир в «глобальную деревню», в то же время каждый человек находится только за своим экраном, оказываясь как бы в своей собственной реальности, изолированный от непосредственного общения с окружающими¹⁸⁷. Естественным местом обитания для homo connecticus и homo communicans становится киберпространство, цифровой мир. Здесь формируются новые социальные практики: от мемов и вирусного контента до виртуальных сообществ и сетевых идентичностей. Человек чувствует себя живым ровно в той степени, насколько он интегрирован в цепь коммуникации¹⁸⁸. Когда он общается с другими, он ощущает свою значимость. Каждый комментарий, лайк или сообщение подтверждает, что он часть чего-то большего. Виртуальное взаимодействие создает ощущение

¹⁸⁵ Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. С. 10.

¹⁸⁶ Ларше Ж.-К. Обратная сторона новых медиа. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2023. С. 36.

¹⁸⁷ Там же. С. 70.

¹⁸⁸ Там же. С. 75.

принадлежности. Как только связь с окружающими слабеет, возникает острое чувство одиночества и изоляции.

Согласно Жану-Клоду Ларше, сущностными характеристиками *homo connecticus* и *homo communicans* являются подключенность (постоянное присутствие в сети), коммуникация как самоцель (общение становится важнее содержания), многозадачность (умение одновременно выполнять несколько задач, но часто в ущерб качеству), культ скорости (потребность в мгновенной реакции и быстром обмене информацией), культ продуктивности (постоянное стремление к максимальной эффективности), сжатие времени (ощущение, что время ускорилося), упразднение пространства (размывание границ между физическим и виртуальным пространством), утрата интимности (глубокие личные связи становятся поверхностными и формальными), утрата телесности (снижение важности физического присутствия в общении), приоритет виртуального над реальным (виртуальная реальность начинает восприниматься как более значимая, чем физический мир), гиперкоммуникация (избыточное количество информации, сообщений, сигналов, уведомлений), усиление эмоций и ослабление чувств (более яркие, но менее глубокие переживания), снижение рефлексии (меньше времени на осмысление и анализ, больше на реакцию).

Каждая из этих характеристик может рассматриваться как некая патология, отражающая искажение и деформацию человеческой природы в цифровой реальности. Подключенность как постоянное состояние становится не просто нормой, а зависимостью¹⁸⁹. *Homo connecticus* и *homo communicans*, в сущности, являются мутантами, эволюционировавшими под давлением киберпространства и его законов. Они представляют собой своеобразную адаптацию к новым условиям, но с каждым новым уровнем адаптации они теряют важные человеческие качества, которые формировали личность на протяжении веков. Раффаэль Симоне предлагает иной подход к пониманию

¹⁸⁹ Ларше Ж.-К. Обратная сторона новых медиа. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2023. С. 32.

взаимодействия человека и технологий, вводя концепцию «экзаптации»¹⁹⁰. В отличие от адаптации, экзаптация акцентирует внимание на том, что технологии сами создают новые функции, то есть технология может быть изначально создана для одной цели, но со временем начинает использоваться в совершенно других контекстах и для новых задач. Например, использование телефона изначально было ограничено только голосовыми вызовами, но с развитием технологий он стал многофункциональным инструментом, позволяющим, помимо прочего, обмениваться текстовыми сообщениями, делать фотографии, слушать музыку и даже управлять домом. Тем не менее, по мнению Ларше, влияние новых медиа на наше существование выходит за пределы простого изменения форм коммуникации. Постоянное повторение действий, связанных с использованием цифровых технологий, формирует у человека характер привычки¹⁹¹. Мы погружены в эти привычки настолько, что отстраниться от них и осознать их воздействие становится практически невозможным. Как результат, новые медиа не только изменили организацию и восприятие времени и пространства, но и ускорили жизнь до такой степени, что она приобрела экстремальный характер.

Современный человек, по нашему мнению, оказывается на грани эмоционального, психологического и физического выгорания. Он стремится успеть всё: поддерживать множество виртуальных связей, выполнять несколько задач одновременно, реагировать на мгновенные запросы и требования. Экстремальность в этом случае проявляется как состояние спешки, как давление времени, которое ощущает человек. Он вынужден быть «всё время на связи», и это приводит к снижению качества общения, более поверхностному восприятию мира, а также к утрате глубинного понимания самого себя. Современный мир создает условия, в которых человек становится «отчужденным» от самого себя. Проблема заключается еще и в том, что, будучи занятым, он на самом деле ничем не занят в истинном

¹⁹⁰ Ларше Ж.-К. Обратная сторона новых медиа. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2023. С. 38–39.

¹⁹¹ Там же. С. 40.

смысле этого слова. Он отвлекается на звонки, уведомления, рабочие чаты и новости, но в этот момент не занимается «своим» делом. Современный человек начинает превращаться в нечто иное – в искусственный интеллект. Он становится «машиной», реагирующей на внешние стимулы, но не способной чувствовать и осмыслять происходящее. Человек, погруженный в цифровую среду, и сам начинает воспринимать свою жизнь как набор задач и реакций, а его внутренний мир становится машинным, автоматизированным, теряет уникальность и оригинальность. В результате этого процесса мы можем наблюдать, как современный человек становится «безвкусным» и «бесцветным», как в эмоциональном, так и в интеллектуальном плане. Подобные изменения связаны с тем, что объём информации и скорость её обмена вытесняют глубокие размышления и искренние чувства. Как реакция на перегрузку информацией и постоянное давление времени возникает идея упрощения (редукции), которая проникает во многие сферы коммуникации, становясь универсальным языком. Упрощение позволяет сократить расстояние между мыслью и её выражением, между идеей и её восприятием. Связь между ускорением всех сфер жизни и идеей упрощения становится очевидной: чем меньше времени, тем больше потребность в сжатой и понятной информации. Чрезмерная редукция также несет в себе риски. Основные из них, на наш взгляд, это потеря глубины понимания, искажение смыслов, использование стереотипов и шаблонов.

Среди экзистенциальных рисков, которые рассматривает Ларше, можно выделить: одиночество и изоляция, сокращение дистанции между личной и публичной жизнью, киберпреступность, хронический стресс, связанный с информационной перегрузкой, а также размывание идентичности. В основе рисков, выделенных Ларше, лежит, на наш взгляд, «онтологическая неуверенность» – внутренняя пустота, неприятие реальности такой, какая она есть, самого себя и других¹⁹². Мир не

¹⁹² Лэнг Р.Д. Расколотое «Я». СПб: Белый кролик, 1995. С. 33.

воспринимается как «надежный»¹⁹³. Современный человек часто не понимает, кто он на самом деле. Ему сложно понять, что действительно важно для него. Это ощущение приводит к тревоге. Если чувства и эмоции и возникают, то чаще всего как реакция на угрозу, чтобы сохранить остатки собственного существования¹⁹⁴. Тогда он чувствует себя «живым», вовлеченным, появляется энергия, силы. Но как только угроза исчезает, внутреннее напряжение уходит. Человек начинает чувствовать опустошение, его чувства были лишь реакцией на внешние обстоятельства, но сделать он ничего не может. Теперь, когда опасности нет, он вновь сталкивается с собой. Цифровая реальность начинает поглощать человека. Человек начинает ощущать себя больше «вещью», чем личностью. Вещь не имеет чувств и мыслей. Она просто существует, не переживая ничего¹⁹⁵. Ларше также пишет о стратегиях преодоления зависимости от технологий: психотерапия, самоизоляция (временное удаление себя из цифрового пространства), использование только необходимых медиа (отказ от ненужных технологий и платформ), медленное чтение, духовные практики (молчание и уединение), забота о ближнем, концентрация внимания (развитие способности сосредотачиваться на одном деле в противовес многозадачности)¹⁹⁶. На наш взгляд, эти стратегии являются скорее индивидуальными и не решают тогда в целом проблему зависимости от технологий. Они могут предложить временное «облегчение», но не устраняют коренные причины стресса и тревоги, потому что риски стали носить глобальный и системный характер.

Киберпреступность – это один из самых серьезных рисков вообще в современном цифровом и реальном мире¹⁹⁷. По данным следственного комитета РФ, ущерб от действий только одних мошенников в 2024 г.

¹⁹³ Лэнг Р.Д. Расколотое «Я». СПб: Белый кролик, 1995. С. 37.

¹⁹⁴ Там же. С. 38.

¹⁹⁵ Там же. С. 42.

¹⁹⁶ Ларше Ж.-К. Обратная сторона новых медиа. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2023. С. 268-298.

¹⁹⁷ Там же. С. 110–112.

составил 150 млрд рублей¹⁹⁸. Преступники могут легко воздействовать на своих жертв через компьютер или телефон. Они часто представляются другими людьми, используя чужие ники и фотографии. Им достаточно знать имя и номер телефона жертвы, чтобы начать манипуляции. Безнаказанность киберпреступников практически гарантирована. Многие преступления в интернете сложно раскрыть. Часто следы ведут в никуда, и правоохранительные органы не могут вычислить преступника. Это делает киберпреступность особенно опасной. Мошенников сложно вычислить по нескольким причинам. Во-первых, они используют технологии, которые помогают им скрыть свою личность: виртуальные частные сети (VPN) для маскировки своего IP-адреса. Во-вторых, киберпреступники часто применяют анонимизаторы и прокси-серверы, чтобы отправлять сообщения и делать звонки, не оставляя следов. В-третьих, мошенники используют фальшивые электронные почты и номера телефонов. Они создают поддельные аккаунты в социальных сетях, чтобы выглядеть как реальные люди. Кроме того, мошенники часто действуют группами, распределяя задачи и снижая риск разоблачения. Один человек может заниматься манипуляцией, а другой – технической стороной «атаки». Например, существует такой метод – фишинг, при котором создаются поддельные сайты, похожие на настоящие. Жертва может ввести свои данные, думая, что это официальный ресурс. Мошенники используют авторитет организаций, чтобы внушить доверие «жертве». Социальная инженерия помогает им манипулировать людьми. Мошенники играют на человеческих слабостях, на доверчивости и страхе.

Все больше кажется, что человеческая цивилизация вытесняет человечность и не создана для человека. Эскапизм – это попытка сбежать от боли и страха. Люди, особенно молодежь, ищут утешение в виртуальных мирах, играх и даже в группах, пропагандирующих самоубийство – это

¹⁹⁸ СК оценил ущерб от мошенников за девять месяцев 2024 года // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2024/12/05/1079559-sk-otsenil-uscherb-ot-moshennikov> (дата обращения: 15.06.2024).

цифровые риски, связанные с угрозой экзистенциальной безопасности¹⁹⁹. Только бегство от реальности не освобождает от страданий, а лишь усугубляет их. Желание «бежать» носит нигилистический характер и связано с внутренним чувством несоответствия между тем, каким мир кажется, и тем, какой он есть на самом деле. Крайние формы эскапизма проявляются в экзистенциальном отчаянии, убийствах и самоубийствах. Объединяющим элементом, связывающим всех, кто выбирает «бегство», является привязанность к собственной боли. Современные технологии позволяют жить автономно, не поддерживая реальные связи. Например, хикикомори – это люди, которые выбирают жизнь затворников и могут годами не выходить из дома²⁰⁰. Они избегают общения и чувствуют неприязнь к обществу. Часто они ищут утешение в виртуальном мире, где находят единомышленников. В США их называют «basement dwellers», а в Европе – «NEET» или поколение «ни-ни» (не обучается, не работает и не проходит профессиональную подготовку). Причины их ухода от реальности – издевательства в школе (буллинг), нежелание работать или чувство бесполезности. В России такие явления тоже существуют, хотя в меньших масштабах. В социальной сети «ВКонтакте» по запросу «хиккикомори» можно найти около 600 сообществ. В них участвуют подростки и молодые люди, которые обмениваются картинками и комментариями о своем разочаровании в мире. Существуют также закрытые сообщества, но о них мало что известно. Основные темы этих групп – одиночество и депрессия.

Также существуют «группы смерти», которые пропагандируют суицидальные идеи²⁰¹. Они используют игровые механики, чтобы манипулировать подростками. Участники выполняют задания, которые становятся все более опасными. Последнее задание обычно связано с самоубийством. Среди участников этих групп чаще всего находятся подростки 10–14 лет. Для усиления воздействия на них используют музыку,

¹⁹⁹ «Бытие-в-мире» электронной культуры. СПб.: «Реноме», 2020. С. 81.

²⁰⁰ Там же. С. 84–86.

²⁰¹ Там же. С. 93–101.

видео и другие средства. Причины, по которым подростки попадают в «группы смерти», связаны с психологическими факторами: подростковая депрессия, отсутствие социальной поддержки, недостаток общения и понимания со стороны родителей и окружающих. В этом возрасте подростки особенно уязвимы, ищут признания и чувствуют себя изолированными. Но виртуальное общение без реальных эмоциональных связей, на наш взгляд, лишь способствует росту пессимизма и апатии. Другой проблемой являются случаи шутинга в школах²⁰². Школьники совершают акты агрессии против своих сверстников и учителей. Идея шутинга появилась после трагедии в школе «Колумбайн». Один из самых известных случаев в России произошел в школе № 175 в Казани в мае 2021 года. Существуют разные версии причин таких преступлений: издевательство в школе или семье, влияние культуры насилия или психические заболевания. Внутренние факторы включают психологическую неустойчивость, отсутствие жизненных ориентиров и склонность к агрессии. Внешние факторы – это социальная напряженность, высокий уровень насилия в обществе и низкое качество жизни. Шутеры часто делятся своими проблемами в социальных сетях, где не находят настоящих друзей, но имеют подписчиков. Они ищут понимания и поддержки в интернете. После актов насилия многие не чувствуют раскаяния и не понимают своих действий. Виртуальная смерть воспринимается иначе, чем реальная. В реальной жизни смерть вызывает печаль и утрату, тогда как в виртуальном мире – это часто элемент игры. Люди перестают воспринимать смерть как трагедию. Виртуальные события становятся развлечением, и ощущение утраты исчезает.

В последнее время мы также наблюдаем другую форму бегства – от виртуальности. Люди осознают негативные последствия длительного пребывания в цифровом мире и хотят вернуться к простым способам жизни. Один из способов сделать это – проводить время на природе. Все больше людей выбирают отдых в лесу, на дачах или в деревнях. Они хотят уйти от

²⁰² «Бытие-в-мире» электронной культуры. СПб.: «Реноме», 2020. С. 101–107.

городского шума и экранов, дышать свежим воздухом и наслаждаться природой, которая помогает им восстановить душевное равновесие. Есть и другие способы уйти от виртуальности: медитация, занятия спортом, встречи с близкими, хобби и отдых без технологий. Возможно, это происходит потому, что виртуальный мир дает лишь иллюзию близости. На самом деле человек остается один перед экраном, и внутри остается пустота. Виртуальный опыт не заменяет реальный. Бегство от виртуальности – это поиск подлинности.

Современные технологии и медиа изменили нашу жизнь, но не сделали нас счастливее. Несмотря на то, что жизнь современного человека стала комфортнее и безопаснее в физическом плане, он сталкивается с эмоциональными и духовными страданиями. Стресс стал постоянным спутником, а давление культуры успеха и стремление к постоянной продуктивности создают атмосферу, в которой трудно найти покой. Огромное количество потребляемой информации часто приводит к перегрузке, к нигилизму, а не к пониманию. Культура успеха подталкивает как бы к бесконечным достижениям, но реально вызывает пессимистическое чувство неуверенности и тревоги. Культура нигилизма идеально вписывается в это «выгоревшее» общество.

Вывод

С нашей точки зрения риск и неопределенность могут рассматриваться как онтологические основы экстремальности. Онтологический статус риска проявляется через фундаментальную незащищенность, как кризис самой системы. Знание, которое раньше обладало моральной целостностью, создавало устойчивые смыслы, давало опору человеку, теперь само стало источником новых угроз – современных технологий, рисков, неопределенности, хаоса. Риск трансформируется из акта выбора в состояние бытия. Он утрачивает свою индивидуальную природу и становится неотъемлемым структурным элементом человеческого существования. Неопределенность представляет собой двойственную сущность, выступая как

причина и следствие риска. С одной стороны, неопределенность вызывает риск, порождая ситуации, в которых выбор становится затруднительным, а исход – непредсказуемым. С другой стороны, сама по себе неопределенность является результатом принятия «рискованных» решений. Контроль над неопределенностью, казалось бы, должен снижать уровень риска. Но в действительности он часто приводит к противоположному эффекту, увеличивая количество рисков, «взрывов». Современный риск имеет два основания - социальное и экзистенциальное. Ульрих Бек описал риск как социальный феномен и выделил основные черты: глобализация, взаимосвязанность рисков, общность страха, необходимость в управлении ими. Основная идея, которую мы подчеркнем - риски становятся глобальными, не имеют границ и касаются всех слоев населения, независимо от социального статуса человека, а также обладают «вирусным» характером и действуют на нервную систему человека. Увеличивающееся количество рисков, а также невозможность их контролировать, приводит к формированию катастрофического сознания, при котором люди находятся в состоянии постоянного ожидания угрозы. Основные характеристики этого сознания – пессимизм, паранойя и социальная изоляция. Жан-Клод Ларше описал экзистенциальную сторону риска, связанную с развитием технологий, виртуального мира, и зависимостью от новых медиа, которые влияют на поведение человека и меняют его. К основным рискам относятся утрата идентичности, человечности, одиночество, изоляция, тревога, хронический стресс, вызванный постоянной спешкой и ускорением всех сфер жизни. Экстремальность, по нашему мнению, проявляется как состояние хаоса, спешки, неустойчивости, изменений, неуверенности, тревоги, нигилизма, «перегрева» системы и отражает пограничную, экзистенциальную ситуацию, при которой человек перестал видеть мир как единое, целостную систему, ощущать его как «свой» дом, безопасное место, и утратил внутреннюю опору.

1.3. Пограничные ситуации как экзистенциальные основания выбора поведенческих установок в экстремальных обстоятельствах

В традиционном смысле экзистенция и существование тождественные понятия. Но Карл Ясперс их различает²⁰³. По его мнению, существование означает наше обыденное положение в мире, где мы выступаем как объекты. Это статичное бытие – внешнее и неизменное, со всеми его событиями, не зависящими от наших желаний. Оно охватывает биологические, социальные и культурные аспекты нашей жизни. Экзистенция же, напротив, представляет собой «живую динамику», внутреннее самоопределение, направленное на поиск подлинности и смысла жизни. Она предполагает способность человека делать выбор, формировать свой жизненный путь, противостоять замкнутости заранее заданных условий и стереотипам общества. Экзистенция требует активной роли человека в создании смысла своего существования и поиске своего места в мире. Если существование представляет собой как бы «навязанную» реальность, то экзистенция, будучи возможностью, открывает пространство для выбора. Человек утверждает свое «присутствие» в мире через свои действия. Поэтому экзистенциальный подход подразумевает, что каждый выбор, который делает отдельный человек – это не просто выбор, а способ понять, кто он на самом деле. Выбор становится «исследованием» собственного «я», поиском внутренней истины.

Важной детерминантой в этом смысле экзистенции являются пограничные ситуации. При анализе различных пограничных ситуаций мы будем опираться преимущественно на позицию Карла Ясперса, поскольку он максимально подробно описал экзистенциальные основания различных пограничных ситуаций и предложил их типологизацию. Ясперс называет «пограничными ситуациями» такие ситуации, в которых человек не может продолжить жить без борьбы и страдания, в которых существует возможность смерти²⁰⁴. В основе пограничных ситуаций лежит столкновение

²⁰³ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. С. 3–4.

²⁰⁴ Там же. С. 205

с «неизбежным» (страх, болезнь, угроза) и в них также проявляется противоречие (между желанием жить и осознанием конечности).

Ясперс выделяет «четыре отдельные пограничные ситуации»: борьба, вина, смерть, страдание, а также «общие пограничные ситуации» как основополагающие для понимания человеческого бытия: историчность действительного вообще и сомнительность всякого существования. Они отражают противоречивую природу человеческой экзистенции, где человек сталкивается с экстремальностью, незавершённостью и постоянной динамикой своего существования. Причиной возникновения пограничной ситуации могут быть различные обстоятельства: тяжелые болезни, потеря близких, война, и другие экстремальные события. Пограничные ситуации также тесно связаны с экстремальными обстоятельствами, так как они обнажают «хрупкость» и уязвимость человеческой жизни, и в то же время сами экстремальные обстоятельства часто приводят к созданию пограничных ситуаций.

Сомнительность всякого существования подразумевает осознание человеком некой «зыбкой почвы» под ногами. Реальность, воспринимаемая как стабильная, в действительности оказывается подверженной постоянному сомнению²⁰⁵. Ничто не гарантирует абсолютной значимости «моего» бытия. В условиях изменений – будь то ценности, идеи или жизненные обстоятельства – то, что сегодня считается истиной, завтра может быть поставлено под сомнение. Идеи Платона, казавшиеся непреложными, были оспорены Аристотелем, который, в свою очередь, стал объектом критики со стороны школ Средневековья и эпохи Просвещения. И в моменты кризиса – будь то личный семейный конфликт, потеря работы или столкновение с болезнью – человек осознает «хрупкость» своей экзистенции. Во время таких событий обычные артефакты жизни (карьера, отношения, общественное признание) теряют также свою ценность и подвергаются сомнению. Каждая попытка понять или объяснить существование наталкивается на антиномии,

²⁰⁵ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+, Реабилитация, 2012. С. 253.

которые либо остаются неразрешенными, либо погружают человека в бездну абсурда. В этом смысле становится очевидным, что «моя» экзистенция не может быть определена однозначно. Но в этой «сомнительности» проявляется экзистенциальная возможность. Когда мы обращаемся к себе с искренним вопросом о смысле, мы открываем новые горизонты существования, которые не затрагивают ничего внешнего. Это внутреннее переживание становится основой нашей сущности. Пусть наше существование и «утопает» в сомнениях, оно всегда содержит потенциальную возможность.

Другая общая пограничная ситуация – историчность действительного вообще. Невозможно воспринимать мир как нечто изолированное. Существование всегда пронизано историей²⁰⁶. Историчность представляет собой динамическое состояние, а не просто последовательность событий. Мы существуем в контексте времени, и наше понимание себя и других неотъемлемо связано со множеством исторических обстоятельств. Историчность ставит под вопрос любую попытку окончательной интерпретации действительности. Поиск абсолютного значения или истины приводит человека к стагнации – мы зависим от контекста, который постоянно меняется. Если «я» пытаюсь сформулировать универсальную истину, опираясь только на «свои» актуальные взгляды, «я» сталкиваюсь с проблемой. «Мой» взгляд ограничен лишь моим опытом и культурой. Он не может охватить всю сложность мира. То, что кажется истинным для «меня», может быть неверным для другого. И этот взгляд на мир может меняться со временем (открытие новых фактов или изменение своих убеждений).

Сомнительность и историчность тесно связаны между собой. Сомнительность углубляет понимание историчности, а историчность подчеркивает сложность сомнений. Осознание исторической неопределенности существования побуждает к непосредственному соприкосновению с внутренним «я». Это соприкосновение, свободное от

²⁰⁶ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. С. 256.

давления времени, порождает новые экзистенциальные возможности. Эмоциональная глубина, привязанность к историчности и способность видеть в этом движении свою собственную возможность формируют подлинную экзистенциальную жизнь²⁰⁷. Лишь в этом вечном движении, в стремлении к значимости и историчности, можно обнаружить свою подлинную экзистенцию.

Термин *Grenzsituationen* (пограничные ситуации) был введен К. Ясперсом в работе «Психология мировоззрения» (1919 г.). Фрагменты этой работы были переведены на русский язык К. С. Голиковым²⁰⁸. Ясперс называет мировоззрения и философские системы «раковинами», в которых человек закрывается от собственной рефлексии. Человеку нужна система ценностей и образ мира, которые объясняют его поведение и которые могут стать основанием для поиска истинного спасения. Эта система не дает ему быть полностью «хрупким»²⁰⁹. Пограничные ситуации разрушают «раковину» и заставляют человека выйти из «зоны комфорта». Ясперс ощущает пограничные ситуации как «стену», наталкиваясь на которую, человек терпит «крах»²¹⁰. В такие моменты человек осознает, что прежние взгляды, установки, ценности частично или полностью потеряли смысл, и ему необходимо создать новый смысл самостоятельно. Согласно О. А. Власовой, экзистенция, рассматриваемая в онтологическом плане, представляет собой то, что существует наряду с общим бытием мира и включает как возможное, так и необходимое. С точки зрения антропологии, экзистенция означает «мое» собственное существование. В гносеологическом контексте она является тем, что невозможно полностью познать объективно. Экзистенция недоступна для рационального осмысления, так как она представляет собой постоянно «развертывающееся»

²⁰⁷ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. С. 258.

²⁰⁸ Ясперс К., Голиков К. Психология мировоззрений // Философская антропология. 2021. Т. 7. № 1. С. 116–133.

²⁰⁹ Трубина Н. А. Онтологические основания «хрупкости» // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему. С. 367.

²¹⁰ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. С. 205.

существование и не может быть зафиксирована как конечный результат. Она «ускользает» от всякой попытки объективизации и открыта для сомнений²¹¹.

По мнению А. Ю. Байбородова, пограничные ситуации задают предельные смыслы, инициируют собой «прорыв» в сферу смысла, к возможности «подлинного»²¹². Понимание пограничных ситуаций может быть также истолковано как экстремальный опыт, связанный с экзистенциальными переживаниями, благодаря которым человек проникает за грань внешнего поверхностного слоя обыденности. По словам О. Ф. Больнова, одного из исследователей экзистенциальной философии, пограничные ситуации «убедительным образом делают очевидной глубокую тревожность и незащищенность человеческого бытия»²¹³. Грей Д. Г. расширяет понятие пограничных ситуаций, отмечая, что опыт этих переживаний «не может быть выражен строгими терминами, их присутствие скрыто для нашей привычной логики»²¹⁴. Ясперс отмечает, что человек на протяжении жизни сталкивается с двумя типами ситуаций. Первый тип относится к разряду контролируемых, это те ситуации, с которыми человек справляется. Например, человек может решить математическую задачу, выбрать профессию, построить дом, завести семью и т. д. Второй тип подразумевает невозможность что-либо предпринять, это ситуации, из которых мы не можем выйти, которые не можем изменить. Именно такие ситуации Ясперс называет «пограничными». Эти ситуации не поддаются нашему контролю, они неуправляемы и нарушают нашу внутреннюю гармонию и порядок.

Пограничные ситуации, определяющие экзистенциальные основания выбора поведенческих установок человека, выявляют важность воли как фактора изменений. Понять волю в контексте экзистенции – значит

²¹¹ Власова О. А. Философия экзистенции Карла Ясперса и ее антропологические практики // Исследователь/Researcher. 2018. № 1–2(21-22). С. 74.

²¹² Байбородов А. Ю. «Пограничные ситуации» и проблема коэкзистенциального общения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4–2 (66). С. 16.

²¹³ Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. С. 87.

²¹⁴ Грей Д. Г. Идея смерти в экзистенциализме // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2017. – № 4. С. 33.

углубиться в природу выбора и самоопределения, которые становятся особенно актуальными в моменты, когда привычные ориентиры теряют четкие очертания. Воля представляет собой внутреннюю энергию, движущую силой изменения, способную преодолевать внешние обстоятельства. Воля с точки зрения экзистенциальной философии – это осознание своих подлинных желаний²¹⁵. Она требует от человека активного участия, осознания своей ответственности за выбор и поведение. Экзистенция в этом смысле выступает как пространство, где воля может свободно проявляться. В рамках нашей диссертации мы будем использовать определение воли, близкое к концепции Канта, поскольку эта модель подчеркивает активное самосознание человека и его способность к моральному выбору, что является основополагающим для экзистенциального подхода. Воля, согласно Канту, это способность действовать согласно принципам разума, что подразумевает наличие морального закона, который существует независимо от личных желаний и предпочтений человека²¹⁶. Это ведет нас к важному понятию автономии: для Канта истинная воля свободна, когда она подчиняется не субъективным импульсам, а универсальным моральным законам. Моральный закон – это «закон для себя», некий компас, и в экстремальных ситуациях человек как бы выходит за рамки предписанных норм и начинает осознавать свою свободу как внутреннюю основу для выбора. Человек должен стремиться действовать так, чтобы его поступки могли стать законом для всех. Наглядным примером такой ситуации может служить моральный выбор, который делает человек в экстремальных условиях концлагеря, когда требования выживания могут вступать в противоречие с его этическими убеждениями. Кантовская воля в этом случае будет проявляться в том, что, даже сталкиваясь с искушением действовать исходя из корыстных или инстинктивных побуждений, человек должен стараться сохранить свою человечность, руководствуясь моральным законом, предписанным разумом.

²¹⁵ Ясперс К. Разум и экзистенция М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 122.

²¹⁶ Кант И. Критика практического разума. М.: Эксмо, 2015. С. 45.

Понятия воли и свободного выбора также тесно связаны с понятиями добра и зла. Добрая воля, согласно Канту, – это воля, которая стремится к нравственным поступкам, согласующимся с универсальными моральными законами. Она характеризуется самопожертвованием и стремлением к благу для себя и других²¹⁷. «Недобрая» воля, напротив, представляет собой выбор, основанный на эгоизме, страсти и недостатке нравственной ответственности. Она действует по принципу «Я хочу», игнорируя последствия и универсальные моральные нормы. Человек редко оказывается в ситуации выбора между абсолютно доброй и абсолютно злой волей. Большинство решений, которые он принимает, находятся где-то посередине. Например, человек решает помочь другу, но при этом само решение может быть вызвано желанием самоутвердиться в глазах других. На наш взгляд, в «неподлинной» пограничной ситуации моральные категории добра и зла также перестают быть четкими и однозначными. Фокус смещается с абстрактных понятий на практическую необходимость, которая зачастую обнажает искусственность моральных абсолютов, которые сначала кажутся универсальными. И то, что в мирное время могло бы считаться злым – насилие или предательство – может выглядеть как необходимость в условиях выживания. Человек в таком случае может действовать согласно определенному «программированию» – реагировать на ситуации автоматически, без глубокого осознания выбранного пути. Напротив, «подлинная» пограничная ситуация заставляет человека столкнуться с истинным выбором, где никакая схема не даёт готовых ответов. Основное различие заключается в том, что только в «подлинной» пограничной ситуации фокус никогда не сместится на практическую необходимость, поскольку именно в ней мы теряем привычные ориентиры и сталкиваемся с возможностью создания нового смысла.

Существует связь между осознанием своей свободы и личным выбором в пограничной ситуации. Именно от «меня», единственного субъекта,

²¹⁷ Кант И. Основы метафизики нравственности [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/kant_i/osnovi_metafiziki_nravstvennosti.html#20480 (дата обращения: 20.06.2024).

стоящего перед вызовом, зависит, какой путь я выберу. В момент принятия решения мы не можем ссылаться на внешние обстоятельства, потому что наш внутренний мир, наша индивидуальность и глубинные желания становятся главными ориентирующими точками. И мы хотим здесь подчеркнуть, что подлинная свобода, особенно в пограничных ситуациях, должна быть безусловной. Что это значит? Это свобода, «свободная» от страха, от ожиданий, от зависимости, от внешних предписаний – словом, свобода, которая принадлежит лишь самому субъекту, находящемуся перед выбором. Свободная воля, в свою очередь, становится тем инструментом, который позволяет человеку осуществить эту безусловную свободу. Это акт самосознания. Человек, обладающий свободной волей, способен неуклонно осознавать, что его действия и решения – результат взаимодействия с собственными целями, желаниями и моральными принципами. В пограничной ситуации свободная воля обретает свое истинное значение.

Пограничная ситуация, таким образом, является уникальным моментом, когда человек оказывается лицом к лицу с неопределённостью и риском. Привычное становится невозможным, и устанавливаются новые, часто более жесткие требования к внутреннему выбору. Настроение в таких ситуациях «заряжено» острым ощущением границы, когда время, пространство и возможности становятся ограниченными, и любой выбор воспринимается как угроза или как возможность радикальных перемен. Здесь важно отметить ещё два аспекта, которые отличают пограничные ситуации от других. Первый аспект мы назовем так: «феноменологическое восприятие». Феноменологически человек в пограничной ситуации ощущает не просто обычное течение времени, а его сжатую «упругость», наполненную смыслом и чувством надвигающейся ответственности. Мир вокруг человека как бы становится более ярким и резким – контуры событий «острее» выделяются, требования к действию становятся предельно суровыми. Пространство выбора сужается, и каждая трещина, каждая мелочь начинает играть важную роль в процессе принятия решения. Наряду с этим аспектом,

на передний план также выступают антиномии, или противоположности²¹⁸. Правильный и неправильный выбор, внутреннее и внешнее, долг и желание, свобода и несвобода, риск и безопасность – все это неразрывно связывается между собой, создавая «климат» внутренней борьбы. Антиномии можно назвать «двойственностью выбора». Каждая альтернатива представляется не как отдельная возможность, а как противоречивый набор ценностей и последствий, которые невозможно отделить друг от друга. Антиномии создают поле выбора, в котором нет идеальных решений, и каждое из них обладает своим набором последствий, часто далеким от идеала. Классическим примером, иллюстрирующим описанные выше аспекты, является рассказ Ж.-П. Сартра о студенте, оказавшемся перед моральной дилеммой во время Второй мировой войны. Молодой человек сталкивается с трудным выбором: остаться ухаживать за своей больной матерью или пойти на фронт, чтобы сражаться за свою страну²¹⁹.

Пограничные ситуации невозможны без «скачка»²²⁰. Скачок – это не просто переход от одного состояния к другому, но глубокая трансформация, которая затрагивает само ядро нашего бытия. Без скачка, по Ясперсу, пограничная ситуация остаётся лишь абстрактным понятием. Как же происходит этот скачок? Первым этапом является осознание. Человек сталкивается с ситуацией, которая выходит за рамки его привычного восприятия: кризис, утрата или любое другое событие, которое ставит под сомнение его существование. На этом этапе происходит внутренний конфликт: страх и тревога сталкиваются с желанием понять и принять реальность²²¹. Второй этап – это самотрансценденция. Человек, осознав свои ограничения, начинает задаваться вопросами о смысле и цели своего существования²²². Он как бы отстраняется от своей привычной жизни, чтобы

²¹⁸ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. С. 253–254.

²¹⁹ Сартр Ж. П. Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 328-329.

²²⁰ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. С. 206.

²²¹ Там же. С. 207.

²²² Там же. С. 207–208.

взглянуть на себя со стороны. В этом состоянии он может ощущать себя как будто вне своего существования, словно наблюдатель, который стремится понять, что же происходит. Он осознает, что его бытие не ограничивается простым существованием, а включает в себя возможность выбора и преобразования своего опыта. Третий этап – это непосредственное вовлечение в действие. Человек, осознав свою экзистенцию и столкнувшись с пограничной ситуацией, начинает действовать. Он уже не просто наблюдает за происходящим, но и вовлекается в процесс²²³. Например, человек решает изменить свою жизнь, принять трудные решения или начать новый путь. Скачок здесь становится актом выбора, который определяет дальнейшее развитие его экзистенции. Человек в этом состоянии ощущает себя как «я сам». Этот процесс часто сопровождается противоречивыми эмоциями: страхом перед неизвестным, но также и чувством освобождения от привычных оков. Человек осознает, что, преодолевая границы своего существования, он становится более целостным, обретая новое понимание жизни и себя.

Ключевой аспект пограничной ситуации можно охарактеризовать через концепцию «жизнь – смерть». Она формирует уникальную рамку для восприятия окружающей действительности, эмоционального состояния и действий человека в условиях экстремального стресса. В такие моменты человек сталкивается с явной угрозой для жизни и обретает «особый» опыт, который может привести к спасению или, наоборот, к смерти. Феномен смерти находится внутри жизни. Экзистенциальный взгляд на смерть предполагает, что смерть является неотъемлемой частью жизни и придает ей смысл. Согласно этому подходу, человек должен принять свою конечность и осознать, что смерть неизбежна. Экзистенциалисты считают, что жизнь становится значимой благодаря ее конечности. Н. С. Савкин акцентирует внимание на идее будущего, которая возникает из осознания смерти и её созидательной силы. Смерть способствует осознанию человеком истинной

²²³ Там же. С. 2.

сущности своего существования, заключающейся в возможности будущего²²⁴.

Смерть – это особая тема, она пронизывает жизнь человека, напоминает о себе на каждом шагу и, как свидетельствует философский взгляд Ясперса, является одной из наиболее значимых пограничных ситуаций. Ясперс выделяет три аспекта смерти: смерть как факт, смерть как процесс и смерть как предел. И каждый из этих аспектов по-своему воздействует на экзистенцию человека и его восприятие мира.

Смерть как факт – это абстрактная реальность, которая не зависит от желания человека или его умозаключений. Это тот необратимый момент, когда жизнь прекращается, и с этим фактом не поспорить. Людвиг Витгенштейн писал: «Смерть - не событие жизни. Смерть не переживается»²²⁵. Смерть – это граница мира, за которой заканчивается всё известное. Она отделяет жизнь от того, что нельзя познать. За этой границей нет эмоций, мыслей или ощущений. Смерть ставит точку в истории каждого человека. Пока человек не задумывается о смерти, пока эта мысль не становится частью его внутреннего мира, она не представляет собой пограничной ситуации. Это как холодная, безликая статистика, о которой человек знает, но которая не затрагивает его сердца²²⁶. Смерть как процесс – вот здесь начинается настоящее столкновение. Человек начинает чувствовать, видеть и понимать, что его или чужое существование близится к «логическому» завершению. Это момент, когда человек испытывает целую гамму эмоций: грусть, ярость, вину, страх или даже благодарность²²⁷. Человек может переосмыслить значимость всего, что его окружает. Здесь, в преддверии прощания, человек рискует узнать о себе больше, чем когда-либо. Так смерть как процесс становится глубоким размышлением о приоритетах собственной жизни. Смерть как предел поднимает человека над

²²⁴ Савкин Н. С. Социальное бытие человека и феноменология смерти // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23, № 2(62). С. 190.

²²⁵ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. С. 214.

²²⁶ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. С. 223.

²²⁷ Там же. С. 225.

суемой повседневности и ставит вопрос о том, что может быть за пределами этого земного существования²²⁸. Это верование в безмерное, в вечность и в то, что экзистенция – это не только физическое бытие. Тут возникает возможность надежды: существует ли нечто большее, чем просто окончание жизни? Убеждения и вера в возможность духовного продолжения позволяют человеку переосмыслить смерть как нечто большее, чем предел. Позиция по отношению к смерти зависит от того, как сам человек воспринимает своё существование и как он осознаёт свою принадлежность к этому миру.

Ж. Деррида в работе «Призраки Маркса» задает интересный вопрос: «Можно ли научиться жить?» И его ответ удивляет своей простотой: «Только через обучение у других и посредством опыта смерти»²²⁹. Д. Бонхёффер, приговоренный к смерти, в книге «Соппротивление и покорность» пишет о том, как мы можем научиться воспринимать смерть без тревоги. «Мы больше не испытываем ненависти к смерти», – пишет он²³⁰. Бонхёффер описывает процесс внутреннего примирения со смертью, видит в смерти нечто благостное: «...мы ощущаем, что уже принадлежим ей и что каждый новый день – это чудо»²³¹. В этом процессе умирания важен каждый новый день, который переживает человек, он становится настоящим чудом, напоминанием о том, что жизнь, хоть и конечна, полна красоты и значимости, а сам момент смерти никогда не может быть предсказан заранее. В экстремальных обстоятельствах человек может изменить свое восприятие смерти. Она становится менее пугающей. Находясь на грани, на краю, у «пропасти», человек может испытать облегчение, как бы «отпустив» свою тревогу. Смерть перестает быть врагом. Она дает силы. И именно в этом принятии человек находит мир.

Следующей пограничной ситуацией является страдание. Как утверждает Карл Ясперс, в страдании человек сталкивается с наиболее

²²⁸ Там же. С. 227.

²²⁹ Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М.: Logos-altera, «Ессе homo», 2006. С. 8.

²³⁰ Бонхёффер Д. Соппротивление и покорность. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. С. 46.

²³¹ Там же. С. 46.

«острыми» формами ограничения своего существования: от физических недугов до психических заболеваний, от старения до социального угнетения²³². Ясперс выделяет несколько видов страдания, которые относятся как к индивидуальному уровню, так и к широким социальным условиям. Страдание может быть как фактическим – физическая боль, болезнь – так и экзистенциальным, отражающим глубокие внутренние конфликты. В одних случаях страдание ведет к самопознанию, в других – к уклонению²³³. Ключевой идеей Ясперса является то, что страдание нельзя рассматривать как изолированное явление, а необходимо воспринимать его в контексте всего существования²³⁴. Если человек начинает воспринимать страдание как нечто внешнее, пытаясь подавить свою боль, то он отказывается от возможности обогатить свою экзистенцию. Это просто попытка избежать того, с чем ему предстоит так или иначе столкнуться. Следует принять страдание как неизбежную составную часть себя, что и создает возможность для роста и трансформации. Именно в страдании человек может выявить внутреннюю правду о себе, которая до этого оставалась скрытой.

Истинное осознание страдания, как утверждает Ясперс, открывает путь к пробуждению экзистенции²³⁵. Истинная экзистенция в экстремальных обстоятельствах нередко пробуждается именно тогда, когда человек принимает страдание и начинает соединять его со своим опытом. Человек осмысливает свой опыт и проходит через него, не пытаясь избежать боли. Страдание становится явлением бытия лишь тогда, когда экзистенция осознает свои пределы. Ясперс также подметил, что осмысленное восприятие страдания может привести к формированию подлинной индивидуальности²³⁶. Через страдание человек становится более «собой», принимая личные испытания и сталкиваясь с ними лицом к лицу. Человек не только «выносит»

²³² Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. С. 233.

²³³ Там же. С. 234.

²³⁴ Там же. С. 233–234.

²³⁵ Там же. С. 234–235.

²³⁶ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. С. 235.

свои страдания, но и учиться видеть страдания других, понимая, что они могут отражать и его собственные переживания. Все мы связаны и переживаем схожие чувства. В экстремальных обстоятельствах человек часто сталкивается с необходимостью жертвы, которая может проявляться в разных формах – от помощи другим до отказа от собственных интересов. Способность на жертву зависит от глубины чувства сострадания. Человек, который способен на сострадание, открывает в себе силы, о которых даже не подозревал. Это и есть истинное проявление человеческой природы.

Пограничные ситуации становятся частью существования человека в той мере, в какой он сам их создает. В отличие от смерти и страдания, которые приходят к людям независимо от их желания, борьба требует активного участия и неизбежно формируется через человеческую волю²³⁷. Здесь мы сталкиваемся с противоречием: убежать от борьбы невозможно, поскольку она становится неотъемлемой частью бытия человека, потому что уже тем, что мы существуем, мы вводим себя в эту ситуацию. Борьба как экзистенциальная категория может быть рассмотрена с разных сторон – от борьбы за существование до духовной борьбы, и каждое из этих измерений подчиняется своей логике. К основным формам борьбы относятся: борьба за существование, сознательная борьба, духовная борьба, любовная борьба. Все эти типы борьбы взаимосвязаны и отражают разные аспекты человеческого опыта. В экстремальных обстоятельствах борьба часто превращается в бунт (выражение протестного отношения к тому, что угнетает или ограничивает личную свободу). Бунт становится способом самовыражения, когда человек не может больше терпеть ситуацию, в которой он оказался. Бунт может быть направлен против чего угодно: агрессии, болезни, депрессии, обстоятельств. Мы можем выделить разные формы борьбы. Борьба за существование – это бессознательная форма борьбы, направленная на выживание. Она может быть пассивной (просто существовать) или активной (стремление к росту и

²³⁷ Там же. С. 236.

развитию)²³⁸. Сознательная борьба возникает у людей, когда они понимают, что у них есть «противник»²³⁹. Цель этой борьбы – расширение жизненного пространства, и она может использовать как мирные, так и насильственные методы. Духовная борьба, в отличие от предыдущих форм, более «возвышена». Она не связана с материальными ресурсами, а направлена на поиск смысла и раскрытие истинного «я»²⁴⁰. Если материальные аспекты доминируют, смысл борьбы теряется. Любовная борьба – это стремление открыть свои глубинные чувства другому человеку, свой «экзистенциальный исток»²⁴¹. Она осуществляется без насилия и предполагает взаимное понимание и развитие.

Вина может быть определена как пограничная ситуация, в которой человек оказывается перед лицом последствий своего выбора²⁴². Такая пограничная ситуация отражает столкновение между личной волей и социальной ответственностью. Ясперс утверждает, что жить без ощущения вины невозможно. Каждое человеческое действие становится источником последствий, многие из которых невозможно предвидеть. Тем не менее, именно на «мне» лежит бремя этих последствий. Каждый поступок создает цепочку последствий, о которых человек, возможно, и не задумывался, и даже не догадывался, но которые не могут быть игнорированы. Проблема вины коренится в самой сути человеческого существования. Своим присутствием в этом мире «я» допускаю страдание других, даже если это происходит невольно. Проблема не просто в том, что «я живу», а в том, что, живя, «я» косвенно участвую в страданиях окружающих. На каком-то глубинном уровне, в зависимости от контекста, человек может ощутить, что его жизнь ведется за счет других. Подобное осознание формирует в человеке постоянное чувство вины, которое не исчезает ни в моменты радости, ни в моменты страдания.

²³⁸ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. С. 236–237.

²³⁹ Там же. С. 237.

²⁴⁰ Там же. С. 237–238.

²⁴¹ Там же. С. 238.

²⁴² Там же. С. 250.

Ясперс также обращает внимание на комплексность мотивов. Когда мы принимаем решения, они могут вызываться множеством факторов: желаниями, давлением со стороны общества, традициями. Ясперс говорит о том, что ясность в принятии решений появляется лишь в редкие моменты. В большинстве случаев человек живет в неясности, в неопределенности, запутываясь в сложных взаимодействиях с окружающим миром. В этом состоянии человек стремится к «чистоте» своей души, к невинности, которая, к сожалению, является недостижимым идеалом. Возникает парадокс: избегая жизни, человек не избегает вины. Допустим, человек решил не делать ничего, чтобы его душа оставалась «чистой». Но ничего не делая, человек тоже подписывает себе приговор – к бездействию²⁴³. Каждый выбор, каждое действие или бездействие – это вызов. Когда же наступает момент взглянуть в глаза своей вине, остается лишь принять ответственность. Каждый раз, выбирая не действовать, человек также берет на себя ответственность за те действия, которые так и не были реализованы. Вина может значительно влиять на выбор стратегии поведения человека в экстремальных обстоятельствах: от опасений, что совершенный выбор лишь приведет к еще большим страданиям, до желания рисковать, чтобы наконец-то освободиться от бремени неопределенности.

В последние десятилетия наблюдается значительное изменение в природе пограничных ситуаций, которые становятся все более внутренними и менее заметными. Они перестают быть «видимыми». Если раньше пограничные ситуации, о которых говорил Карл Ясперс, были связаны с явными внешними факторами (смерть, война, борьба), то современная философия, в частности работы Бен-Чхоля Хана, указывают на новые формы, в которых проявляется кризис идентичности и выбора – самоэксплуатация, выгорание, депрессия. Линия границы, по Хану, больше происходит не

²⁴³ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+, Реабилитация, 2012. С. 251.

снаружи, а внутри Я, внутри каждого человека²⁴⁴. Если Ясперс считал, что пограничные ситуации могут быть поводом для философского поиска истины, которая превосходит эмпирический и рациональный уровень, то работы Хана, на наш взгляд, показывают, что современные пограничные ситуации не способствуют философским размышлениям, а скорее приводят к пассивности, апатии и невозможности выразить свои чувства и мысли. Хан называет это состояние «негативным опытом», который не дает человеку возможности преодолеть свою усталость²⁴⁵. Если Ясперс писал, что пограничные ситуации ведут к пробуждению, то Хан предлагает иную точку зрения. Он утверждает, что естественной реакцией на такие ситуации является депрессия. Человек чувствует себя беспомощным, словно не имеет выбора.

Основной причиной возникновения этих новых пограничных ситуаций является трансформация субъекта в условиях позднего модерна²⁴⁶. В отличие от предыдущих эпох, когда человек был в значительной степени подвержен внешнему контролю, производительный субъект, согласно Хану, обрел иллюзию свободы, которая оказывается двусмысленной: она не освобождает от давления, а, напротив, порождает внутреннее насилие. Когда внешние репрессивные структуры ослабевают, контроль и давление перемещаются в психику человека, что приводит к самоэксплуатации, которая и становится основным механизмом, через который производительный субъект пытается реализовать свою свободу. Человек начинает воспринимать себя как ресурс, который необходимо безжалостно оптимизировать. Это ведет к выгоранию – состоянию, когда человек теряет мотивацию и эмоциональную вовлеченность в свою деятельность, что, в свою очередь, может перерасти в депрессию, которая из просто психического расстройства трансформируется в экзистенциальное состояние, порожденное внутренним насилием.

²⁴⁴ Хан Б.-Ч. Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна. М.: Издательство АСТ, 2024. С. 25.

²⁴⁵ Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: АСТ, 2023. С. 127–129.

²⁴⁶ Хан Б.-Ч. Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна. М.: Издательство АСТ, 2024. С. 18.

Взаимосвязь между самоэксплуатацией, выгоранием и депрессией становится очевидной: каждая из этих форм является следствием и причиной другой. Это замкнутое поле экзистенциального кризиса, где производительный субъект оказывается в ловушке, порожденной как бы собственными амбициями.

Изменился и сам характер «скачка», который теперь стал более сложным и многослойным. Если раньше скачок представлял собой переход от одного состояния к другому, от кризиса к самопознанию, то сейчас он включает в себя множественные слои неопределенности, где внешние обстоятельства переплетаются с внутренними конфликтами, создавая сложные экзистенциальные лабиринты. Современный человек как бы считает себя проектом, цель которого – постоянное самосовершенствование, достижение успеха и реализация амбиций, но этот проект часто оказывается не более чем иллюзией. Производительный субъект думает, что не подчиняется никому, но в то же время становится жертвой своего внутреннего контроля. Почему же тогда производительный субъект чувствует себя как нечто меньшее, а не наоборот? Ответ кроется в том, что, несмотря на кажущуюся свободу выбора, он не способен освободиться от постоянного давления. Пограничные ситуации становятся неотъемлемой частью этого процесса. Вместо внешних конфликтов, человек сталкивается с внутренними страхами, сомнениями, самообвинениями, с желанием «спрятаться». Постепенно пограничные ситуации из оформленных и разрешимых превращаются, по нашему мнению, в пограничные состояния – затянувшиеся, хронические переживания, которые становятся частью личностной идентичности человека. Когда человек оказывается в пограничном состоянии, он уже не может их преодолеть посредством своего выбора и совершить скачок. Он начинает жить в этом состоянии неопределенности. Он оказывается в постоянном состоянии борьбы с самим собой, где саморазрушение становится привычным способом существования. Аутоагрессия, выгорание, депрессия – все это следствия внутреннего

насилия, которому нет конца. Помимо этого, современный человек стал зависимым от внешних факторов - социальные ожидания, актуальные новости и стандарты успеха, которые усиливают эти пограничные состояния. Поток событий настолько стремительный, что появляется ощущение потери контроля над своей жизнью. Вместо того, чтобы активно создавать свою экзистенцию, человек зачастую оказывается во власти текущих новостей и переменчивых обстоятельств, которые определяют его настроение, действия и даже самооценку. В этом контексте мы можем также говорить о «пограничной зависимости» и «экзистенциальной перегрузке» – новых понятиях, которые объединяют современные пограничные ситуации, трансформировавшиеся в пограничные состояния. С одной стороны, свобода выбора стала почти иллюзией: современный человек зависит от обстоятельств и теряет автономию. Экзистенциальная перегрузка не всегда связана с явными угрозами – это также постоянная адаптация к информационному шуму и социальным ожиданиям. Внутреннее насилие, о котором говорит Хан, становится следствием этой двойной зависимости.

То, что принято называть виртуальной реальностью, лишь усиливает это состояние. Она создает новый слой в нашем восприятии, где границы между действительностью и иллюзией размываются. Виртуальные пространства могут оказать как положительное, так и отрицательное влияние на экзистенциальные переживания. С одной стороны, они открывают новые горизонты самовыражения и взаимодействия с другими. С другой стороны, они создают иллюзии счастья и успеха, которые могут оказаться недостижимыми в реальном мире, тем самым усугубляя чувство вины. В отличие от традиционной концепции вины, связанной с внешними действиями и последствиями, современная вина возникает из внутреннего самоощущения. Человек начинает чувствовать вину за свои желания, недостатки и неудачи. Современная вина, возникающая из внутреннего самовосприятия, тесно связана с идеей прозрачности, или транспарентности. Прозрачность и виртуальность также взаимосвязаны. Мы живем в мире, где

каждое наше действие может быть запечатлено, проанализировано и оценено. Прозрачность или транспарентность, согласно Хану, как бы ассоциируются с открытостью, доступностью информации и свободой общения, но на самом деле это ведет к разрушению границ между личным и публичным, между внутренним миром и внешним восприятием, между священным и земным²⁴⁷. Прозрачное общество, в котором все должно быть доступно для обозрения, по мысли Хана, уничтожает любое пространство для тайны или интроверсии²⁴⁸. Абсолютная прозрачность – это свойство автоматизированных систем, где каждое действие и каждое решение можно отследить и проанализировать²⁴⁹. Человек, напротив, – это сложный и многогранный организм, чья природа не может быть сведена к простым алгоритмам. Принуждение к тотальной прозрачности нивелирует индивидуальность и превращает человека в функциональный элемент системы. Как утверждает Хан, полное и чрезмерное освещение личности – это форма насилия. Здесь он ссылается на слова Петера Хандке: «Я живу тем, что другие обо мне не знают»²⁵⁰. Тайна – это не только способ защиты личного пространства, но и основа для формирования индивидуальности. Насилие прозрачности проявляется в стремлении привести все к единому стандарту, в нивелировании различий и устранении инаковости. Мысли о том, что нужно быть «всегда на виду», что необходимо соответствовать стандартам прозрачности, также создают давление на человека. В обстоятельствах, где все демонстрируется, а каждый аспект жизни становится предметом анализа, подлинный внутренний мир остается не замечаемым, и это отсутствие глубины может вызвать ощущение пустоты. Не менее важным является и то, что прозрачность ведет к утрате порогов или стен, которые защищают внутреннее «я» человека. Пороговые состояния –

²⁴⁷ Хан Б.-Ч. Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна. М.: Издательство АСТ, 2024. С. 131.

²⁴⁸ Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе: Коллективная монография. ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет». М.: Общество с ограниченной ответственностью "Книгодел", 2021. С. 8.

²⁴⁹ Хан Б.-Ч. Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна. М.: Издательство АСТ, 2024. С. 132.

²⁵⁰ Там же. С. 133.

это «священные» места, где мы можем быть уединенными, размышлять и восстанавливать силы. В прозрачном обществе эти пороги стираются, и личное пространство становится общим²⁵¹. Процесс «выставления напоказ» своей жизни также приводит к потере «ауры личности», к утрате внутреннего покоя²⁵².

Согласно Ясперсу, пограничные ситуации требуют антиномий – противоположностей, которые помогают осознать и пережить кризис. В современном мире эти антиномии также стираются. Вместо явных противоречий, человек сталкивается с размытыми границами и неопределенностью. Нет четкого «черного» и «белого», лишь множество оттенков серого, которые создают ощущение стертости и подвешенности. Общество усталости, по Хану, это также результат этой неопределенности, результат, по нашему мнению, непрекращающихся пограничных состояний²⁵³. В таком обществе человек не может отдохнуть и насладиться жизнью в полной мере, потому что он всегда должен быть «включенным» и что-то делать. Но это «должен» исходит от него самого, потому что, если он ничем не занят, то обычно возникает тревога или беспокойство. Занятость становится своего рода защитным механизмом. Она позволяет избежать столкновения с собственными страхами и неуверенностью. Современный человек не только чувствует себя перегруженным, но и теряет способность к подлинному самовыражению. Он оказывается запертым в своем внутреннем мире, неспособным к подлинному раскрытию. Одной из причин, почему всё больше людей замыкаются в себе, является страх перед внешним миром, который ощущается как всё более агрессивный и непредсказуемый. Современный человек начинает искать альтернативные формы досуга, которые могли бы противостоять давлению повседневности. Экзотические виды досуга - новый тренд, привлекающий

²⁵¹ Хан Б.-Ч. Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна. М.: Издательство АСТ, 2024. С. 131.

²⁵² Там же. С. 136.

²⁵³ Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: АСТ, 2023. С. 127.

внимание молодых людей, стремящихся вырваться из привычных рамок существования. Например, все более популярными становятся квесты, диггеры, йога на крыше небоскреба, ночные походы по заброшенным зданиям, участие в уличных перформансах и фестивалях. Нормальная жизнь, наполненная стандартными ожиданиями и обязанностями, стала ненормальной, вызывая чувства ужаса и головокружения. Как утверждает Хан, депрессия в современном мире связана с переизбытком²⁵⁴. Война, которую ведет человек, становится самореферентной. Человек борется не с внешними врагами, а с собственными сомнениями и страхами, с самим собой. Такая война приводит к саморазрушению. Хан пишет: «Разрушается тот, кто разрушает»²⁵⁵.

Даже выбор между карьерой и личной жизнью, между общественным давлением и личными убеждениями, между желанием быть социально активным и потребностью в уединении приобрел характер пограничных ситуаций, которые возникают теперь и в повседневной жизни. В контексте этих новых пограничных ситуаций возникает интересное явление: то, что ранее считалось экстремальным, теперь может восприниматься как норма, и наоборот. Экстремальные формы поведения в социальных сетях (кибербуллинг, преследование и распространение дезинформации), становятся все более распространёнными. Экстремальное перестаёт быть чем-то исключительным и превращается в один из аспектов нормальности. Современный мир стал свидетелем эволюции пограничных ситуаций, которые теперь несут в себе не только негативность, но и позитивность. Эта трансформация обусловлена переизбытком информации, технологий и возможностей, которые, с одной стороны, расширяют горизонты человеческих возможностей, а с другой – ставят перед нами новые вызовы и создают проблемы.

²⁵⁴ Хан Б.-Ч. Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна. М.: Издательство АСТ, 2024. С. 55.

²⁵⁵ Там же. С. 125.

Помимо названных пограничных ситуаций, мы сталкиваемся с еще одной потенциальной угрозой – ядерной войной. Эта пограничная ситуация не просто внешняя, она также проникает в самую суть нашего существования, подрывая нашу уверенность в завтрашнем дне. Ядерное оружие олицетворяет достижения науки, ставящие под угрозу все, что мы знаем и любим. Вместе с этим меняется характер пограничной ситуации, связанной с ядерным оружием. Ранее угрозы войны и насилия воспринимались как явные, физические и видимые. Сегодня же, когда технологии прогрессируют, а ядерные арсеналы становятся более сложными, страх обретает новые формы. Он становится менее осязаемым, но переходит в режим постоянного ожидания. Как отмечает Тоби Орд в работе «На краю пропасти. Экзистенциальный риск и будущее человечества» (2023), ядерная угроза представляет собой экзистенциальный риск, который требует от человечества осознания своей уязвимости²⁵⁶. Мы живём в эпоху, когда риск стать жертвой ядерной катастрофы стал также чем-то естественным. Каждый новый день приносит новости о политических конфликтах, гонках вооружений и угрозах. И каждый день мы можем наблюдать за новыми сводками новостей, где конфликты и напряжённость между странами обостряются, а разговоры о ядерном оружии становятся всё более привычными. Техничность и технологичность науки, которые обещали освободить нас от оков природы, обернулись созданием оружия, способного уничтожить человечество за считанные минуты. И именно это создаёт у людей ощущение, что все, что им дорого, может исчезнуть в одно мгновение. Ядерная угроза из внешнего риска переходит во внутреннее состояние. Суть изменения природы пограничных ситуаций заключается в том, что они больше не относятся к индивидуальному опыту, а становятся коллективным состоянием, переживаемым обществом в целом. Вместо того чтобы быть

²⁵⁶ Орд Т. На краю пропасти. Экзистенциальный риск и будущее человечества [Электронный ресурс]. URL: <https://yakniga.org/tobi-ord/ebooks/na-krayu-propasti-ekzistentsialnyy-risk-i-budushee-chelovechestva> (дата обращения: 20.06.2024).

неким вызовом для отдельного человека, они становятся общими условиями существования всех, от которых нельзя «уклониться».

Вывод

Пограничные ситуации представляют собой критические моменты, когда человек сталкивается с кризисом и необходимостью выбора, определяющего его дальнейшую судьбу – смерть, страдание, борьба, вина. Пограничные ситуации служат экзистенциальными основаниями выбора поведенческих установок, поскольку они обнажают истинную сущность человеческой жизни, заставляя человека осознать, что его экзистенция не может быть определена лишь внешними обстоятельствами или социальными нормами. В пограничной ситуации человек оказывается перед лицом абсолютной неопределённости. Пограничные ситуации связаны с осознанием свободы, когда человек оказывается перед антиномиями – противоречиями, которые обостряют внутренний конфликт между долгом и желанием, безопасностью и риском, и без разрешения которых преодолеть пограничную ситуацию невозможно, как и без скачка – глубокого внутреннего преобразования, когда для человека все становится ясным, и он принимает осмысленное решение. С течением времени характер пограничных ситуаций изменился. Если раньше они были вызваны внешними обстоятельствами (война, смерть, страдания), то теперь они все чаще проявляются как внутренние конфликты – самоэксплуатация, выгорание, депрессия. Эти новые формы пограничных ситуаций проникают в психику человека, превращаясь в хронические пограничные состояния, где индивидуальный выбор оказывается затруднён или даже невозможен. В результате человек живёт в состоянии неопределённости, испытывая постоянную борьбу с самим собой. Ядерная угроза, являющаяся конкретным примером современной пограничной ситуации, имеет глобальный характер и затрагивает каждого человека, превращая индивидуальные переживания в коллективные условия существования. Экстремальное, которое когда-то было чем-то единичным, теперь проникает в повседневность, меняя

восприятие действительности, а пограничные ситуации, ранее воспринимаемые как единичные и преодолимые, трансформировались в пограничные условия, ставшие частью «экстремальной нормальности».

ГЛАВА 2. Выбор поведенческих стратегий в экстремальных обстоятельствах.

2.1. Социальные и экзистенциальные факторы, влияющие на выбор субъектом поведенческих стратегий в экстремальных обстоятельствах

В экстремальных обстоятельствах человек оказывается перед сложным выбором, детерминируемым совокупностью различных факторов: личностными, антропологическими, культурными, нравственными установками и др. Для удобства анализа мы сформировали модель доминантных факторов, сгруппировав их по основаниям в социальные и экзистенциальные, которые взаимодействуют друг с другом в уникальном пространстве, названном нами «экстремальным полем». Эта концепция подразумевает динамичное соперничество и сотрудничество различных сил, формирующих поведение человека. Экзистенциальные факторы (личные убеждения, ценности, стремление к самосохранению) накладываются на социальные факторы (групповая динамика, лидерство, социальные связи), и создаётся сложная сеть взаимодействий, влияющая на принятие решений.

В экстремальных обстоятельствах социальные факторы могут усиливать или ослаблять экзистенциальные факторы. Человек оказывается не только под давлением самих обстоятельств, но и под влиянием окружающих его людей. Восприятие реальности и поведение могут существенно меняться в зависимости от того, как ведут себя другие. Когда мы находимся в группе, происходит «социальное взаимодействие», которое формирует общее понимание ситуации и настрой. Если в группе есть сильный лидер, который сохраняет спокойствие и оптимизм, это может помочь остальным тоже оставаться собранными. С другой стороны, если атмосфера становится панической, это может запугать и дезориентировать людей, заставляя их действовать нерационально, тогда человек может принимать рискованные решения, которые он, возможно, не стал бы принимать в более спокойной обстановке. Страх может заставить человека поступать против своих

убеждений. Экзистенциальные и социальные факторы формируют комплексную картину выбора поведения, и создают основу для формирования поведенческих траекторий, которые могут существенно различаться и меняться в зависимости от обстоятельств, в которых оказывается человек.

Проблема онтологических оснований экстремального бытия человека не может быть прояснена без анализа соотношения социального и экзистенциального в его существовании. Любая социальная система и каждый человек, независимо от этнической, конфессиональной и иной принадлежности, стремятся к порядку и безопасности. Это стремление является универсальным и обусловлено необходимостью обеспечения стабильности и предсказуемости в жизни, а также защиты от потенциальных угроз. Пока мы живы, мы каждую секунду подвержены реальным или потенциальным угрозам, опасностям, боли, страданиям. Если же вернуться к истокам бытия, то экстремальное – это хаос, который является противоположностью порядка. Человек, по мысли Жан-Поля Сартра, «осуждён быть свободным», это означает, что он несёт ответственность за свои решения и действия, даже в экстремальных обстоятельствах²⁵⁷. Свобода и ответственность делают человека способным выбирать, как реагировать или не реагировать на хаос и неопределённость, которые неизбежно возникают в жизни. Сами экстремальные обстоятельства не могут существовать без человека, потому что не могут быть осмыслены. Стихийные бедствия, природные катастрофы могут существовать сами по себе, но это просто естественные процессы, не имеющие значения без человеческого восприятия. Именно человек придаёт этим событиям смысл, определяя их как экстремальные.

Страх – это общая черта, которую разделяют все люди в экстремальных обстоятельствах. Он может парализовать нас, заставляя принимать решения, которые могут привести к катастрофическим

²⁵⁷ Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж. П. Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 327.

последствиям. Страх также может мотивировать нас к действию, заставляя искать способы преодолеть сомнения и найти выход из сложной ситуации. Человек вынужден принимать решения, которые могут повлиять не только на его жизнь, но и на жизни других людей. Выбор поведенческой стратегии в таких условиях становится особенно важным, поскольку от него зависит сохранение своей и чужой жизни. Но многое зависит и от микросоциума, в котором находится человек, от группы, где важны социальная связь и доверие. Люди, объединённые общими целями и ценностями, могут преодолеть сложные ситуации и выжить благодаря солидарности и взаимопомощи. Эмиль Дюркгейм заметил, что солидарность – это нечто такое, что связывает людей друг с другом, делает их членами одного и того же общества, связывает «индивидов с обществом»²⁵⁸.

Социальные факторы представляют собой явления, действующие в обществе и воздействующие на поведение и выбор людей. К основным социальным факторам относятся групповая динамика (как люди взаимодействуют друг с другом), социальные связи (отношения между людьми) и лидерство (влияние одного человека на других). Эти элементы могут побуждать индивидов к определённым действиям. Каждый член группы может привнести свои знания, навыки и ресурсы, что, в свою очередь, способствует более эффективному решению проблемы. Роль лидеров становится особенно важной: они способны структурировать процесс оказания взаимопомощи, а также распределять задачи, что ускоряет восстановительные мероприятия и обеспечивает поддержку каждому члену группы. Социальное взаимодействие и сотрудничество в условиях кризиса положительно влияют на общий исход, создавая атмосферу взаимопомощи и совместного стремления к достижению безопасного и успешного результата. В отличие от социальных факторов, экзистенциальные факторы касаются внутреннего мира отдельного человека и его восприятия себя в экстремальных обстоятельствах. Это, в первую очередь, базовые ценности

²⁵⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 114.

(что важно для человека), убеждения (внутренние представления о морали и справедливости), жизненные цели (стремления, придающие смысл), самоосознание (понимание своих мыслей, чувств, желаний, самого себя). Они формируют индивидуальное поведение и могут оказывать решающее влияние на действия человека. Как отмечает Мамардашвили, экзистенциальный опыт представляет собой «живое существование»²⁵⁹, набор переживаний, «собственно-личное» восприятие жизни²⁶⁰. Различие между экзистенциальными и социальными факторами заключается в том, что первые связаны с индивидуальными убеждениями и внутренними переживаниями человека (индивидуальная ответственность и стремление к смыслу), тогда как вторые касаются взаимодействия в группе и коллективных решений (групповая динамика и влияние лидера).

В экстремальных обстоятельствах преобладание экзистенциальных или социальных факторов зависит от контекста взаимодействия. В одних случаях общественная динамика влияет на поведение, в других – на первое место выходит индивидуальное экзистенциальное состояние. Например, в армии с её строгой иерархией социальные факторы имеют первостепенное значение: солдаты подчиняются приказам командиров, даже если не согласны с ними, так как нарушение дисциплины может грозить серьёзными последствиями. В противоположность этому, экзистенциальные факторы становятся доминирующими в ситуациях, когда человек сталкивается с угрозой и его поведение не регламентировано. Такие ситуации можно назвать «стихийными». Они возникают неожиданно и требуют немедленной реакции. Люди часто оказываются в состоянии шока и не знают, как действовать. Поэтому отдельный человек может руководствоваться личными убеждениями и ценностями, а может действовать инстинктивно, бессознательно реагируя на обстоятельства. В этих случаях общественные структуры могут ослабнуть, провоцируя конфликтные ситуации, тогда

²⁵⁹ Мамардашвили М. Картезианские размышления. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Культура», 1993. С. 174.

²⁶⁰ Там же. С. 97.

ответственность ложится на самих людей. Л. Козер, развивая идеи М. Вебера и Г. Зиммеля о конфликте, утверждает, что социальный конфликт выполняет важные функции в обществе: ни одна группа не может быть полностью гармоничной²⁶¹. Конфликты могут приводить к изменениям в социальных структурах и ценностях, способствуя социальной мобильности.

Социальные и экзистенциальные факторы проявляются в «экстремальном поле» – пространстве, где человек сталкивается с предельными условиями, которые формируют его решения и действия. В физике понятие «поле» обозначает физическую величину, распространяющуюся в пространстве и времени. В нашей диссертации мы вводим понятие «экстремальное поле» – область, где силы или явления достигают максимальных значений. Экстремальное поле служит обобщённым термином для обозначения различных экстремальных ситуаций (концентрационные лагеря, войны, стихийные бедствия, террористические акты, вирусные эпидемии и др). Концлагерь, по нашему мнению, является показательным примером экстремального поля, где экзистенциальные и социальные факторы воздействуют на выбор поведения человека в полной мере. Концепт экстремального поля отражает модель ситуации, основанием которой является угроза человеческому существованию. В таком случае экзистенциальные факторы – страх, выживание, идентичность – находятся в непосредственной связи с социальной динамикой: общественным поведением, взаимодействием, поддержкой или их отсутствием внутри группы. Экзистенциальные переживания, возникающие в экстремальных условиях, являются факторами изменений в восприятии себя и окружающего мира. Поведение человека под влиянием аберрации сознания, может быть фактором, формирующим единство или раскол среди людей. В этом также проявляется диалектика социального и экзистенциального.

Для понимания взаимосвязи социального окружения и экзистенциального опыта в экстремальных обстоятельствах важно выделить

²⁶¹ Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 51.

несколько ключевых аспектов, касающихся взаимодействия внутри групп и динамики их функционирования. Эта двухсторонняя взаимосвязь исследуется в работах многих социологов и психологов, и в этой связи особенно стоит упомянуть Уилфреда Троттера. В книге «Стадный инстинкт в мирное время и на войне» (1916) Троттер акцентирует внимание на том, как общественное мнение и групповые эмоции формируют поведение индивидов. Он считает, что в экстремальных обстоятельствах именно «голос стада» (коллективные эмоции и мнения) становится более значимым ориентиром для действий человека, чем другие внешние воздействия²⁶². Связь между личным экзистенциальным состоянием и общественными факторами становится особенно актуальной, когда человек сталкивается с необходимостью выбора между индивидуальными и коллективными действиями. Этот голос, создаваемый групповой динамикой, способен как усиливать чувство сплочённости и поддержки, так и вызывать дезориентацию и панику²⁶³. «Голос стада» может направлять мысли и действия человека и формировать его моральные установки. В экстремальных ситуациях, например, во время массовых паник, люди легко поддаются коллективным эмоциям и становятся частью толпы²⁶⁴. Чьим же «голосом» может «говорить стадо» в экстремальных ситуациях? Троттер определяет лидера как ключевую фигуру, способную направлять и манипулировать общественным настроением²⁶⁵. Его авторитет зачастую основан не на логике, а на способности вызывать эмоциональный отклик. Гюстав Лебон в работе «Психология народов и масс» (1895) пишет о том, что, когда люди собираются в больших группах, они становятся более восприимчивыми к «коллективным галлюцинациям». Лебон описывает, как возникает «коллективный разум», который стирает личные барьеры и побуждает людей действовать согласно общей воле: «Толпа совсем не отделяет субъективное от объективного; она считает реальными образы,

²⁶² Троттер У. Стадный инстинкт в мирное время и на войне. М.: Издательство АСТ, 2023. С. 32.

²⁶³ Там же. С. 136.

²⁶⁴ Там же. С. 136–137.

²⁶⁵ Там же. С. 137.

вызванные в ее уме и зачастую имеющие лишь очень отдалённую связь с наблюдаемым ею фактом»²⁶⁶. Способность толпы поддаваться эмоциональному воздействию объясняется несколькими факторами. Во-первых, в условиях групповой динамики у людей снижается чувство ответственности – так называемая «деиндивидуализация». Люди склонны считать, что их действия остаются безнаказанными среди анонимной массы, что может привести к более рискованному или агрессивному поведению. Во-вторых, общая эмоциональная атмосфера, создаваемая лидером, может вызывать эффект «заражения» – когда эмоции и настроения быстро передаются от одного участника толпы к другому. Троттер подчёркивает, что это может перерасти в сильные чувства, такие как страх или ненависть, и это нередко ведет к выбору стратегии поведения, основанной на актах насилия. Это особенно видно на примерах массовых протестов и беспорядков, когда коллективная злость накапливается и находит выход в агрессивных действиях, лидер может и не быть непосредственным инициатором насилия, но его влияние на толпу становится решающим.

Но как же лидер способен занять эту влиятельную позицию в момент кризиса? Троттер пишет о даре публичных выступлений как важном аспекте успешного лидерства, который становится инструментом управления и мощным средством для формирования коллективной идентичности в экстремальных ситуациях. Человек, способный эмоционально и убедительно общаться, автоматически получает статус успешного лидера, «вожака стаи». Его способность «всколыхнуть чувства» слушателей становится критически важной в минуты принятия решений. Для успешного лидера, согласно Троттеру, зачастую не требуется наличие каких-либо других способностей, кроме «умения говорить»²⁶⁷. Почему в экстремальных ситуациях люди склонны доверять лидерам и может быть выбирать стратегию подчинения? Под воздействием стресса и страха общество испытывает ещё более сильную потребность в управлении, чем в мирное время. В экстремальных условиях

²⁶⁶ Лебон Г. Психология народов и масс М.: Издательство АСТ, 2016. С. 174.

²⁶⁷ Троттер У. Стадный инстинкт в мирное время и на войне. М.: Издательство АСТ, 2023. С. 137.

люди склонны отдавать предпочтение тем, кто демонстрирует внешние признаки силы и авторитета, в том числе и через свою манеру общения. Троттер описывает общепринятые качества, которые необходимо иметь успешному лидеру в экстремальных ситуациях: непоколебимая стойкость, смелость, уверенность и энергия²⁶⁸.

По мнению Ирвинга Гофмана, успешность лидера обусловлена не только умением говорить, но также способностью создавать некое «социальное пространство», какое-то подобие театра, которое не может существовать без зрителей (толпы, аудитории, «команды»), они как бы перенимают на себя ту роль, которую им даёт лидер, тем самым участвуя в представлении, которое лидер организует и поддерживает. В условиях стресса и неопределённости лидер, по Гофману, как бы произнося вдохновляющие речи, на самом деле учитывает эмоции аудитории, формирует и поддерживает «мизансцену», в которой участвуют все. Каждая деталь, от жестов до интонации, становится частью представления, частью впечатления, которое помогает достичь цели²⁶⁹. Трибуна становится символическим пространством. Публика перед трибуной представляет собой «биосоциальное образование», где эмоциональная составляющая имеет первостепенное значение. Лидеры за «трибуной» приобретают большее влияние и способны изменять общественное мнение. Порой выступление как часть представления может стать основой для коллективного «взрыва» и изменения коллективного сознания. Типологизировать лидеров можно по степени их влияния на массы. Мы можем выделить харизматичных лидеров, обладающих сильной личной харизмой, способных вдохновлять массы. Ярким примером является Мартин Лютер Кинг, который изменил восприятие расовой проблемы своей речью «У меня есть мечта»; авторитарных лидеров, которые в экстремальных условиях вводят жёсткие меры для поддержания порядка; умеренных лидеров, стремящихся к диалогу и консенсусу.

²⁶⁸ Троттер У. Стадный инстинкт в мирное время и на войне. М.: Издательство АСТ, 2023. С. 139.

²⁶⁹ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. С. 120–121.

Например, Махатму Ганди, который продемонстрировал силу, выбрал и репрезентировал стратегию ненасильственного сопротивления.

В экстремальных обстоятельствах лидер формирует восприятие группы, создавая разделение на «Мы» и «Они». Эта динамика, предложенная социологом Зигмунтом Бауманом, укрепляет внутренний порядок и становится основой для понимания места каждого в сложной социальной структуре²⁷⁰. «Мы» – это символ группы, к которой человек принадлежит, это уютный «дом», где действуют правила и нормы, а идентичность каждого укрепляется за счет коллектива²⁷¹. «Мы» – это защита, позволяющая человеку ощущать себя уверенно. В состоянии тревоги люди обостряют свою связь с группой, и эта связь является механизмом выживания. Противоположности «Мы» и «Они» служат фоном для социальной идентификации. «Они» – это те, к кому мы не принадлежим²⁷². «Мы» предоставляет чувство безопасности, уверенности и сплочённости, тогда как «Они» олицетворяют собой «угрозу», врага. «Враг» становится элементом, позволяющим утвердить идентичность и сплочённость группы²⁷³. Этот враг выделяет границы между группами и упрощает социальные взаимодействия. Сплочённость основывается на сублимировании страха и выделении общего «врага», который может представлять абсолютно зло. Единение меняет динамику отношений даже между группами. Индивиды из разных социальных групп, не имеющие до этого ничего общего и не желавшие сотрудничать, начинают объединяться против общей угрозы. Такое сближение часто временно. Оно питается угрозой, которая активизирует действия. После окончания бедствия группа распадается, как и эмоциональные связи, сформировавшиеся во время кризиса. В онтологической природе человека всегда присутствует потребность в стабильности, и в ситуации бедствий или в экстремальных обстоятельствах

²⁷⁰ Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 43.

²⁷¹ Там же. С. 51.

²⁷² Там же. С. 47.

²⁷³ Там же. С. 53.

конструирование антагониста вносит условный и временный порядок в хаос взаимодействия.

Экстремальные условия как правило ставят людей перед выбором: действовать индивидуально или сообща, что выявляет двойственность самой человеческой природы – инстинкт самосохранения и потребность в принадлежности к группе. На наш взгляд, в экстремальных обстоятельствах проявляются два типа социального поведения: кооперация (сотрудничество) и конфронтация (соперничество). Кооперация предполагает объединение усилий для достижения общей цели, создание атмосферы доверия и эффективное распределение ресурсов. Конфронтация – конкуренция за ограниченные ресурсы, защита личных или групповых интересов, установление доминирования или контроля над ситуацией. Кооперация, согласно Дюркгейму, играет ключевую роль в обеспечении сплочённости общества. Ритуалы, создающие общие ценности, связывают людей и помогают справляться с трудностями²⁷⁴. Они укрепляют социальные связи, что способствует выживанию и процветанию группы. Согласно идеям Гоббса, высказанным еще в XVII в, конфронтация возникает из врождённой агрессии и страха за собственное существование. В условиях конкуренции за ограниченные ресурсы люди воспринимают друг друга как угрозу, и возникают конфликты. Гоббс описывает естественное состояние человека как «войну всех против всех», где каждый стремится защитить свои интересы любой ценой. Война – естественное состояние, а мир – искусственное²⁷⁵. Без внешней власти, обеспечивающей порядок, без «Левиафана», по Гоббсу, общество склонно к анархии и агрессии²⁷⁶. Кооперация проявляется в пределах группы «Мы», когда социальные связи сильны и основаны на взаимном доверии. Напротив, конфронтация преобладает в отношениях с «Они», когда ресурсы ограничены, а другие люди воспринимаются как нечто враждебное. Тогда любые действия

²⁷⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 132.

²⁷⁵ Гоббс Т. Левиафан. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 16.

²⁷⁶ Там же. С. 172–173.

человека становятся актами самозащиты. Социальные связи играют определяющую роль в формировании типов поведения. Сильные связи способствуют кооперации и создают сплочённое сообщество. При их ослаблении или утрате возникает стремление к индивидуализму и конфронтации. Люди, находясь в состоянии страха и изоляции, начинают искать временных союзников, создавая коалиции, которые могут быстро распадаться при изменении интересов. Экстремальная ситуация служит фактором обострения этой динамики, выявляя либо тенденцию к объединению усилий для совместного выживания, либо тенденцию к конфликтам за ресурсы.

В пределах этих социальных взаимодействий существование человека в экстремальных обстоятельствах подвержено также экзистенциальным переживаниям: смысл жизни, внутренний поиск, ценность человеческой жизни, ощущение свободы или несвободы, отчаяние, желания – все это обостряется, усиливается, доходит до некого предела. Социальные связи – не единственное, что влияет на поведение человека в экстремальных обстоятельствах. Экстремальное пространство страха и неопределённости воздействует на сознание, порождая экзистенциальную боль – ощущение утраты смысла. В экстремальных обстоятельствах, когда чувство «Мы», «тёплое» чувство «дома» и защиты, утрачивается, многие люди оказываются перед лицом экзистенциального кризиса. «Мы» трансформируется в «Я», замыкая индивида на внутреннем конфликте, на самом себе. Появляется ощущение незащитности перед лицом экстремальных обстоятельств. В экстремальных ситуациях мы наблюдаем две категории людей, которые условно обозначаются как «герои» (В. Франкл) и «доходяги» (П. Леви). Первые – это герои, люди, которым удается сохранять человеческое достоинство и сохранять смысл даже в самых тяжелых условиях. Они находят в себе ресурсы для борьбы. Вопреки невзгодам, они пытаются создать «дом» внутри собственного внутреннего мира, используя свои ценности и убеждения как опору. Вторые – доходяги, олицетворяют собой

тех, кто сдается. Этот термин указывает на полное духовное отчаяние. Они прекращают борьбу, теряют надежду и, в сущности, отказываются от самой идеи выживания. Процесс перерождения из человека, способного к свободе выбора, в «доходягу» часто обусловлен утратой смысла, невозможностью создать внутреннюю крепость, защищающую от страха и отчуждения. В экстремальных обстоятельствах, по нашему мнению, человек проявляет свою духовную природу. Чем богаче внутреннее содержание человека, тем больше его способность адекватно воспринимать экстремальную действительность. Это ярко иллюстрируют примеры жизней Примо Леви и Виктора Франкла, которые, несмотря на страдания, нашли смысл и сохранили человеческое достоинство в экстремальных обстоятельствах. Оба автора являются бывшими узниками концлагерей, но их взгляды на жизнь в лагере и на человеческую природу существенно различаются. Два подхода к изучению этой темы представлены в работах Примо Леви и Виктора Франкла. Примо Леви исследует, в основном, «темную» сторону жизни человека в концлагере. По мнению Леви, большинство выживших не были духовными существами, а скорее были готовыми на все ради выживания и обладали «душевной гибкостью». Виктор Франкл, наоборот, исследует светлую сторону человеческой жизни, изучает вопросы о том, как человек способен сохранять свою внутреннюю целостность и силу в условиях экстремального существования.

В книге Леви «Человек ли это?» (1947) рассматриваются болезненные аспекты человеческой природы. Одной из центральных тем является то, что происходит с духовной природой человека, когда он сдается²⁷⁷. Термин «доходяги», введенный Примо Леви, обозначает полное духовное истощение личности. Это люди, лишённые жизненной силы и света, которые из-за ужасов лагерной жизни становятся подобием «зомби» — безликими фигурами, лишёнными надежды и желания бороться за выживание²⁷⁸. Леви описывает, что с такими людьми нет смысла вести разговоры, поскольку их

²⁷⁷ Леви П. Человек ли это? М.: Текст, 2001. 205 с.

²⁷⁸ Леви П. Человек ли это? М.: Текст, 2001. С. 106.

сознание занято лишь воспоминаниями о прошлом, о домашней еде – о том, что уже недоступно. Их существование сводится к жалобам. Метафора «доходяги» иллюстрирует, как условия лагеря способны разрушить суть человека – его мечты, желания, способности к любви и дружбе, когда человек остается один на один со смертью, без группы и поддержки. В разных лагерях, как отмечает Джорджо Агамбен, цинично использовались разные термины для обозначения «живых мертвецов»²⁷⁹: Gamel (верблюд); Kretiner (тупицы), Krüppel (калека), Schwimmer (дрейфующие навстречу смерти), müde Scheichs (расслабленные) и т. д.

Эти термины отражают состояние заключенных, их социальное и политическое положение в лагерях. Они были исключены из нормальной социальной иерархии и превратились в «живых мертвецов», лишенных прав и человеческого достоинства. Леви описывает процесс деградации узников концентрационных лагерей, превращающихся в «доходяг». Достаточно следовать установленному порядку, не отходить от минимальных правил и всегда подстраиваться под условия лагеря²⁸⁰. Жизнь таких людей кратковременна, и их «истории» идентичны: опустошение, ведущее к физическому и духовному краху. Это особенно ярко проявляется у Леви в образе «молчащей толпы» – узников «без лиц», которые с трудом передвигаются под тяжестью своей угнетенной судьбы²⁸¹. В образе этих людей Леви рисует тревожную картину утраты человеческой сущности. Люди, лишенные внутреннего света, искаженные физически и морально, не способны осознать опасность, нависшую над ними. Они находятся вне пространства жизни и смерти. Их существование у Леви обретает мифологический характер, превращаясь в символ зла, причиненного человеку.

«Герои», согласно экзистенциальной философии Виктора Франкла и его концепции «воли к жизни», представляют собой людей, которые нашли

²⁷⁹ Агамбен Д. Номо сасег. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Издательство «Европа», 2012. С. 46.

²⁸⁰ Леви П. Человек ли это? М.: Текст, 2001. С. 107.

²⁸¹ Там же. С. 108.

глубинный смысл в своей жизни, даже тогда, когда окружающая реальность была безнадежной. Франкл утверждал, что смысл может быть найден даже в страданиях и утрате, и именно это открытие позволяет человеку сохранить свою человечность. Способность преодолевать страдания переводит человека в пространство, где позитивный полюс – это осуществление, а негативный – отчаяние²⁸². «Герои» понимают, что страдания могут быть временными, но смысл их жизни – вечным. Смысл жизни проявляется через верность своим ценностям, в жизни «ради чего-то»²⁸³. В отличие от доходяг, которые сдаются, «герои» находят что-то большее за пределами самих себя – они ищут цели в служении другим, в любви к родным или в продолжении борьбы за справедливость. Экзистенциальный выбор делает их свободными, даже когда все вокруг погружается в хаос. Они борются за свою жизнь не только физически, но и духовно, осознавая свою ответственность перед собой и окружающими. Согласно Франклу, человек обязан отвечать на вызовы мира, используя свой «орган смысла» – совесть²⁸⁴. Смысл жизни, по Франклу, не может быть отнят у человека, в каких бы обстоятельствах он ни находился. В книге «Жажда смысла: Человек в экстремальных ситуациях» (2012) Урсула Виртц и Йорг Цобели выделяют три категории возможностей обретения смысла, основанные на ценностных категориях Франкла²⁸⁵. Первая категория – творческие ценности; создание нового, включая искусство, научные открытия и социальные проекты («сталинские шараги»; кооперация ученых в рамках внешней несвободы). Вторая категория – ценности переживания; опыт, получаемый от взаимодействия с природой, искусством и людьми. Красота, любовь и дружба наполняют жизнь значимостью. И третья категория – ценности отношения; отражают внутреннюю позицию человека в экстремальных ситуациях. Смысл не в происходящем, а в том, как мы

²⁸² Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нонфикшн, 2018. С. 93.

²⁸³ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 244.

²⁸⁴ Там же. С. 97.

²⁸⁵ Виртц У., Цобели Й. Жажда смысла. Человек в экстремальных ситуациях. Пределы психотерапии [Электронный ресурс]. URL:

https://4italka.site/nauka_obrazovanie/psihologiya_i_psihoterapiya/404656/fulltext.htm (дата обращения: 30.06.2024).

реагируем на трудности²⁸⁶. Франкл также различает три уровня смысла: абсолютный, связанный с идеалом вне времени; смысл целостности, отражающий единство всего; и ситуационный смысл, актуальный для конкретного контекста²⁸⁷.

Мы используем образы поведения людей в концлагерях как пример места, где человеческая природа подвергается экстремальным испытаниям, и где особенно заметно присутствие экзистенциальных и социальных факторов, влияющих на поведение человека. Джорджо Агамбен описывает пространство лагеря, такого как Освенцим, как последовательность «концентрических кругов», расходящихся от центрального «не-места» (по М. Оже)²⁸⁸. Пограничной чертой этого «не-места» является процесс, известный как *Selektion*, в ходе которого происходит отбор людей для отправки в газовую камеру. Главной задачей узников становится необходимость «скрывать» свои недуги и душевные страдания, постоянно подавляя в себе проявления слабости²⁸⁹. Агамбен пишет: «Все население лагеря можно представить как огромный водоворот, вращающийся вокруг безликой бездны»²⁹⁰.

Виктор Франкл и Primo Levi едины в необходимости сохранения человеческого достоинства как ключевого аспекта выживания. Для Франкла смысл жизни дан свыше, он считал его существующим до бытия. Для Levi достоинство - практический принцип, позволяющий сохранить человечность. Levi пишет: «Пусть мы рабы, <...> но пока мы еще живы, мы должны сделать все, <...> чтобы не смиряться с нашим положением». Мы должны

²⁸⁶ Виртц У., Цобели Й. Жажда смысла. Человек в экстремальных ситуациях. Пределы психотерапии [Электронный ресурс]. URL: https://4italka.site/nauka_obrazovanie/psihologiya_i_psihoterapiya/404656/fulltext.htm (дата обращения: 30.06.2024).

²⁸⁷ Виртц У., Цобели Й. Жажда смысла. Человек в экстремальных ситуациях. Пределы психотерапии [Электронный ресурс]. URL: https://4italka.site/nauka_obrazovanie/psihologiya_i_psihoterapiya/404656/fulltext.htm (дата обращения: 30.06.2024).

²⁸⁸ Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.

²⁸⁹ Агамбен Д. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Издательство «Европа», 2012. С. 54.

²⁹⁰ Там же. С. 54.

сохранять достоинство и остаться живыми²⁹¹. Сохранение человеческого достоинства, по Леви, было единственной возможностью сопротивления тотальному уничтожению личности в концлагере и определенной стратегией выживания. Франкл, в свою очередь, полагал, что смысл жизни существует и должен быть найден, а не создан человеком. Он рассматривал смысл как ситуативный, доступный конкретному человеку в определенных обстоятельствах. Бог рассматривался Франклом как «окончательный смысл», «высшая ценность»²⁹². Для Франкла Бог является источником смысла жизни, постоянной поддержкой в трудных ситуациях.

Книга Примо Леви «Человек ли это?» служит яркой иллюстрацией влияния экзистенциальных и социальных факторов на поведение человека в экстремальных условиях. Леви описывает, как концентрационные лагеря становятся «идеальными лабораториями» для изучения человеческой природы, где основополагающие права и моральные нормы стираются под давлением насилия и страха²⁹³. В этих экстремальных условиях гуманистические принципы, продиктованные верой в добро и моральную целостность человека, подвергаются серьезной проверке. Леви демонстрирует, что дегуманизация, наблюдаемая в лагерях, заставляет пересмотреть традиционные представления о человечности. Под давлением экстремальных обстоятельств люди могут терять свои человеческие черты, становясь «сущностями», которые вынуждены адаптироваться к условиям выживания. Примо Леви исследует концепцию «серой зоны»²⁹⁴. Серая зона – это пространство, где категории добра и зла теряют свои четкие границы, где поведенческие установки изменяются в зависимости от окружающих условий, где невозможно установить моральную ответственность²⁹⁵.

²⁹¹ Леви П. Человек ли это? М.: Текст; Дружба народов, 2001 г. С. 49.

²⁹² Виртц У., Цобели Й. Жажда смысла. Человек в экстремальных ситуациях. Пределы психотерапии [Электронный ресурс]. URL: https://4italka.site/nauka_obrazovanie/psihologiya_i_psihoterapiya/404656/fulltext.htm (дата обращения: 30.06.2024).

²⁹³ Леви П. Человек ли это? М.: Текст; Дружба народов, 2001 г. С. 104.

²⁹⁴ Леви П. Канувшие и спасенные. М.: Новое издательство, 2010. С. 28-56.

²⁹⁵ Агамбен Д. Ното сасег. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Издательство «Европа», 2012. С. 20.

Sonderkommandos – это яркое отражение «серой зоны», члены которых, с одной стороны, выполняли функции убийц, а с другой – были сами жертвами системы. Их существование иллюстрирует тяжелую природу выбора между «сумасшествием» и «адаптацией»²⁹⁶. Леви упоминает футбольный матч между эсэсовцами и Sonderkommandos, олицетворяющий ужас серой зоны: в условиях абсолютного зла концлагеря этот «акт нормальности» оборачивается признаком полной аморальности и разрушает любые представления о традиционном нравственном выборе, когда человек вынужден приспосабливаться к самым жестоким обстоятельствам, чтобы выжить²⁹⁷.

Задача человека, оказавшегося в экстремальных обстоятельствах – выжить, но выживали немногие. Леви пишет: «Мы, выжившие, составляем меньшинство, ничтожную часть. Мы – те, кто благодаря привилегированному положению, умению приспосабливаться или везению не достигли дна. Те, кто посмотрел в глаза Горгоне, уже не вернулись, чтобы рассказать, или вернулись немymi; они подлинные свидетели, чьи показания должны стать главными. Они – правило; мы – исключение»²⁹⁸. В экстремальных обстоятельствах, мы хотим это подчеркнуть, человеческое и нечеловеческое сливаются, как и экзистенциальные и социальные факторы, а смысл, как об этом написал Франкл, ситуативен.

Леви описывает поведение заключенных, которые выжили. Например, поведение Шепшеля как архетипической жертвы системного насилия, демонстрирует то, как индивидуальность трансформируется под давлением экстремальных обстоятельств. Шепшель – обычный человек, движимый естественным желанием выжить, но его жизненные ориентиры изменяются до неузнаваемости, стирая границы между моралью и выживанием. Четыре года в лагерной системе приводят к утрате семьи, работы, прошлого и социальной структуры, которая когда-то поддерживала его идентичность.

²⁹⁶ Леви П. Канувшие и спасенные. М.: Новое издательство, 2010. С. 42.

²⁹⁷ Там же. С. 44.

²⁹⁸ Там же. С. 68.

Его внутренний мир сжимается, становится «емкостью»²⁹⁹, пропадают экзистенциальные переживания. Остаются только инстинкты. Но несмотря на отсутствие выдающихся качеств, Шепшель проявляет чудеса выживаемости. Его мелкие махинации кажутся незначительными, но они становятся его единственной стратегией в борьбе за существование: он крадет, доносит на своих товарищей, изготавливает инструменты из подручных средств. Леви задается вопросом о том, насколько человек может изменить свою сущность под давлением экстремальных обстоятельств. Шепшель становится отражением многих людей, оказавшихся в схожих условиях – он уже не тот, кто жил до войны, его действия и мысли теряют связь с привычной моралью. Выживание Шепшеля демонстрирует взаимодействие социальных и экзистенциальных факторов. Лагерная система насилия разрушила моральные ориентиры, сделав инстинкт выживания единственным приоритетом. Экзистенциальный опыт утрат и внутренние конфликты формируют новый взгляд на жизнь, побуждая его переосмыслить ценности и поведенческие стратегии, где каждое действие – это шаг к выживанию, даже если оно противоречит его прежним убеждениям.

Другой пример. Альфред Л. был до концлагеря бизнесменом и пользовался привилегиями, а в лагере оказался, как и все, «голым, одиноким и безвестным»³⁰⁰. Ему удалось сохранить характер и силу воли, используя свои навыки для получения дополнительных ресурсов и улучшения своего положения. Л. поддерживал чистоту и порядок – своей внешности, в одежде, вокруг себя. Эти усилия Л. делал для того, чтобы его воспринимали как «придурка», что позволяло ему избежать более тяжелой работы и сохранить свое здоровье. «Придурки» – это заключенные, имеющие «высокий статус» в лагере. Л. стремился к власти в лагере, как и в обычной жизни, поскольку демонстрация дисциплины и трудолюбия была единственным способом выделиться, то Л. работал с рвением, не участвовал в потасовках и был готов на все, лишь бы его заметили. Когда в лагере формировалась химическая

²⁹⁹ Леви П. Человек ли это? М.: Текст; Дружба народов, 2001 г. С. 111.

³⁰⁰ Там же. С. 112.

команда, Л. осознал, что его час настал. Чистая одежда и выбритое лицо Л. становятся сигналами «нормальности» среди грязных и оборванных коллег, что привлекает внимание капо, которые видят в нем потенциального лидера. Л. быстро получает «повышение» до «специалиста» и становится старшим технологом команды ³⁰¹. Выживание Альфреда Л. также связано с эгоистичными мотивами. Стремление к власти способствовало тому, что Л. выжил, а социальные условия лагеря с ее иерархией, капо и «доходягами» помогли ему это сделать.

Элиас Линдцин, номер 141565, представлен Леви как карлик с выдающейся мускулатурой, как у Геракла ³⁰². Он прекрасный строитель, ремесленник, умеет петь и обладает жизнелюбием, что нехарактерно для заключенных в целом. Элиас отличается от других заключенных своим отношением к работе. Он не сопротивляется ей и создается впечатление, как будто бы он любит работу, он делает ее легко, и за ним наблюдают как остальные заключенные, так и капо ³⁰³. Элиас подчиняется только мастеру, который выделяет его «над» остальными заключенными. Леви отмечает, что воровство – естественная черта Элиаса, который проявляет врожденную хитрость дикого животного, и ведет себя ситуативно. Он ворует только у тех, кто ниже его, и льстит тем, кто выше его в лагерной иерархии. Леви пишет о том, что Элиас – «продукт лагеря» ³⁰⁴. В лагере, в «серой зоне», по мнению Леви, нет ни преступников, ни сумасшедших, поскольку отсутствуют нравственные законы, которые можно было бы нарушить. Леви описывает Элиаса как счастливого человека, который процветает в лагере и считается «уважаемым человеком» ³⁰⁵. Леви открывает новую плоскость исследования человеческого поведения. Элиас, символ «выжившего», становится отражением тех, кто адаптируется к новым условиям, превращая гибкость и хитрость в стратегию выживания.

³⁰¹ Леви П. Человек ли это? М.: Текст; Дружба народов, 2001 г. С. 113.

³⁰² Там же. С. 114.

³⁰³ Там же. С. 115.

³⁰⁴ Там же. С. 116.

³⁰⁵ Там же. С. 117.

Генри – пример человека, который использует интеллект и образование для выживания. Как и остальные выжившие, он обладает гибкостью и хитростью, отсутствием сопереживания и эмпатии. В нем присутствуют только холодный расчет и установка на выживание. Он создаёт «ложную близость» с другими людьми, как бы погружаясь в их страдания, но делает он это ради собственной выгоды. Леви пишет, что его стратегия выживания основана на трёх методах: организации, жалости и воровстве³⁰⁶. Леви изображает Генри как человека, который контролирует и использует свои природные данные для выживания. Он осознаёт ценность эмоций и использует их в своих интересах. Жалость, как пишет Леви, первобытное и бессознательное чувство, может дать внезапные всходы на плодородной почве, особенно в «примитивных» душах»³⁰⁷. Генри мастерски применяет эти психологические знания в концлагере.

Примеры, приведенные выше, иллюстрируют выбор поведенческих стратегий под влиянием социальных и экзистенциальных факторов. Леви утверждает, что среди заключенных выжили те, кто пересмотрел свои моральные убеждения и адаптировался к условиям, отказываясь от прежних ценностей ради выживания. Леви писал о том, что в экстремальных обстоятельствах выживали те, кто был способен на хитрость и воровство, кто мог гибко реагировать на изменения и использовать манипуляции для обеспечения себя ресурсами. Несмотря на то, что ситуация концлагеря, на наш взгляд, одна из самых экстремальных, и как об этом писал Леви, стала «лабораторией по изучению человеческой природы», она – не универсальная. И, на наш взгляд, в разных ситуациях люди будут вести себя по-разному. Многое будет зависеть от контекста, от длительности и глубины экстремальных обстоятельств, от поведения социальных групп и от экзистенциальной природы самого человека.

В концентрационном лагере ресурсы настолько ограничены, а будущее непредсказуемо, что солидарность оказывается недостижимой. В таких

³⁰⁶ Леви П. Человек ли это? М.: Текст; Дружба народов, 2001 г. С. 117.

³⁰⁷ Там же. С. 118.

условиях возникает гоббсовское ощущение, что каждый человек должен бороться исключительно за себя, окружающие предстают потенциальными соперниками, а союзники в любой момент могут «донести». Истинная кооперация основывается на доверии и взаимопонимании, чего в экстремальной ситуации концлагеря достичь не получится. Социальная динамика изменяется: индивидуальные стратегии выживания становятся первостепенными, а коллективные действия уходят на второй план.

Нам понадобились эти сюжеты для того, чтобы проиллюстрировать, что в экстремальных обстоятельствах экзистенциальное начало, составляющее сущность человека, во многом обуславливает выбор стратегии выживания. Это не означает, что социальные факторы не так важны. Они оказывают влияние на выбор стратегии поведения. Но доминантой на наш взгляд все-таки выступает личностное, экзистенциальное начало человека.

В современном мире, в условиях глобального стресса, нестабильности, мы сталкиваемся с явлением, которое можно назвать «эмоциональным эгоизмом». Согласно данным ООН, международной базе данных о стихийных бедствиях (EM-DAT), центра исследований эпидемиологии катастроф (CRED), число катастроф увеличилось со 100 в год в 1970-х годах до примерно 400 событий в год во всем мире за последние 20 лет. Глава ООН отмечает, что стихийные бедствия выросли в четыре раза с 1970 года³⁰⁸. Обострение экономических, экологических и социальных проблем приводит к массовому страху и увеличению тревожных расстройств. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), сегодня каждый восьмой человек в мире живет с психическим расстройством³⁰⁹. По данным НАФИ (2023), практически все жители России (93%) испытывают какие-либо тревоги и опасения, глядя в свое ближайшее будущее³¹⁰. Панические атаки

³⁰⁸ Is the number of natural disasters increasing? // Our World in Data [Электронный ресурс]. URL: <https://ourworldindata.org/disaster-database-limitations#article-citation> (дата обращения: 01.07.2024).

³⁰⁹ Психические расстройства // Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders> (дата обращения: 01.07.2024).

³¹⁰ Болезнь, инфляция, переживания за детей: россияне назвали главные страхи 2024 года // НАФИ [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/analytics/bolezni-inflyatsiya-perezhivaniya-za-detey-rossiyane-nazvali-glavnye-strakhi-2024-goda/> (дата обращения: 01.07.2024).

перестают быть индивидуальной бедой и становятся симптомом тревоги целого поколения. Люди испытывают страх за будущее и постоянное напряжение, находя общие черты в этом «потоке» страха. Депрессия трансформируется в общее социальное состояние, сопровождающееся потерей надежды как таковой. Человек ощущает себя ненужным, перестает ощущать себя частью коллектива, группы. На наш взгляд, в современных обстоятельствах происходит смещение акцентов, и фокус внимания переходит на личные эмоции, а социальные проблемы остаются на втором плане, хотя триггером «катастрофического сознания» являются именно они.

Эмоциональный эгоизм можно рассматривать как следствие перманентных экстремальных обстоятельств, превратившихся почти в норму, точнее, не самих экстремальных обстоятельств, а их последствий. Экстремальные ситуации сегодня проявляют себя не только в виде прямых угроз, насилия и жестокости. В современном мире экстремальные ситуации перешли в экономическую и психическую плоскость³¹¹. Они почти незаметны, невидимы, но осязаемы и ощущаемы. Они находятся везде, и внутри, и снаружи, фактически составляя пространство нашего существования. В этом смысле можно сказать, что социальные условия в большей степени формируют общее и единичное эмоциональное состояние. Индивидуализм, изначально выражавший личную свободу и самоопределение, сейчас претерпевает изменения. Теперь это акт самозащиты, стратегия выживания. Мы ни в коем случае не оправдываем это ставшее обычным социальное явление, а фиксируем тенденцию - сегодня человек как никогда ощущает, что он, скорее, атом или часть более широкой социальной ткани. Если в дисциплинарном обществе (М.Фуко) человек воспринимал себя в рамках чётко заданных норм и правил, где его место было определено заранее, то в постдисциплинарном обществе (Б.-Ч.Хан) контроль становится менее явным, что порождает ощущение свободы, но одновременно и страх перед неопределённостью. Контроль остается, но он

³¹¹ Бауман З., Донских Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. С. 72-73.

теперь не навязан извне, а переходит во внутреннюю сферу человека и становится самонаправленным. Парадокс заключается в том, что этот внутренний контроль не ведет к настоящей свободе. Напротив, он порождает внутреннюю тюрьму, где каждый из нас становится своим собственным надзирателем.

Человек XXI века представляет собой нового рода сущность, которую следует обозначить как *Homo Extremus* – новый тип человека, который адаптируется к жизни в эпоху постоянных кризисов и экстремальных ситуаций. *Homo Extremus* – это абстрактная модель, концепт, гипертрофированный образ, а не современный человек в буквальном смысле. Данный тип человека отличается высокой способностью приспосабливаться к сложным условиям. Несмотря на свою способность к адаптации, *Homo Extremus* испытывает все те же экзистенциальные проблемы - страх, тревога и одиночество. Вопреки утверждению Ясперса о необходимости осмысленного «Я», *Homo Extremus* теряет свою глубинную экзистенциальную идентичность в условиях постоянного давления не только внешних факторов, но и под давлением внутреннего контроля. Он не уверен в себе и его самоощущение постоянно колеблется. Этот «новый человек» больше не является автономным существом с четко определенными границами своего Я. Витгенштейн писал, что «границы моего языка означают границы моего мира»³¹². Мы понимаем и взаимодействуем с реальностью через язык, и когда этот язык становится размытым или неясным, наша способность воспринимать и осмыслять собственное Я также страдает. Когда количество ролей, которые мы играем, увеличивается, размывается и наше подлинное «Я». Человек, «переключаясь» между ролями, становится как бы многослойным, но за этой многослойностью скрывается одномерность и пустота. Истинное «Я» остаётся затенённым и недоступным.

³¹² Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. С. 174.

Номо Extremus становится отражением окружающего мира, его нестабильности, непредсказуемости, а фактически экстремальности. С точки зрения экзистенциальной философии, Номо Extremus сталкивается с утратой человечности. «Живой человек», по Ясперсу, обладает способностью к рефлексии и поиску смысла. В условиях информационной перегрузки и постоянной необходимости адаптироваться к изменениям, авторефлексия уступает место мгновенной реакции на внешние стимулы. Все становится ситуативным. Номо Extremus адаптируется к миру, но эта адаптация часто оказывается болезненной и приводит к потере целостности, к фрагментированному Я.

С ростом цифровых технологий и социальных сетей человек попал в острую зависимость от информации. Устойчивое поступление новостей и событий создает чувство постоянной угрозы, заставляя человека находиться в режиме тревожного ожидания. Природа Номо Extremus изменилась, и ему нужны экстремальные ситуации, чтобы чувствовать себя «живым человеком». Постоянное стремление «быть подключенным» к информации об экстремальных ситуациях ведет к утрате внутреннего смысла и цели. Когда «ничего не происходит», то возникает ощущение тревоги, будто что-то должно произойти. Номо Extremus ищет внешние стимулы, чтобы компенсировать внутреннюю пустоту. Номо Extremus становится зависимым от этих внешних стимулов, которые обеспечивают ему «чувство жизни».

Его существование сводится к реакциям на внешние стимулы и информационные импульсы, что превращает его в нечто среднее между человеком и «машиной». Мы можем наблюдать за тем, как в современном философском дискурсе начинают главенствовать идеи постгуманизма, трансгуманизма и спекулятивного реализма, в которых рассматриваются возможности мира без человека, признания автономии нечеловеческих сущностей и независимость реальности от человеческого восприятия. Постгуманизм, вдохновленный идеями Джудит Батлер, предлагает пересмотреть традиционные представления о человеке как центральной

фигуре бытия. Он ставит под сомнение идею о том, что только человеческое восприятие и действия имеют значение, подчеркивая, что жизнь включает в себя множество форм существования – от животных до технологий. Батлер пишет: «...жизни нечеловеческих существ пересекаются с человеческими притязаниями и где жизни человеческих и нечеловеческих существ также порой в большой степени зависят друг от друга. Эти пересекающиеся зоны жизни (или живого) должны рассматриваться как реляционные и процессуальные»³¹³. Трансгуманизм, рассматривающий технологии как продолжение человеческого существования, затрагивает вопрос о «постчеловеке». Среди его представителей можно выделить Рея Курцвейла, Ника Бострома, Дэвида Пирса. Современные технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни, и, возможно, стоит признать, что мы начали воспринимать их как продолжение себя. Личные устройства, мобильные телефоны и облачные ресурсы, которые мы используем, трансформировались в инструменты, позволяющие не только облегчить нашу жизнь, но и существенно изменить способы взаимодействия с миром. Как отмечает Рэй Курцвейл, современный человек без технологий ощущает собственную неполноценность³¹⁴. Этот феномен ставит под сомнение аспект нашей человечности – в какой мере мы остаемся собой, если часть нашего существа зависит от технологий? Если люди будут заменены на кибернетические сущности, что произойдет с нашими эмоциями и идентичностью? Размывание границ между человеком и машиной открывает возможности для манипуляции индивидуальностью. Отказываясь от аутентичности ради улучшений, мы рискуем потерять важную часть себя. Спекулятивный реализм, продвигаемый Квентином Мейясу и Грэмом Харманом, подводит нас к вопросу: каким образом мы можем описывать мир, где человек утрачивает свою привилегированную позицию? Отправной точкой идеи о

³¹³ Батлер Дж. Сила ненасилия: Сцепка этики и политики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. С. 154.

³¹⁴ Курцвейл Р. Эволюция разума, или Бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов [Электронный ресурс]. URL: <https://knizhnik.org/rej-kurczvej/evoljuczija-razuma-ili-beskonechnye-vozmozhnosti-chelovecheskogo-mozga-osnovannye-na-raspoznavanii-obrazov> (дата обращения: 10.07.2024).

мире без человека, на наш взгляд, становятся перманентные экстремальные обстоятельства. Человек больше не является центральным элементом существования, а скорее одним из многих видов, которые могут исчезнуть. Квентин Мейясу в книге «После конечности. Эссе о необходимости контингентности» (2006) утверждает, что мир функционирует по своим собственным законам, независимо от присутствия человека. Он пишет: «Все что угодно может обрушиться – и деревья, и звезды, и физические, и логические законы. Но не в силу некоторого вышестоящего закона, обрекающего любую вещь на исчезновение, но наоборот – в силу отсутствия такого вышестоящего закона, который способен был бы предотвратить исчезновение чего бы то ни было»³¹⁵. Грэм Харман в книге «Спекулятивный реализм: введение» (2019) комментирует эту идею следующим образом: «Реальность есть вне камней... <...> ...вне солнечной системы... <...> «вне сознания» - эти формулировки могли появиться только в современную эпоху»³¹⁶. В книге «Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху» (2008) Эрик Дэвис пишет, что человек становится все более интегрированным с технологиями, превращаясь в своего рода «киборга» – существо, которое сочетает в себе человеческие и машинные компоненты³¹⁷. Всякий раз, когда человек изобретает принципиально новое устройство коммуникации, он частично реконструирует «Я» и внутренний мир человека в целом, создавая новые формы контроля над культурными нарративами, которые определяют наше чувство мира. Как эти концепции формируют новый тип существования? Номо Extremus олицетворяет трансформацию человека на грани человеческого и нечеловеческого. В современных условиях человек уже не задает параметры реальности активностью своего сознания, а, наоборот, позволяет внешним экстремальным обстоятельствам формировать его идентичность. Номо Extremus чувствителен к внешним

³¹⁵ Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентное. М.: Кабинетный ученый, 2015. С. 74-75.

³¹⁶ Харман Г. Спекулятивный реализм: введение М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 151.

³¹⁷ Дэвис Э. Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/devis_erik/tehnognozis_mif_magiya_i_mistitsizm_v_informatsionnuyu_epohu.html#649054 (дата обращения: 10.07.2024).

стимулам, реагируя на них как антенный прибор. С ростом влияния технологий наше взаимодействие с машинами и гаджетами становится основным способом существования, индивидуальность и аутентичность размываются.

Разрушение идентичности, описанное Жаком Деррида, также может быть применимо к нашей концепции. Номо Extremus не просто лишён привычных ориентиров, но и противоречит самим принципам, которые формируют понятие индивидуальности. Его чувство себя как «другого» проистекает не из его отличий от окружающих, а из непосредственного взаимодействия со всем тем, что его окружает. Это приводит к постоянному состоянию «пограничья», где Номо Extremus начинает осознавать, что его жизнь – это не только борьба с самим собой, но и попытка установить контакт с тем, что противоречит человеческой природе. Его состояние не есть устойчивая экзистенциальная система, оно претерпевает постоянные изменения. Номо Extremus испытывает парализующее насыщение внешними, поверхностными чувствами. При этом он испытывает слишком много – слишком много обыденного, слишком много боли, получает слишком много негативной информации. Это создает своего рода экзистенциальный вакуум. Внешне система как бы наполняется, множится, а внутри остается пустота. Номо Extremus находится в ситуации тотального одиночества, окруженный избытком информации, и при всем этом, структура его существования оказывается разорванной и пронизанной ощущением неустойчивости.

Номо Extremus оказывается изолирован от той «человечности», которая ранее определяла его существование. Ядерная угроза вызывает постоянное чувство неопределенности, страха и ожидания. Мы живем в мире, где жизнь может оборваться в любой момент, и эта угроза ставит под сомнение ценность человеческой жизни. Гуманизм теряет изначальный смысл, когда существует возможность мгновенного самоуничтожения. Это порождает культуру отчуждения и бездействия, и человек становится

свидетелем исчезновения своей первоначальной человеческой сущности. Фрустрация и ощущение беспомощности становятся неотъемлемой частью существования современного человека. Развитие искусственного интеллекта добавляет новые слои к этой социальной трансформации, ведь создается «другой», имитирующий человеческие эмоции и мысли, что ставит под сомнение саму суть человечности. Если создать алгоритмы, которые имитируют человеческие чувства, то тогда останется ли место для уникальности, для глубины человеческого опыта? Открытость современного мира, которая должна была расширить горизонты человеческого понимания и взаимодействия, на самом деле привела к тому, что сам человек закрылся. Тот, кто познает мир через виртуальное окно смартфона, меньше всего знает об этом мире. Виртуальная реальность становится заменой реальному опыту, а человек постепенно теряет связь с окружающим миром. Глобализация, бюрократизация и цифровая унификация создают модель социума, в которой культурные и индивидуальные различия становятся условными, стираются. Возникает ощущение однообразия, когда все кажется одинаковым и предсказуемым. Искусственный интеллект, в своем бесконечном развитии, становится символом того, как излишняя рационализация ведет к отказу от «человечности», как раз той самой, что раньше считалась основополагающей ценностью. Номо Extremus погружен в числа, формулы, кибернетические интерфейсы – в мир, который постоянно шаг за шагом вытесняет моральные ориентиры и подменяет их функциональными связями. В то время как гуманизм воспринимается как устаревшая идея, сама по себе идея «человечности» не теряет своей значимости, наоборот, становится еще более необходимой в условиях растущего отчуждения. Необходимость возвращения к духу человека, к пониманию уникальности каждого человека и его связи с другими, сохраняется как актуальная задача, возникающая на фоне хаоса и непонимания.

Таким образом, экзистенциальные и социальные факторы взаимосвязаны и обуславливают поведение Номо Extremus. Несмотря на то,

что экстремальные ситуации, как правило, интегрированы в коллективный опыт, в более широкой культурной перспективе они переходят в обычную жизнь индивида. Homo Extremus символизирует современное выживание в экстремальных условиях и адаптацию к ним. Сегодня мы сталкиваемся с парадоксом: хотя угроза может и не касаться людей напрямую, человек ощущает ее на экзистенциальном уровне. Один из наиболее значительных аспектов адаптации Homo Extremus заключается в потере чувства «дома» как экзистенциальной парадигмы. В традиционном понимании дом ассоциируется с чувством принадлежности, заботы и безопасности. Это ощущение «своего» места, «дома» как священного убежища создает основу для человеческого существования. Оно позволяет человеку укрываться от внешних бурь и обретать внутренний смысл, укореняясь в своем прошлом и традициях. Современные экстремальные ситуации подрывают эти основы, размывая границы нашего внутреннего мира. «Дом» перестал быть приватным местом. Одиночество и изоляция трансформируются в ключевые категории бытия современного человека, а ощущение принадлежности к чему-то большему становится недоступным. Утрата приватности, по нашему мнению, является ключевым элементом экзистенциальной тревоги в современном обществе, где люди оказываются под постоянным наблюдением социальных медиа и технологий сбора данных. Парадокс заключается в том, что современные люди ищут утешение и идентичность в виртуальном пространстве, которое больше обнажает человека, создавая только иллюзию «дома». Интернет и социальные сети становятся «псевдодомами», где люди пытаются восстановить утраченные связи и создать сообщества. Мануэль Кастельс утверждает, что возможности «параллельных реальностей» служат эскапизмом – попыткой уйти от реальных проблем³¹⁸.

В противоположность концепции «доходяги», современный тип человека, которого мы условно назвали Homo Extremus, сталкивается с

³¹⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 351-352.

другими видами истощения. Если «доходяги» были физически и духовно истощены в результате ужасных условий концентрационных лагерей, то Homo Extremus вынужден непрерывно адаптироваться к меняющимся условиям современной жизни, что приводит к эмоциональному истощению. Homo Extremus становится «машиной», которая работает без отдыха, не зная границ между работой и личной жизнью, социальностью и индивидуальностью, которая не может позволить себе отдыхать, поскольку постоянная активность и производительность стали основными критериями его успеха. Это приводит к эмоциональному выгоранию и полному истощению. Одиночество и социальная изоляция являются одними из наиболее выраженных проблем Homo Extremus, который может иметь сотни друзей в социальных сетях, но при этом не иметь ни одного близкого друга, с которым он мог бы поделиться своими мыслями и чувствами. В отсутствие подлинных связей человек становится более уязвимым к стрессу и тревоге, более подвластным манипуляциям. С одной стороны, необходимость быть «всегда на связи», с другой стороны, чувство оторванности от общества, вызывает постоянное раздражение, которое также является характерной чертой Homo Extremus. Иллюстрацией подобных состояний может служить результат опроса студентов первого курса МГПУ. Опрос проходил в 2024 году, в рамках факультативного курса «Навыки эмоциональной саморегуляции. Стратегии эффективного поведения в учебном процессе». Участниками стали студенты первого курса всех специальностей Института гуманитарных наук МГПУ. В опросе приняло участие 312 человек. Результаты показали, что одними из самых актуальных «дефицитов» стали «умение понимать и управлять своими эмоциями» (53,2%), «уверенность в себе» (50%), «одиночество» (52%) и «ощущение неопределенности в своей жизни и в будущем» (56%). Все обозначенные «дефициты» находятся выше средней зоны.

Вывод

Экстремальные обстоятельства представляют собой факторы напряжения. На выбор человека в экстремальных ситуациях влияют как социальные, так и экзистенциальные факторы, взаимодействие которых формирует уникальное «экстремальное поле», которое имеет ментальные и физические проявления. Это поле охватывает диапазон ситуаций – от стихийных бедствий до концлагерей и военных конфликтов, где человеческая способность адаптироваться и принимать решения подвергается жестоким испытаниям. Экзистенциальные факторы определяют способы, благодаря которым сам человек справляется/не справляется с кризисом и утратами. Социальные факторы влияют на взаимодействие между людьми, создавая либо поддерживающую среду, способствующую кооперации, либо ситуацию конкуренции и конфронтации. Homo Extremus, как новый тип человека, появляется на фоне современных экстремальных обстоятельств, которые можно рассматривать как константы бытия. Одновременно с этим существующие экономические отношения способствуют усилению конкурентности и «эмоционального эгоизма». Homo Extremus адаптируется к жизни в эпоху постоянных изменений, но вместе с тем становится жертвой эмоционального истощения, утраты глубокой экзистенциальной идентичности и ощущения внешней наполненности при внутренней пустоте. Человек больше не является автономным существом; его восприятие и действия определяются потоком информации и социокультурными ожиданиями, которые создают новые стандарты существования. Понимание взаимосвязей между социальными и экзистенциальными факторами в контексте современности важно для осознания изменения в человеческом поведении.

2.2. Характеристика основных поведенческих стратегий в условиях экстремальных обстоятельств

Стратегии поведения в условиях экстремальных обстоятельств могут быть разделены нами на две основные категории: те, что направлены на

сохранение жизни, и те, что способствуют внутреннему «скачку» – трансформации личности: «ценности выживания» и «ценности воплощения». В рамках этих двух подходов выделяются четыре стратегии: приспособления (П. Леви), бунта (А. Камю), самопожертвования (П. Тиллих) и веры (К. Ясперс). Экстремальные обстоятельства мы рассматриваем как длящееся ощущение постоянного давления, которое возникает из-за внешних событий (непосредственно напрямую и опосредованно через СМИ) и внутренних переживаний. Экстремальные обстоятельства создают атмосферу угрозы, сильного напряжения, которые проявляются в разных формах. Во-первых, когда человек находится в самой ситуации. Во-вторых, когда человек находится вне ситуации, но ощущает себя ее частью. Несмотря на то, что многие события в мире могут не касаться человека напрямую, тем не менее он постоянно окружен информацией, новостями о войнах, катастрофах, преступлениях, кризисах. Даже если он находится в безопасной обстановке, его разум погружается в страх и беспокойство о том, что опасности подстерегают его повсюду. В-третьих, бывает, что человек сам ищет экстремальные ощущения, стремясь испытать острые эмоции, чтобы почувствовать себя «живым» или проверить свои границы.

Существует еще одна область, которая также оказывает давление на человека – культура, в частности, «культура успеха», сформировавшаяся в рамках неолиберальной идеологии, и пропагандирующая индивидуализм, конкуренцию, чрезмерную позитивность, изобилие, показную радость, симуляцию побед и достижений. Все это приводит к главному страху современного человека – страху не самореализоваться, то есть остаться незамеченным или «невидимым». В контексте нашего исследования мы выделяем два уровня экстремального давления: внешние события, внутренний стресс. Эти уровни проявляют себя на фоне «культуры успеха», который также оказывает давление.

«Ценности выживания» сосредоточены на физическом и биологическом аспектах существования и связаны с основными

потребностями человека – безопасность, защита, голод, жажда, минимизация риска. Ценности выживания «эгоистичны». Они направлены на удовлетворение личных потребностей. Люди стремятся к безопасности прежде всего для себя, игнорируя нужды других. Выживание становится главной целью, и другие ценности отходят на второй план. Можно сказать, что ценности выживания – это своеобразные механизмы самозащиты, когда все силы человека мобилизуются для сохранения жизни.

«Ценности воплощения» – это нечто большее, чем просто стремление к собственному выживанию. Ценности воплощения направлены на других людей. Человек понимает, что он не может бросить товарищей в трудную минуту. Даже когда он истощен, он находит в себе силы помочь. Он забывает о своем физическом состоянии, когда нужно поддержать другого. Он чувствует ответственность за тех, кто рядом. Когда ситуация разрешается, человек начинает осознавать свою усталость, но в момент помощи мысли о себе отходят на второй план. Он не может оставить кого-то в беде, даже если это означает риск для себя. «Ценности воплощения» связаны с альтруизмом и состраданием. Когда человек сталкивается с экстремальными обстоятельствами, он рискует потерять не только физическое тело, но и свою душу. Экстремальные обстоятельства становятся проверкой на «прочность» его ценностей. Он может отказаться от своих целей ради спасения другого. Если такая проверка будет пройдена «успешно», в человеке произойдет нечто удивительное. Он начнет видеть мир по-новому. Внутренние ограничения исчезнут, и его истинная сущность станет явной. Он становится свидетелем своего собственного преображения, и это преображение часто ведет к созданию новой сущности, которая сочетает в себе как способности к выживанию, так и в обретении внутреннего голоса.

Согласно Л. Донских, «наша эпоха – эпоха страхов»³¹⁹. Раньше стратегии поведения были связаны с конкретными ситуациями: человек реагировал на конкретную опасность или вызов, исходя из опыта и

³¹⁹ Бауман З., Донских Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. С. 157.

инстинктов. В современном мире человек вынужден не просто реагировать на конкретные экстремальные ситуации, а активно бороться с внутренним состоянием страха, который пронизывает его бытие. Человек реализует свою внутреннюю свободу именно тогда, когда преодолевает страх как некоторое зло. Стратегии поведения, следовательно, можно рассматривать как стратегии преодоления страха – внутренней борьбы за устойчивость, душевное равновесие и подлинную свободу. Когда человек испытывает страх, он, по сути, сталкивается с границами своего сознания. Переживание «своей» ситуации, можно сказать, становится мостом между внутренним и внешним, между страхом и мужеством. Только тогда человек может собрать всю свою силу, и совершить «прыжок веры», сделать шаг навстречу неизвестному (С. Кьеркегор). После «прыжка» он начинает ощущать наивысшее состояние трансцендентности – состояние единства с миром и самим собой, в котором его собственные барьеры начинают растворяться. Человек понимает, что страх является лишь иллюзией, созданной его умом, и что его истинная сущность гораздо более могущественна, чем он когда-либо предполагал. Преодолевая страх, человек создает чувство уверенности в собственном существовании.

Стратегии поведения в экстремальных обстоятельствах могут комбинироваться и выбираться в зависимости от ситуации. Иногда выбор стратегии происходит интуитивно, без осознанного анализа. Человек может в одно мгновение выбрать подход, который кажется ему наиболее подходящим, исходя из его внутреннего состояния и внешних факторов. Нет универсальной модели с заранее определенными шаблонами поведения. Каждая ситуация уникальна, и реакция человека на экстремальные обстоятельства может варьироваться. Мы не можем предсказать, как именно будет действовать тот или иной человек. В рамках нашей диссертации мы стремимся создать модели поведения, основанные на наблюдениях и анализе описаний реальных случаев.

Стратегия «приспособления» является первой из четырех ключевых стратегий, которые мы выделяем в условиях экстремальных обстоятельств. Она является одной из самых универсальных и характерна для всего живого. Под «приспособлением» мы подразумеваем способность организма или системы изменяться в ответ на изменения окружающей среды. Мы можем отметить несколько основных характеристик. Во-первых, это способность адаптироваться, которая проявляется на разных уровнях³²⁰. Можно сказать, что это ответ на социальную аномию, которая усиливается в экстремальных обстоятельствах. На физиологическом уровне происходит привыкание организма к новой среде. На социальном уровне адаптация связана с пониманием устройства системы. Люди учатся взаимодействовать друг с другом, находят общий язык и устанавливают связи. На психологическом уровне адаптация включает баланс негативных и положительных эмоций. Во-вторых, это гибкость, которая проявляется в том, чтобы максимально эффективно реагировать на требования текущего момента³²¹. В-третьих, это самоотчуждение³²². Человек может начать действовать так, как будто он просто играет роль. В-четвёртых, это потеря «убежища», или такого места, где человек чувствует себя в безопасности³²³. В рамках этой стратегии человек реализует ценности выживания. Главное – выжить любой ценой. Для этого человек может пожертвовать своими ценностями и порой убеждениями. Все, что мешает выживанию как бы «удаляется», становится ненужным и лишним.

Стратегия «приспособления» вне зависимости от содержания экстремальных обстоятельств имеет три стадии³²⁴. Первая стадия – реакция тревоги. На этом этапе человек испытывает сильное беспокойство и страх. Мозг активизируется, и возникают инстинктивные реакции на угрозу. Вторая

³²⁰ Положевец Е. В. Теоретический анализ проблемы вхождения и приспособления человека к условиям новой среды // Актуальные проблемы психологического знания. 20№ 3–4(54)(54). С. 2.

³²¹ Там же. С. 4.

³²² Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. М.: Новое издательство, 2015. С. 81.

³²³ Там же. С. 84.

³²⁴ Оппедизано М. Д. Л. Адаптация человека к экстремальным условиям деятельности. Физиологические механизмы (структурный след адаптации) // Forcipe. 2021. Т. 4, № 4. С. 21.

стадия – стадия сопротивления. Здесь человек пытается справиться с ситуацией. Он мобилизует свои ресурсы и силы, чтобы противостоять стрессу и адаптироваться к новым условиям. Третья стадия – стадия истощения. На этой стадии ресурсы человека исчерпываются. Он чувствует усталость и может испытывать физические и эмоциональные проблемы из-за постоянного стресса. Стратегия «приспособления» может ассоциироваться с фразой «Я не знаю» - будущее кажется неопределенным, из-за чего человек может чувствовать себя потерянным. Он не знает, что делать и как изменить ситуацию. Он чувствует, что любые попытки изменить ситуацию могут привести к еще большим проблемам. Он старается просто существовать в сложившихся условиях. Можно сказать, что человек живет в состоянии или режиме «ожидания», надеясь, что что-то изменится само собой.

С нашей точки зрения, стратегия «приспособления» и конформизм – не одно и то же. Конформизм – это склонность человека подстраиваться под мнение, поведение или нормы группы. Конформистское поведение часто возникает в ситуациях, когда человек предпочитает следовать общим правилам, вместо того чтобы отстаивать свои собственные взгляды. Конформистское поведение помогает создать предсказуемую среду, где люди знают, чего ожидать от других. Оно направлено на поддержание стабильности социальной системы ³²⁵. Общее между конформизмом и приспособлением заключается лишь в том, что обе стратегии связаны с желанием выжить и адаптироваться к окружающей среде. В обоих случаях человек может отказаться от своих убеждений ради того, чтобы соответствовать ситуации. Еще одно различие - конформизм часто проявляется в повседневной жизни. Люди подстраиваются под модные тренды или общественное мнение, даже если это противоречит их личным убеждениям. Приспособление возникает как ответ на экстремальность окружающих человека обстоятельств, когда выживание становится

³²⁵ Андромонов Д. К. Феномены конформизма и неконформизма в структурно-функциональной теории // Евразийский союз ученых. 2015. № 6–5 (15). С. 55

первоочередной задачей. Человек может поступать не просто потому, что так принято, а потому, что это необходимо для сохранения жизни.

Экстремальные обстоятельства в рамках стратегии «приспособления» проявляют себя как ситуации запрета, угнетения, ограничения и подчинения³²⁶. Человек оказывается под давлением внешних условий, которые становятся своего рода «стеной контроля». Воля человека подавляется, а внутренний голос становится тише или вовсе замолкает. Свобода выбора все еще существует, но она осуществляется в пределах установленных заранее правил. Часто люди стремятся быть «невидимыми», избегая лишнего внимания. Видимость может привлекать к себе ненужные проблемы и создавать риски. Человек, оставаясь в тени, может лучше контролировать ситуацию и избегать конфликта. По словам Жана Амери, мир для человека становится телесным и обретает характер пытки, когда он сталкивается с насилием и угнетением³²⁷. Физическое тело становится полем страдания. Когда человек подвергается пытке, он теряет ощущение мира как «дома». Его внутренний мир разрушается под давлением боли и страха. Он перестает чувствовать себя в безопасности и начинает воспринимать окружающую действительность как враждебную. Власть определяет, кто может влиять на события, а кто вынужден подчиняться: безвластные становятся беспомощными «другими» – теми, кто не может диктовать условия и терпит угнетение. Существующая угроза потери бытия порождает защитный механизм, заключающийся в «отключении» от реальности³²⁸. Человек может начать игнорировать свои чувства и «исчезать», замыкаясь в себе до такой степени, что перестает реагировать на окружающий мир. Это постоянное напряжение приводит к истощению, и человек начинает ощущать себя опустошенным и безжизненным. Его «я» отделяется от тела, и он становится как бы таким, каким его определяют окружающие³²⁹.

³²⁶ Леви П. Человек ли это? М.: Текст; Дружба народов, 2001 г. С. 39.

³²⁷ Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. М.: Новое издательство, 2015. С. 77.

³²⁸ Лэнг Р.Д. Расколотое «Я». СПб: Белый кролик, 1995. С. 116.

³²⁹ Там же. С. 120.

Стратегия «приспособления» может принимать разные формы. Она не всегда заключается в покорности. Иногда люди предпочитают притворяться покорными. Это может быть своего рода тактикой выживания. Человек может демонстрировать смирение, чтобы избежать лишних конфликтов. Он понимает, что открытое сопротивление может быть опасным. Притворство дает возможность сохранить внутреннюю силу. Человек может наблюдать за ситуацией, не показывая своих намерений. Он проявляет как бы хитрость и терпение, постоянно помня о главном, об основной цели. В этом состоянии он может накапливать ресурсы и силы для будущих действий, ждать удобного момента, чтобы проявить себя. Он может использовать свою видимость как инструмент. Притворяясь покорным, он создает пространство для маневра.

Существует и другая возможность – это выстраивание социальных связей со «своими», поиск союзников. В группе человек может обмениваться переживаниями, получать советы. Создается некая «сеть поддержки», основанная на доверии и сотрудничестве, в которой люди обмениваются ресурсами и информацией. Человек рискует быть преданным, но при успешном исходе это усиливает шансы на выживание. Поиск союзников происходит по различным признакам: национальная принадлежность, социальный статус, наличие общей цели, личные связи. Совместная деятельность и коммуникация с другими в условиях угнетения могут дать человеку внутреннюю поддержку. Человек, находясь в группе, ощущает себя частью коллективного сознания, которое наполняет его силой и мотивацией действовать. Он как бы становится «воспринимаемым» и «узнанным»³³⁰. Его «я» имеет значение, и он понимает, что существует и способен влиять на свою реальность.

В рамках стратегии «приспособления» рассмотрим пример поведения человека в концлагере, который когда-то придерживался высоких моральных стандартов (П. Леви). В предыдущем параграфе диссертации мы уже

³³⁰ Лэнг Р.Д. Расколотое «Я». СПб: Белый кролик, 1995. С. 125-126.

обсуждали, что должно было произойти, чтобы человек смог отказаться от своих убеждений и лишиться своей человечности, чтобы он захотел «ненавидеть» своих товарищей по несчастью. Примо Леви говорит о том, что это искусственно созданные условия, которые намеренно сталкивают людей друг с другом, создают атмосферу, в которой выживание становится главной целью³³¹. Если основные потребности не удовлетворены, человек начинает действовать иначе. Когда каждый день становится борьбой за еду, за тепло, за жизнь, даже самые добрые и отзывчивые люди могут стать эгоистами. В концлагере иерархия была «жесткой». На верхушке, даже среди узников, находились те, кто обладал властью (капо). Они контролировали все. Внизу были обычные узники, которые боролись за выживание. Проявлять сострадание было невыгодно. Человечность становилась слабостью. Люди понимали, что помощь другому может стоить жизни. Поддержка могла привести к предательству. Вместо этого выгодно было «доносить», быть «бесчеловечным»³³². Узники искали возможности выдать своих товарищей, чтобы спасти себя. Такое поведение было выгодно для руководства лагеря. Оно позволяло контролировать ситуацию без непосредственного вмешательства. Концентрируясь на внешних обстоятельствах, узники теряли свою идентичность, провоцировали конфликты и напряжение. Они становились частью системы, которая поощряла эгоизм.

Если стратегия «приспособления» ассоциируется с фразой «Я не знаю» и выражается в готовности терпеть, молчать, адаптироваться, привыкать, подстраиваться, ждать, то стратегия «бунта» может ассоциироваться с фразой «Я не хочу» и является острым и явным или «мягким» и скрытым выражением несогласия, проявлением протеста, сопротивлением «злу». Она совмещает в себе «ценности выживания» и «ценности воплощения». В основе любого бунта лежит конфликт ценностей. Можно выделить несколько

³³¹ Леви П. Человек ли это? М.: Текст; Дружба народов, 2001 г. С. 104.

³³² Там же. С. 202.

основных признаков бунта³³³: бунт имеет радикальный характер («всё или ничего»); бунт может включать насилие, которое направлено против другого насилия или давления что ведет к эскалации конфликта; у бунта часто отсутствуют четко обоснованные цели и программа действий (люди стремятся к благу, но не понимают, как его достичь); бунт проявляет крайнюю степень отчаяния (участники бунта чувствуют себя «обреченными» и не видят альтернативы); бунт всегда нелегитимен; бунт характеризуется слабой организацией (спонтанен, стихийен, неуправляем).

Бунтующий человек, по Камю, провозглашая «нет», фактически заявляет «да»³³⁴. Когда человек достигает предела терпения, он начинает действовать, в нем возникает решимость идти до конца. Камю понимает бунт, на наш взгляд, не в его буквальном воплощении, а через идею. Он рассматривает бунт несколько поэтично, как некую точку «взрыва», порыв, осознание несовершенства мира и желание его изменить, сделать лучше. В бунте, как его ощущает Камю, есть что-то священное. Человек отказывается быть жертвой, чувствует свою силу. Но одновременно это состояние пронизано безысходностью. Стремление к справедливости может обернуться хаосом. Стратегия бунта интересует нас потому, что в самом бунте есть элемент надежды. Человек не сдается даже тогда, когда ситуация кажется безвыходной. Он ищет пути сопротивления. Отчаяние становится позитивно заряженным импульсом. Чтобы человек начал бунтовать, должна возникнуть экстремальная ситуация, когда существование человека становится невыносимым, желание изменить ситуацию становится сильнее страха перед последствиями.

Камю считает, что причиной бунта является избыток отчаяния, или, по нашему мнению, непрекращающееся давление³³⁵. Основная цель бунта – преодоление страдания, давления, экстремальной ситуации. Хотя бунт выражает несогласие, он не всегда предлагает решение. Часто он оставляет

³³³ Резник Ю.М. Человек бунтующий или почему люди бунтуют? // Личность. Культура. Общество. 2014. Т. XVI. Вып. 1. № 1–2. С. 13.

³³⁴ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 127.

³³⁵ Там же. С. 155.

людей в состоянии неопределенности. Бунт – это вспышка ответного насилия, острая реакция на «хроническую» несправедливость. Сам бунт обычно никуда не ведет. Он не может привести ни к временным изменениям, ни к ожидаемым результатам. Последствия бунта непонятны. Иногда они могут быть разрушительными. Можно сказать, что необходимость в бунте возникает тогда, когда нет диалога, когда «голос» игнорируется. Бунт становится способом быть услышанным. Камю утверждает, что бунт – это необходимое условие для человеческого существования. Чтобы чувствовать себя живым, человеку необходимо бунтовать. Он предлагает рассматривать бунт как активное сопротивление абсурду и несправедливости мира. Камю пишет: «Я бунтую, следовательно, мы существуем»³³⁶.

Камю выделяет два типа бунта: метафизический и политический. Метафизический бунт – это индивидуальный акт сопротивления, возникающий из глубин человеческой души. Он выражается в стремлении человека осознать свою сущность и найти смысл в мире полном абсурда. Этот бунт не направлен против конкретной власти или системы, а является внутренним протестом против самого существования, которое кажется бессмысленным. Человек не хочет просто подчиняться судьбе, уготованной ему. Он восстает «против своего удела и против всего мироздания»³³⁷. Зло и страдание, которые испытывает один человек, не остаются изолированными. Они становятся частью общего человеческого опыта. Человек, по Камю, поднимается над «разрозненным миром, чтобы потребовать его единства»³³⁸.

Политический бунт – это проявление коллективного недовольства, обострившегося в условиях социальной несправедливости и угнетения. Можно сказать, что это «рабы» протестуют против своего «господина», против угнетателей, против своего положения³³⁹. Он выражает стремление группы людей изменить общественный порядок, который приносит страдания и лишения. Политический бунт требует сплоченности и

³³⁶ Там же. С. 134.

³³⁷ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 135.

³³⁸ Там же. С. 135.

³³⁹ Там же. С. 135–136.

объединения усилий, так как только в рамках сообщества возможно добиться значительных изменений. Это форма борьбы за права, свободы и справедливость, которая направлена на конкретные структуры власти. Камю также выделяет фигуру бунтаря. Бунтарь – это человек, который не принимает мир таким, какой он есть. Он хочет быть или «всеми» или «ничем»³⁴⁰. Он не может просто приспособиться к несовершенному миру. Бунтарь чувствует, что все вокруг него неправильно и хочет борьбы. Можно сказать, что бунтарь – это изгой. Он как бы отвергает нормы общества. Он не вписывается в систему и чувствует себя из-за этого изолированным. Бунт предполагает солидарность с другими людьми. Когда кто-то начинает бунтовать, он не одинок. Он объединяется с теми, кто разделяет его недовольство. Обычно бунт объединяет людей разных взглядов, но с общей целью.

Сущность бунта заключается в том, что это выражение внутренней свободы и стремления к справедливости. Стратегия бунта является отказом от страха. Экстремальные обстоятельства подталкивают человека к действию, а бунт является ответом на это давление. Отрицание – это первый знак того, что человек готов действовать. Мы понимаем бунт не только как какое-то действие, но и как внутреннее состояние. Бунт не всегда проявляется в активном сопротивлении. Иногда это просто решение не сдаваться, не впадать в отчаяние и не прибегать к насилию или самоубийству. Даже если кажется, что всё бессмысленно, бунт – это способность сказать «нет» этому чувству безысходности. Карл Ясперс пишет о том, что бунт может быть и не только метафизическим или политическим, но и экзистенциальным, когда человек сопротивляется историчности, отказывается слепо следовать истории³⁴¹.

Экзистенциальный бунт – это протест существования. История, по Ясперсу, не определяет, как нам жить. Нет единственного правильного

³⁴⁰ Там же. С. 128.

³⁴¹ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. С. 407–408.

образа жизни или идеального общества. Ясперс считает, что каждый человек должен иметь право выбирать, как ему жить. Он выступает за автономность и независимость человека, потому что считает, что истинное существование должно исходить изнутри, а не зависеть от внешних обстоятельств. Человек должен сам решать, что для него правильно и важно. Ясперс видит осуществление этого протеста в образе жизни великих людей: героев, мудрецов, пророков, философов. Их существование вдохновляет и показывает, кем люди могут быть друг для друга на самом деле. Они кажутся великими, как сама судьба. В их присутствии жизнь человека не может оставаться прежней – она должна либо подниматься на новый уровень, либо «презирать себя в потерянности»³⁴². Бунт не обязательно должен быть громким или политическим. Он может быть тихим и личным протестом внутри себя. Существует еще одна форма бунта – «виртуальная самоизоляция». Человек уходит в себя, отдаляясь как бы от внешнего мира, но все еще физически в нем присутствуя и совершая свои ежедневные обязанности. Это не депрессия, это «кома», только не физическая, а эмоциональная, которая проявляется в отсутствии реакций, чувств, переживаний. «Кома» проявляется также как тотальное молчание и отстраненность. Примеры экзистенциального бунта можно найти в произведениях Альбера Камю³⁴³ и Фернандо Пессоа³⁴⁴. В романе «Посторонний» главный герой, Мерсо, демонстрирует экзистенциальный бунт через своё безразличие к жизни и окружающим. Он не реагирует на общественные нормы и ожидания, что приводит к его конфликту с обществом. Его внутренний протест проявляется в том, что он не испытывает «традиционных» эмоций, даже когда сталкивается с трагическими событиями (смерть матери). В «Книге не покоя» главный герой, Бернарду Суареш, также живет в состоянии внутреннего бунта. Он ощущает глубокую отдаленность от мира, и его мысли наполняют тревога и сомнения. Его

³⁴² Там же. С. 414.

³⁴³ Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула. М.: АСТ, 2014. 381 с.

³⁴⁴ Пессоа Ф. Книга не покоя [Электронный ресурс]. URL:

https://royallib.com/read/Pessoa_Fernando/kniga_nepokoya.html#0 (дата обращения 01.08.2024).

экзистенциальный протест выражается в постоянном анализе своей жизни и чувствах, которые остаются неразделенными с внешним миром, создавая атмосферу эмоциональной «комы»: «Мир принадлежит тем, кто не чувствует»³⁴⁵.

Стратегия «самопожертвования» может ассоциироваться с фразой «Я для других» и часто рассматривается как высшая форма альтруизма, служения, самоотречения, аскезы, мужества, героизма и морального поведения. Она выражает «ценности воплощения» и проявляется в радикальной готовности людей жертвовать чем-то ценным ради других или высшей цели. Крайней формой самопожертвования в экстремальных обстоятельствах является собственная жизнь. Человек выбирает стратегию «самопожертвования» в самых разных ситуациях: от войны, медицины, пожаров, террористических операций, до образования, семьи, и даже дружбы. Ключевое здесь - идея собственной жертвы. Человек приносит себя в жертву. Но эта жертва не воспринимается как что-то негативное, а скорее как акт любви и преданности. Следуя за Кантом, можно сказать, что самопожертвование – это моральный поступок, основанный на чувстве долга. Долг является имманентным началом, но он зависит от личных убеждений и ценностей каждого человека. То, что один человек считает своим долгом, другой может не воспринимать так же. Для кого-то долг может проявляться в заботе о семье, для других – в служении обществу. Общее для долга заключается в том, что люди действуют не ради выгоды или признания. Они делают это потому, что считают это правильным. Именно внутреннее чувство побуждает их к действию. Главное в этом – абсолютная искренность намерений. Важно не то, что происходит после поступка, а то, почему человек решает поступить именно так.

Самопожертвование также связано с идеей ответственности. Быть человеком (П. Тиллих) – значит нести ответственность за свои поступки³⁴⁶.

³⁴⁵ Пессоа Ф. Книга покоя [Электронный ресурс]. URL:

https://royallib.com/read/Pessoa_Fernando/kniga_nepokoya.html#815403 (дата обращения 01.08.2024).

³⁴⁶ Тиллих П. Избранное. Потрясение оснований. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 40.

Каждый поступок человека, основанный на нравственных принципах, помогает ему понять свое предназначение. Когда мы действуем в соответствии с тем, что считаем правильным, мы проявляем свою сущность, раскрываем свой потенциал. Несмотря на благие намерения, человек, по Тиллиху, часто испытывает тревогу вины, когда совершает нравственный поступок³⁴⁷. Каждый нравственный поступок требует от человека совершить выбор. Даже если намерения были благими, результат может быть непредсказуемым. Тревога вины и возникает как раз из-за сомнений в правильности нашего выбора. Но несмотря на двусмысленность и неоднозначность поступка, человеку, как пишет Тиллих, необходимо стремиться преобразовать сомнение в нравственное действие. Человеку все равно надо продолжать действовать уверенно, основываясь на своих принципах. Каждый выбор, который мы делаем, становится актом экзистенциального воплощения и отражает наши ценности и убеждения.

Самопожертвование может стать способом самоутверждения. По Тиллиху, существует два способа самоутверждения³⁴⁸. Первый способ самоутверждения основан на случайностях судьбы. Человек, выбирающий этот путь, может легко пренебречь нравственными требованиями. Он считает, что все в жизни зависит от обстоятельств, оправдывая свои действия, исходя из того, что они являются результатом судьбы. Этот способ может выглядеть как освобождение, но он также может привести к моральной пустоте. Второй способ самоутверждения основывается на ответственности свободы. Человек может стать слишком строгим к себе и окружающим, начать осуждать других за их ошибки, забывая, что только каждый человек ответственен за собственный выбор. Оба этих способа самоутверждения ослабляют и усиливают друг друга. Чтобы совершить нравственный поступок, необходимо прорвать сомнение, отчаяние и чувство вины, совершить «рывок».

³⁴⁷ Там же. С. 41.

³⁴⁸ Тиллих П. Избранное. Потрясение оснований. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 41.

Именно этот «рывок» приводит к истинному самоутверждению, основанному на нравственной ответственности. Тогда самопожертвование становится высшей формой самоутверждения. Человек, выбирая этот путь, «не отворачивается» от экстремальной ситуации, он «остается», чтобы помочь, утверждая тем самым ценность человеческой жизни как таковой. Тиллих называет подобное самоутверждение предельной формой мужества ³⁴⁹. Только «мистик», по Тиллиху, способен на «великое» самопожертвование. «Мистик» олицетворяет высшую мудрость и смелость. Он живет в согласии с самой сущностью бытия, не боится ни судьбы, ни смерти, принимает тревогу и сомнения, потому что обладает «истиной»³⁵⁰.

Согласно Дюркгейму, для того чтобы быть полноценным социальным существом, человек должен выходить за рамки своих эгоистичных желаний посредством аскетичных актов самопожертвования, подчиняться «общей пользе»³⁵¹. В этом смысле самопожертвование имеет двойственный смысл и понимается как жертвоприношение и воспринимается как акт солидарности, альтруизма. Жертвоприношение изначально возникло для того, чтобы сохранять и обновлять естественное родство, которое всегда соединяло человеческое, природное и божественное. В этом смысле жертвоприношение – это ритуальный способ поддерживать гармонию в мире ³⁵². Основная практика жертвоприношения часто осуществлялась через «акт пищевого причастия»³⁵³. Жертвоприношение в его радикальной форме подразумевает человеческую жизнь. Именно в этом смысле жертвоприношение проявляется в его самой экстремальной форме - как самопожертвование. Но это самопожертвование не добровольное, а насильственное. Один человек становится как бы «абсолютным злом», принимая на себя все негативные аспекты общества – ссоры, раздоры, соперничество, и т. д.³⁵⁴. Общество

³⁴⁹ Там же. С. 108.

³⁵⁰ Там же. С. 109.

³⁵¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 18.

³⁵² Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 563.

³⁵³ Там же. С. 558.

³⁵⁴ Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 16.

считает, что, пожертвовав им, оно восстановит порядок и гармонию, объединит и успокоит людей. Можно сказать, что жертвоприношение – это способ снять напряжение между людьми, не дать распространиться и размножиться конфликтам и насилию³⁵⁵. Жертва становится символом насилия «без риска мести»³⁵⁶. Она выступает как буфер, поглощая всю ненависть.

Стратегия «веры» имеет философский характер и понимается как чувство или состояние, которое помогает человеку находить смысл в жизни и действовать, несмотря на окружающие его обстоятельства (К. Ясперс). Она выражает ценности воплощения и может ассоциироваться с фразой «Я надеюсь». Это истина, которой живет человек³⁵⁷. Стратегия «веры» противопоставляется стратегии «нигилизма»³⁵⁸. Нигилизм отвергает все формы веры и духовности. Он считает, что нет абсолютных истин и смысла в жизни. Все интерпретации мира и бытия воспринимаются как иллюзия. Нигилист считает, что все относительно и подвержено сомнению. Нет ничего надежного, что можно было бы считать основой. Вера же вдохновляет и мотивирует. Вера всегда есть «вера во что-то»³⁵⁹. Это экзистенциальная сила. Она дает надежду и уверенность в собственном существовании. Ясперс выделяет два типа веры: религиозную и философскую. Религиозная вера основывается на догмах и авторитетах. Она предполагает принятие определенных истин без сомнений. Человек следует предписаниям и традициям, которые были установлены ранее. Она выражает «способность к решительному исключению самостоятельности...»³⁶⁰. Философская вера, согласно Ясперсу, – это радикальное понимание свободы. Она возникает на основе личного начала, убеждений, принципов, из субъективного опыта и посредством размышлений, как осознание того, что каждый человек обладает способностью создавать свой собственный смысл: «Философствуя, я ничего

³⁵⁵ Там же. С. 23.

³⁵⁶ Там же. С. 22.

³⁵⁷ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 421.

³⁵⁸ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 486.

³⁵⁹ Там же. С. 423.

³⁶⁰ Там же. С. 374.

не принимаю так, как оно мне навязывается...»³⁶¹. Философская вера не зависит от авторитетов. Она возникает изнутри, из внутреннего «истока»³⁶².

Основная суть стратегии веры для человека в экстремальных обстоятельствах заключается в обретении независимости от всего происходящего. Вера позволяет человеку стать самим собой, не поддаваясь давлению внешних факторов. Подлинная вера служит опорой. Она помогает «охранять» внутренний мир, держать его в состоянии покоя. Экстремальные обстоятельства могут подрывать веру, но именно в такие моменты она становится особенно ценной. Экстремальные обстоятельства могут сломать физическую оболочку, но истинная вера укрепляет дух. Она дает силы продолжать движение вперед. Основная цель философствования, согласно Ясперсу, – это подлинный покой³⁶³. Этот покой достигается через искреннюю веру.

Стратегии поведения в условиях экстремальных обстоятельств могут быть направлены на сохранение целостности личности, системы, порядка. Приспособление, бунт и самопожертвование служат защитными механизмами, позволяющими человеку сохранить свою жизнь, и в некоторых ситуациях помогают сохранить свою идентичность и моральные ориентиры, оставаться верным своим убеждениям, находить смысл и не отказываться от цели. Эти стратегии как бы формируют внутренний мир человека, делают его более устойчивым, а самого человека делают более «выносливым», расширяя пределы того, что он может пережить. В отличие от них, существует антистратегия, которая предполагает полное подчинение страху и разрушению. Мы назовем ее стратегией «саморазрушения». Homo Extremus воплощает данную антистратегию, он живет в состоянии постоянного внутреннего напряжения. Его повседневная жизнь наполнена тревогой. Он не может найти опору, не может сформулировать четкие принципы, по которым хотел бы жить. Восприятие мира и себя в нем у Homo Extremus

³⁶¹ Там же. С. 423.

³⁶² Там же. С. 425.

³⁶³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 502.

искажено страхом. Homo Extremus испытывает постоянное чувство неопределенности, скуки и отчаяния. В повседневной, обычной жизни он не находит твердой почвы под ногами. Он ощущает, что его существование похоже на падение. Внешний мир вокруг него постоянно собирается и рассыпается, раздваивается на реальное и воображаемое, привычные вещи теряют свою значимость, события накладываются одно на другое. Идеи, которые раньше казались истинными, утрачивают свой изначальный смысл. В этих обстоятельствах человек затрудняется принимать решения, так как все варианты кажутся равнозначными.

Homo Extremus не может найти «свое» укрытие ни во внешнем мире, ни внутри себя. Homo Extremus живет без чувства жизни, чувствует, что существование не приносит радости. Он ищет острых ощущений, чтобы почувствовать себя живым. Экстремальные «приключения» становятся для него необходимостью. Без них он не может испытывать эмоции. Каждый опыт, который он переживает, становится способом преодолеть пустоту. Он может заниматься опасными видами спорта или участвовать в рискованных мероприятиях, чтобы «познать самого себя». Только в моменты прилива адреналина он ощущает себя настоящим. Но даже эти мгновения не приносят долгожданного удовлетворения. После восторга приходит опустошение. Он живет в постоянном ожидании чего-то нового. Внутренний мир Homo Extremus разрушается, и он не знает, как его восстановить. Его стремление к экстриму — это попытка спастись от серости повседневности и от собственного отчаяния.

Homo Extremus видит свое подлинное существование только в экстремальных обстоятельствах, они дают ему возможность понять себя, дарят ему покой, который отсутствует в повседневной жизни. Только в условиях риска он обретает ясность. Когда он сталкивается с реальной опасностью, его страх становится управляемым. Он чувствует себя целостным и может принимать решения. Экстремальные обстоятельства заставляют его быть внимательным. Они пробуждают в нем инстинкты

выживания. Homo Extremus переворачивает привычное представление об экстремальных обстоятельствах. Для него опасность становится источником наслаждения. Он не боится смерти, а напротив, ищет ощущение, близкое к ней. Порядок становится источником скуки и безразличия. Когда вокруг все стабильно, он чувствует себя потерянным. Когда его жизнь висит на волоске, он ощущает единство с миром. Homo Extremus не способен на самопожертвование или веру в лучшее, не способен на бунт и не может приспособиться к окружающей действительности. Для него отношения с людьми кажутся ненадежными и поверхностными, успех и одобрение общества не имеют для него значения. Вместо этого он стремится разрушить привычные социальные нормы, чтобы вернуться к тому типу существования, который можно назвать «экзистенциальным хаосом». Он бежит от ответственности и не желает строить долгосрочные планы. Вместо этого он предпочитает жить моментом, даже если это приводит к разрушительным последствиям.

Вывод

Основные поведенческие стратегии в условиях экстремальных обстоятельств можно разделить на две категории: те, которые поддерживают или выражают «ценности выживания» и те, которые связаны с «ценностями воплощения». Первая категория направлена на сохранение, прежде всего, своей жизни, удовлетворение основных витальных потребностей. Эти ценности «эгоистичны». Выживание становится главной целью. Вторая категория способствует внутренней трансформации человека и направлена на помощь другим людям. Эти ценности олицетворяют альтруизм и сострадание. Человек рискует своей жизнью, чтобы спасти другого человека, жизнь только «для себя» не имеет смысла. В рамках этих категорий мы выделяем четыре стратегии и одну антистратегию поведения: «приспособления», «бунта», «самопожертвования», «веры»/«нигилизма» и «саморазрушения».

Преодолевая страх или поддаваясь ему, человек реализует, на наш взгляд, свою внутреннюю свободу, и совершает выбор. Стратегии поведения могут комбинироваться, выбираются чаще всего интуитивно, и иногда плавно переходят одна в другую в зависимости от ситуации и состояния человека. Мы также выделили два уровня экстремального давления: внешние события, внутренний стресс, и фоновое давление «культуры успеха». Рассмотренные стратегии (модели) поведения человека в экстремальных обстоятельствах являются начальной основой для дальнейшего исследования. Выбранные нами стратегии не являются окончательными. По мере углубленного изучения данной темы философами, социологами, антропологами и психологами, типология стратегий будет расширяться и дополняться. Наша модель является открытой. Она позволяет выделить основные векторы формирования стратегий, сосредоточить внимание на экзистенциальном аспекте. Мы понимаем, что каждое исследование открывает новые горизонты и дает возможность осветить ранее незамеченные детали. Человеческое поведение в экстремальных обстоятельствах многогранно и сложно. Оно зависит от множества факторов – личной истории, экзистенциальных мотивов, культурного контекста, социальных условий и многих других элементов, и моделирование стратегий поведения определяется позицией самого исследователя и выбранной им методологии.

Заключение

До XX и XXI веков экстремальные ситуации всегда находились за «территорией» привычной жизни. Это были, прежде всего, события, обладающие разрушающей силой: голод, войны, революции, эпидемии, и др. В XXI в. мы можем говорить уже не об экстремальных ситуациях, а об экстремальных обстоятельствах, о том, что мы живем уже не в «обществе риска», а в «обществе экстремальности», где риски стали частью повседневной жизни. Мы сталкиваемся с угрозами, которые могут возникнуть в любой момент: экологические катастрофы, пандемии, технологические сбои, ядерное оружие – все это стало нормой. Главной особенностью современных экстремальных обстоятельств является их технологический характер и масштаб. Человек – это открытая возможность³⁶⁴. Он может меняться и изменять среду своего обитания, строить свою жизнь самостоятельно, выбирать свой путь и определять своё будущее. Экстремальные события, можно сказать, являются своеобразным зеркалом, в котором отражается истинная природа человека. Как бы «замыкая» человека в «тисках» определенной пограничной ситуации, они выявляют скрытые стремления и желания, которые, возможно, никогда не были бы осознаны в обычной, спокойной жизни. Экстремальные события проверяют человека на «прочность», которая проявляется в способности преодолевать истощение, когда нужно «выдержать» давление обстоятельств. Проникая в повседневную жизнь человека, экстремальность теряет свою «привилегированность», нередко становясь частью его внутреннего мира. Экстремальные обстоятельства могут проявляться теперь не только как конкретные ситуации «неповседневного» существования, но и как состояние и настроение подавленности, тревоги, апатии. Причиной для возникновения подобных состояний выступают внешние события. Их количество продолжает увеличиваться³⁶⁵. С развитием технологий информация

³⁶⁴ Эспозито К. Современный нигилизм. Хроника. М.: РИПОЛ классик, 2022. С. 61.

³⁶⁵ Our World in Data // Is the number of natural disasters increasing? [ресурс]. URL: <https://ourworldindata.org/disaster-database-limitations#article-citation> (дата обращения: 15.08.2024).

распространяется мгновенно. Постоянный поток плохих новостей влияет на восприятие реальности человеком, «накрывает» его, создавая искаженную, катастрофическую картину мира, насыщенную исключительно негативными событиями. В дополнение к внешним событиям подавленность также вызывается избытком всего - контента, деятельности, коммуникации, информации. Все это перегружает сознание. С развитием интернета и технологий появляются новые цифровые риски: зависимость, изоляция, кибермошенничество, травля в социальных сетях. Помимо этого, возникает некая мифология «культуры успеха», которая проникает в реальный мир и отражается в нем высокими ожиданиями и стандартами, которых человек должен достигнуть. Давление проявляется в том, чтобы быть лучше, быстрее, успешнее. Страх не реализоваться становится навязчивым. Экстремальные обстоятельства в повседневной жизни также возникают из-за ускорения процессов всех сфер жизни и стремления человека контролировать, «покорять» окружающий его мир. Глобализация, бюрократизация, капитализм, технологии и цифровизация «добавляют» неопределенности и риска, делают жизнь еще более экстремальной и непредсказуемой. Все происходит ситуативно. Иногда нужно принимать решения мгновенно. Стресс также становится частью повседневной жизни. Экстремальные обстоятельства становятся нормой, а не исключением. Человек больше не находит опору в том, что раньше давало ему онтологическую уверенность. Человек оказывается изолированным в своем собственном мире. Только эта изоляция происходит от стремления контролировать окружающий мир. Человек пытается управлять всем, но в итоге происходит размывание границ между обычным и экстремальным, нормальным и ненормальным. Мир больше не обладает иммунологической защитой. Человек адаптируется к изменениям, но это не всегда происходит безболезненно. Когда экстремальные обстоятельства становятся частью идентичности человека, появляется тип личности, который мы называем «Номо Extremus», живущий «на грани». Номо Extremus не ищет борьбы с внешними обстоятельствами.

Его борьба – это поиск себя в мире, полном риска. Экстремальность – это его способ существования. Рассматривая экстремальные обстоятельства, мы выделили четыре стратегии поведения («преодоления») человека: приспособление, бунт, самопожертвование и вера. Кроме того, мы обозначили одну антистратегию – саморазрушения. Нигилизм кажется закономерным в мире, где экстремальность стала нормой. Современный нигилизм проявляет себя как «отсутствие сил», пассивность, упадок, апатия из-за «технической организации мира» и «контролируемых вычислений»³⁶⁶. Каждая из этих стратегий представляет собой способ реагирования на давление, оказываемое экстремальными обстоятельствами, которые могут проявляться напрямую или опосредованно. Человек – это социальное существо. Он всегда ищет человеческой связи с другими людьми, понимания, сочувствия, искренности. Современный мир «движется» с невероятной скоростью. Человечеству словно необходимо замедлиться, чтобы понять, что действительно важно, а что нет. Многие процессы автоматизированы и поставлены на поток. Понятно, что современный мир «не остановить». Он продолжит развиваться. Без баланса между переменами и стабильностью экстремальные обстоятельства будут только нарастать. Диалог становится важнее, чем когда-либо. Без общения и понимания между людьми накапливается апатия. На наш взгляд, будущие исследования проблемы поведения человека в экстремальных обстоятельствах могут быть сосредоточены на нескольких ключевых направлениях: во-первых, взаимосвязь между виртуальностью и экстремальностью; во-вторых, влияние нигилизма на поведение человека в условиях экстремальности; в-третьих, важно продолжить исследование различных стратегий поведения, которые люди используют в ответ на экстремальные обстоятельства; в-четвертых, изучение дезинформации, «фейковых» новостей и их роли в формировании общественного мнения; в-пятых, исследование объема и предела страданий, стойкости, которые способен выдержать человек; и в-шестых, особенно

³⁶⁶ Эспозито К. Современный нигилизм. Хроника. М.: РИПОЛ классик, 2022. С. 25.

интересной для нас темой является изучение существования Homo Extremus, его образа жизни, ценностей в контексте глобальных вызовов и изменений современного общества. Итак, экстремальные обстоятельства не просто испытывают человека на «прочность», они формируют его идентичность и восприятие мира, они не только разъединяют людей, но также способны объединять и сближать их через общий опыт страданий, трудностей и надежд. Мы находимся на пограничном этапе, когда мир становится технологично «искусственным» и «искусственно» экстремальным, но при этом остается все еще человеческим и «человеческим». На наш взгляд, мир находится на критическом рубеже. Коллективные решения и выбор могут кардинально изменить его дальнейшее развитие и привести к совершенно различным сценариям будущего, которые чреваты новыми экстремальностями. Как бы ни развивались технологии, основная потребность человека остается неизменной: это потребность в связи с другими людьми.

Список использованной литературы

1. Августин А. О граде Божием. М.: АСТ, 2023. 1248 с.
2. Аврелий М. Размышления. Ленинград: «Наука», 1985. 246 с.
3. Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011. 256 с.
4. Агамбен Д. Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Издательство «Европа», 2012. 192 с.
5. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М.: «Когито-Центр», 2002. 220 с.
6. Аквинский Ф. Сумма теологии. Т. I: Первая часть. Вопросы 1–64. М.: Либроком, 2013. 832 с.
7. Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. М.: Новое издательство, 2015. 200 с.
8. Андромонов Д. К. Феномены конформизма и неконформизма в структурно-функциональной теории // Евразийский союз ученых. 2015. № 6–5 (15). С. 55–57.
9. Аристотель. Метафизика. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
10. Аристотель. Никомахова этика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 222 с.
11. Баграмов Э. А. Национальное сознание, национализм и экстремизм. М.: Российский университет дружбы народов, 2015. С. 91–96.
12. Бадж Э. А. У. Египетская «Книга мертвых». М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 224 с.
13. Байбородов А. Ю. «Пограничные ситуации» и проблема коэкзистенциального общения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4–2 (66). С. 15–19.
14. Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. М.: РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2002. 399 с.

15. Батлер Дж. Сила ненасилия: Сцепка этики и политики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 224 с.
16. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. 255 с.
17. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
18. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
19. Беттельхейм Б. Просвещенное сердце [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/bettelgeym_bruno/prosveshchennoe_serdtse.html#0 (дата обращения: 01.04.2024).
20. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Издательство АСТ, 2020. 384 с.
21. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
22. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. М.: «РИПОЛ Классик», 2019. 347 с.
23. Боккаччо Д. Декамерон. М.: Художественная литература, 1970. 704 с.
24. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. 224 с.
25. Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. 344 с.
26. Боровский Т. Прощание с Марией. Рассказы [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/borovskiy_tadeush/proshchanie_s_mariey.html#0 (дата обращения: 01.04.2024).
27. Брестед Д., Тураев Б. Б. История Древнего Египта. Мн.: Харвест, 2003. 832 с.
28. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
29. Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

- 30.«Бытие-в-мире» электронной культуры / Л. В. Баева, Н. А. Касавина, Т. Д. Лопатинская, Е. В. Федюлина. СПб.: «Реноме», 2020. 192 с.
- 31.Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- 32.СК оценил ущерб от мошенников за девять месяцев 2024 года // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2024/12/05/1079559-sk-otsenil-uscherb-ot-moshennikov> (дата обращения: 15.06.2024).
- 33.Визель Э. Ночь. Рассвет. День. М.: Книжники, 2021. 432 с.
- 34.Вирильо П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. 140 с.
- 35.Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.
- 36.Власова О. А. Философия экзистенции Карла Ясперса и ее антропологические практики // Исследователь/Researcher. 2018. № 1–2(21–22). С. 73–77.
- 37.Психические расстройства // Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders> (дата обращения: 01.07.2024).
- 38.В России выросло число природных катаклизмов // Газета.Ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/04/03/22694359.shtml> (дата обращения: 10.03.2024).
- 39.Гирц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.
- 40.Гоббс Т. Левиафан. М.: РИПОЛ классик, 2017. 672 с.
- 41.Гомер. Одиссея. М.: Наука, 2000. 486 с.
- 42.Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.
- 43.Грей Д. Г. Идея смерти в экзистенциализме // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2017. № 4. С. 31–38.

44. Декарт Р. Сочинения в 2 тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 654 с.
45. Депрессивное расстройство (депрессия) // Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс] URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression>: 10.04.2024).
46. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М.: Logos-altera, «Ессе homo», 2006. 254 с.
47. Дефо Д. Дневник чумного года. М.: Наука; Ладомир, 1997. 483 с.
48. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: АСТ, 2024. 992 с.
49. Древний Египет // Речение Ипувера. [Электронный ресурс]. URL: http://ru-egypt.com/sources/rechenie_ipuvera (дата обращения: 10.05.2024).
50. Дрегало А. А. От идеи социального порядка к саморазвитию социальных систем // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 82–91.
51. Дуглас М. Чистота и опасность. М.: «Канон-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 288 с.
52. Дэвис Э. Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/devis_erik/tehnognozis_mif_magiya_i_mistitsizm_v_informatsionnuyu_epohu.html#649054 (дата обращения: 10.07.2024).
53. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
54. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 736 с.
55. Жирар Р. Козел отпущения. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
56. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.

57. Жукоцкая А. В. Глобальные вызовы современности и духовный выбор // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. № 2(46). С. 23–31.
58. Жукоцкая А. В. Идеология: фобии и ожидания // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2022. № 3(43). С. 17–28.
59. Жукоцкая А. В. Старые опасения и новые идеологии // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2015. № 2(14). С. 10–21.
60. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
61. Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула. М.: АСТ, 2014. 381 с.
62. Кант И. Критика практического разума. М.: Эксмо, 2015. 224 с.
63. Кант И. Основы метафизики нравственности [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/kant_i/osnovi_metafiziki_nravstvennosti.html#0 (дата обращения: 20.06.2024).
64. Карсавин Л. П. Сочинения. М.: «Раритет», 1993. 496 с.
65. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
66. Китаев-Смык Л. А. Сознание в плену // Энергия: экономика, техника, экология. 2015. № 12. С. 70–77.
67. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 205 с.
68. Курцвейл Р. Эволюция разума, или Бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов [Электронный ресурс]. URL: <https://knizhnik.org/rej-kurczvejl/evoljuczija-razuma-ili-beskonechnye-vozmozhnosti-chelovecheskogo-mozga-osnovannye-na-raspoznavanii-obrazov> (дата обращения: 10.07.2024).
69. Кырлан Н. С. Теоретические подходы к определению сущности понятия «риск» // Гуманизация образовательного пространства. Саратов: Издательство «Перо», 2016. С. 584–590.
70. Кьеркегор С. Понятие страха. М.: Академический проект, 2014. 224 с.

71. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Академический проект, 2011. 154 с.
72. Лао-цзы Книга о пути жизни (Дао-Дэ цзин). М.: Издательство АСТ, 2020. 288 с.
73. Ларше Ж.-К. Обратная сторона новых медиа. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2023. 304 с.
74. Лебон Г. Психология народов и масс М.: Издательство АСТ, 2016. 320 с.
75. Леви П. Канувшие и спасенные. М.: Новое издательство, 2010. 196 с.
76. Леви П. Человек ли это? М.: Текст, 2001. 205 с.
77. Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 576 с.
78. Лепешкин С. А. Некоторые подходы к анализу понятия «катастрофическое сознание» // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2019. № 3(31). С. 89-97.
79. Лосский Н. О. Избранное. М.: Правда, 1991. 624 с.
80. Луман Н. Понятие риска // Альманах «THESIS» 1994. Вып. 5. М.: ВШЭ, 1994. С. 135–160.
81. Лэнг Р.Д. Расколотое «Я». СПб.: Белый кролик, 1995. 352 с.
82. Магомед-Эминов М. Ш. Онтологическая концептуализация феномена экстремальности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2014. № 3. С. 79–91.
83. Магомед-Эминов М. Ш. Определение экстремальной ситуации // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6. № 1. С. 13–24.
84. Магомед-Эминов М. Ш. Трансформация личности в экстремальной ситуации // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. С. 171–174.
85. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.

86. Мамардашвили М. Картезианские размышления. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Культура», 1993. 352 с.
87. Маркс К. Капитал. М.: Азбука, 2023. 512 с.
88. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: «REFL-book», 1994. 368 с.
89. Масалимов Р. Н. Экстремальная антропология как инновационный подход к изучению социальных проблем // Креативная экономика и социальные инновации. 2013. Т. 3. № 2(5). С. 112–122.
90. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентное. М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
91. Мережковский Д. С. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. М.: Правда, 1990. 592 с.
92. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
93. Мид Д. Г. Избранное. М.: РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социальной психологии 2009. 290 с.
94. МЧС России // Термины МЧС России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mchs.gov.ru/dop/terms> (дата обращения: 10.04.2024).
95. Нарский И. С. Готфрид Лейбниц. М.: Мысль, 1972. 239 с.
96. Наумова Т. В. Методологическое значение философских категорий в понимании сущности риска // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 182. С. 52–58.
97. Болезнь, инфляция, переживания за детей: россияне назвали главные страхи 2024 года // НАФИ [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/analytics/bolezn-inflyatsiya-perezhivaniya-za-detey-rossiyane-nazvali-glavnye-strakhi-2024-goda/> (дата обращения: 01.07.2024).
98. Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж. П. Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. 403 с.

99. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.
100. Оппедизано М. Д. Л. Адаптация человека к экстремальным условиям деятельности. Физиологические механизмы (структурный след адаптации) // Forcipe. 2021. Т. 4, № 4. С. 18-25.
101. Организация Объединенных Наций // Народонаселение. [Электронный ресурс]. URL: <https://inlnk.ru/w4NdYe> (дата обращения: 20.05.2024).
102. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002. 832 с.
103. Пессоа Ф. Книга непокоя [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/Pessoa_Fernando/kniga_nepokooya.html#0 (дата обращения 01.08.2024).
104. Платон. Собр. соч в 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.
105. Платон. Собр. соч в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. 830 с.
106. Положевец Е. В. Теоретический анализ проблемы вхождения и приспособления человека к условиям новой среды // Актуальные проблемы психологического знания. 2020. № 3–4(54). С. 1–6.
107. Полянский Д. В. Страх как объект социального производства // Проблемы современного образования. 2020. № 1. С. 16–23.
108. Проактивный и реактивный риск-менеджмент IT-сервисов облачных сред / А. В. Скатков, Д. Ю. Воронин, В. И. Шевченко, А. А. Ключарев // Информационно-управляющие системы. 2017. № 3(88). С. 25–33.
109. Резник Ю. М. Человек бунтующий или почему люди бунтуют? // Личность. Культура. Общество. 2014. Т. XVI. Вып. 1. № 1–2. С. 8–20.
110. Рогозин Д. М. (Со)Переживание близости смерти // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6(136). С. 193–215.

111. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2-х т. Т. 2. М.: Педагогика, 1981. 333 с.
112. Савкин Н. С. Социальное бытие человека и феноменология смерти // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23. № 2(62). С.184-194.
113. Самоубийство // Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс] URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (дата обращения: 10.04. 2024).
114. Сартр Ж.-П. Тошнота: Роман; Стена. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 399 с.
115. Свендсен Л. Философия страха. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 288 с.
116. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии (Библиотека античной литературы). М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
117. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М.: «Наука», 1977. 384 с.
118. Сенявская Е. С. Военная антропология в новых исторических условиях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 46–54.
119. Соловьев В. С. Сочинения в 2 тт. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 822 с.
120. Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб.: Мирь, 2012. 336 с.
121. Социология медиакommunikаций: теория и практика. М.: Московский городской педагогический университет, 2023. 156 с.
122. Спенсер Г. Основания социологии. М.: URSS, 2016. 440 с.
123. Судзуки Д. Т. Очерки о дзэн-буддизме. Часть первая. СПб.: Наука, 2002. 472 с.

124. Твердохлебов Н. В. Некоторые подходы к уточнению понятия «чрезвычайная ситуация» и к совершенствованию классификации чрезвычайных ситуаций // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2016. Т. 6, № 1(10). С. 66–71.
125. Тиллих П. Избранное. Потрясение оснований. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 352 с.
126. Тоби Орд. На краю пропасти. Экзистенциальный риск и будущее человечества [Электронный ресурс]. URL: <https://yakniga.org/tobi-ord/ebooks/na-krayu-propasti-ekzistentsialnyy-risk-i-budushee-chelovechestva> (дата обращения: 20.06.2024).
127. Троттер У. Стадный инстинкт в мирное время и на войне. М.: Издательство АСТ, 2023. 256 с.
128. Трубина Н. А. Онтологические основания «хрупкости» // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: Материалы III Всероссийской научной конференции. Омск, 2021. С. 367–368.
129. Труфанова Е. О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2019. № 1(16). С. 4–21.
130. Федерман Р. Тсс... История одного детства. СПб.: Jaromir Hladik press, 2020. 224 с.
131. Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.
132. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I: от эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Издание подготовил А.В. Лебедев. М.: Наука. 1989. 576 с.
133. Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нонфикшн, 2018. 231 с.
134. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М.: Альпина нон-фикшн, 2009. 239 с.
135. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
136. Фрейд З. Толкование сновидений. Мн.: ООО «Попурри», 2003. 576 с.

137. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
138. Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: Издательство АСТ, 2023. 160 с.
139. Хан Б.Ч. Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна. М.: Издательство АСТ, 2024. 192 с.
140. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. М.: РИПОЛ классик, 2020. 290 с.
141. Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе. М.: ООО «Книгодел», 2021. 144 с.
142. Чудина-Шмидт Н. В. Определение феномена «экстремальность» разными дискурсивными системами // Философия права. 2022. № 2(101). С. 75–81.
143. Чудина-Шмидт Н. В. Особенности поведения субъекта экстрима в условиях кризисной, чрезвычайной и экстремальной ситуаций // Евразийский юридический журнал. 2024. № 8(195). С. 544–546.
144. Чудина-Шмидт Н. В. Сущностные характеристики концепта «экстрим» // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 9. С. 138–141.
145. Экклесиаст. Песнь песней Соломона. Притчи Соломона. М.: РИПОЛ-Классик, 2020. 288 с.
146. Эпиктет. Энхиридион (Краткое руководство к нравственной жизни). СПб.: «Владимир Даль», 2012. 399 с.
147. Бауман З., Донских Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. 368 с.
148. Эспозито К. Современный нигилизм. Хроника. М.: РИПОЛклассик, 2022. 240 с.
149. Юнг К. Г. Человек и его символы. М.: «Серебряные нити», 2016. 352 с.
150. Юнг К. Г. Человек и его символы. М.: «Серебряные нити», 2016. 352 с.

151. Ясперс К. Введение в философию. Мн.: Пропилеи, 2000. 192 с.
152. Ясперс К. Разум и экзистенция М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.
153. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
154. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. 448 с.
155. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. 384 с.
156. Ясперс К., Голиков К. Психология мировоззрений // Философская антропология. 2021. Т. 7. № 1. С. 116–133.
157. Гефеле О.Ф. Личность в ситуации риска: социально-философский анализ: дис. кандидат философских наук: 09.00.11 - Социальная философия. Москва. 2004. 151 с.
158. Волкова Н. Г. Экстремальность в обществе риска: дис. кандидат философских наук: 09.00.11 - Социальная философия. Самара. 2011. 167 с.
159. Крайнова И. А. Социальные риски: множественность описания: дис. кандидат философских наук: 09.00.11 - Социальная философия. Москва. 2020. 128 с.
160. Пророчество Неферти // Biblical studies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.biblicalstudy.ru/Lib/Epigraph/2.html> (дата обращения: 10.05.2024).
161. GUFO // Социологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/social/%D0%A0%D0%98%D0%A1%D0%9A> (дата обращения: 01.06.2024).
162. Our World in Data // Is the number of natural disasters increasing? [Электронный ресурс]. URL: <https://ourworldindata.org/disaster-database-limitations#article-citation> (дата обращения: 10.03.2024).

163. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. N 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (с изменениями и дополнениями). Статья 1 // Гарант.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/10107960/> (дата обращения: 10.04.2024).

Приложение 1

Классификация стратегий поведения человека в экстремальных обстоятельствах			
Название стратегии	Основные характеристики	Ценности, лежащие в основе	Примеры поведения
Приспособление	Способность изменяться и адаптироваться к окружающей среде; гибкость; реакция на требования момента; стадийность (тревога, сопротивление, истощение).	Выживание любой ценой; готовность пожертвовать убеждениями; подчинение внешним правилам.	Мобилизация ресурсов; скрытное поведение; притворство; ожидание удобного момента для действий; игнорирование конфликтов.
Бунт	Протест против несправедливости или давления; выражение несогласия и протеста; может включать насилие или стихийное сопротивление; сильное эмоциональное напряжение.	Свобода; справедливость; внутренний протест; борьба с абсурдом.	Отказ следовать навязанным нормам; участие в протестах и мятежах; выражение недовольства через активные действия; внутренний бунт, например, отказ подчиняться или принимать ситуацию; использование

			насилия.
Самопожертвование	Готовность жертвовать собой ради других или высших целей; проявляется в альтруизме, героизме, ответственности; основано на нравственных принципах и чувстве долга; часто связано с внутренним мужеством.	Высшие ценности – любовь, долг, мораль, ответственность, вера в лучшее, стремление к внутренней трансформации через помощь другим.	Спасение другого человека, даже ценой собственной жизни; участие в опасных операциях (например, военных, спасательных); жертва ради идеалов; поддержка товарищей в опасных условиях; проявление героизма в экстремальных ситуациях.
Вера	Стремление найти смысл и опору в жизни через духовные или философские убеждения; вера во что-то высшее, в себя, в будущие возможности; дает надежду и внутренний покой.	Вера в абсолютные ценности, духовность, надежда, внутренняя сила, смысл.	Молитва, медитация, принятие внешних испытаний как испытаний собственной судьбы, вера в высшие силы или собственные убеждения.
Саморазрушение	Зависимость от экстремальных обстоятельств;	Ощущение пустоты и отчаяния;	Занятия опасными видами спорта; рискованные

	избегание стабильности, поиск острых ощущений как способ почувствовать себя живым; состояние внутренней дезорганизации.	безысходность; утрата смысла; зависимость от адреналина, сильных чувств, эмоций, ощущений.	поступки; самоповреждение; избегание ответственности; деструктивное поведение; уход в себя.
--	--	--	---

Приложение 2

Опрос проходил в 2024 году, в рамках факультативного курса «Навыки эмоциональной саморегуляции. Стратегии эффективного поведения в учебном процессе». Участниками стали студенты первого курса всех специальностей Института гуманитарных наук МГПУ. В опросе приняло участие 312 человек.

